„Пров 49“

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ

РУССКАГО

ПРОСТОЛЮДИНА

ВЪ

СКАЗКАХЪ.

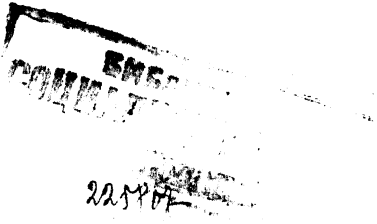
Второе изданіе.

(Politische Begriffe des russischen Volkes in Erzählungen.)
(Zweite Auflage.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

2 экз
П



О смутномъ времени на Руси.

I.

Самъ я — изъ безсрочныхъ. Хоть и служу въ солдатахъ, да солдацкаго во мнѣ мало. Солдатъ, первое дѣло, мужика не любитъ: „Ты — што? мужикъ, необразованность!...“ Завсегда такъ къ своему брату расположенъ.... Я, братцы, не изъ таковскихъ! И изъ меня, правда, мужицкое выколачиваютъ ихъ благородія, да напрасно: душито моей какъ есть не трогаютъ — все, значитъ, мужикомъ остаюсь, свово брата на начальство промѣнять не согласенъ...

А дивлюсь я, какъ это они изъ нашего брата солдатъ выкраиваютъ, душу-то изъ него всю выпущаютъ! Идетъ это парень въ рекруты, смотришь — ревмя реветъ: дороже, значитъ, своей деревни, почитай, ничего не видитъ... А поживетъ въ солдатахъ лѣтъ пять — глядишь, на деровню и смотрѣть не хочетъ, и родныхъ и знакомыхъ забудетъ, собой величается, а мужика въ грязь топчетъ: необразованность, дескать!...

Какъ начальство изъ насъ эдакихъ умниковъ выдѣлываетъ — это я вамъ разскажу: повремените малость! А теперь поведу рѣчь о другомъ...

Въ безсрочные я попалъ въ позапрошломъ годѣ.. Пришелъ я въ свою деревню (допрежъ, какъ въ солдаты забрили, не бывалъ дома), — вѣстимо дѣло, перемѣнъ много нашелъ: кого въ живыхъ не

засталъ, а кто при мнѣ безъ портокъ бѣгалъ, — теперь парнемъ настоящимъ выглядываетъ; дома-же опять — кои на дрова просятся, а кои еще только жить начинаютъ... Только одно осталось по старому: уходилъ — мужики бѣдно жили, домой вернулся — та-же бѣдность!... Сталъ и я со дня на день перебиваться....

На мое счастье, я съ измалѣтства грамотѣ наученъ; завсегда она мнѣ люба была, да и теперь пригодилась: мужики наши этой зимой стали отдавать ко мнѣ дѣтей на выучку, — ну, и платятъ, кто чѣмъ можетъ: кто — мукой, кто — крошевомъ, а кто картофлю даетъ; иной разъ и копѣйка выпадетъ какая-другая... А не то, подметки подъ сапоги кому подкинешь.. У солдата, сами знаете, и шило брѣетъ!... Такъ вотъ и перебиваюсь помалости....

Въ субботу этто, подъ воскресенье, пошелъ я въ гости, верстъ за десять отъ своей деревни.... Есть у меня тамъ пріятель одинъ, Васильемъ Петровичемъ прозывается — мужикъ не безъ разума!.. Праздникъ... Торопиться было некуда... Обѣдаемъ эдакъ не спѣша, прохлаждаемся.... Разговорились....

— А что, — спрашиваю я его — много у васъ въ деревнѣ грамотныхъ?

Я до грамотныхъ-то больно охочъ.

— Не то, чтобъ много, а есть!... А одинъ такъ изо всѣхъ повысунулся, — говоритъ мнѣ Василій Петровичъ....

— Что же, учёнъ больно? — спрашиваю его.

— Да, человѣкъ знающій! говоритъ. Старостули, говоритъ, учесть надо-ть, раскладку-ли сдѣлать — лучше его никто не сможетъ; совѣть-ли опять какой дастъ, завсегда спасибо скажешь....

— А зовутъ-то его какъ?

— Максимомъ Иванычемъ прозывается...

— Ходитъ на заработки, али дома — безъ отлучки?

— Прежде, говоритъ, ходилъ въ Питеръ, по печной части, и не одно лѣто работалъ, а теперь вотъ, съ годъ времени, дома живетъ...

— Съ достаткомъ?

— Съ обыкновеннымъ: сегодня — безъ денегъ, а завтра — въ долгъ!...

— Какъ и всѣ мы грѣшные?

— Да!... Больно ужъ мы его любимъ.

— Человѣкъ душевный, значитъ?

— Охочъ больно мужикамъ правду выкладывать.

— Это на счетъ чего?

— Да вотъ: на счетъ житья крестьянскаго, податей, солдатства... Опомнясь, какъ въ кабакѣ старосту принялъ... „Христопродавецъ!“ — говоритъ.

— Изъ за чего-же у нихъ вышло?

— Староста у насъ, вишь-ли, — начальству угодникъ; эдакъ любитъ стоять за него... и, боже ты мой! Одно слово, понатерся около ихней милости. Въ кабакѣ Максимъ Иванычъ... Насъ тамъ было не мало, съ охотой слушали... Подати, вишь, онъ высчитывалъ: штокуды, по закону, по положенію!... Слушалъ, слушалъ староста да и говоритъ... Зазорно, вишь, ему стало за начальниковъ-то!...

„Ты, говоритъ, Максимъ Иванычъ, напрасно!“ А чего напрасно: такъ выходило, что мужикъ закономъ обойденъ, въ противность ему все пригнано...

„На начальство, говоритъ, тебѣ эдакимъ манеромъ не приходится.... Вотъ, говоритъ, писарь въ во-

лости сказывалъ: подушныхъ не будетъ!.. По твоему, какъ? И это мужикамъ не въ пользу?“

— Эдакъ-чи! — Максимъ-то Иванычъ ему.

— „Ну, ужъ, говоритъ: посовѣстился-бы!“

— Да ты знаешь-ли, молъ, отчего начальство подушныя похѣрить хочетъ?

— „Знамо, въ облегченіе!“ говоритъ.

— Въ облегченіе!

„А нѣтъ?“

— Подушныя-то оно похѣритъ, а сдеретъ другимъ манеромъ больше...

„Болтай пусто-то!“

Озлился.

— Что болтай! такъ сдеретъ, что мужикъ, по простотѣ, и не запримѣтитъ... Безъ „правъ“-то торгуетъ ли купецъ какой, нонче?

„Ну, нѣтъ!“

— Нѣтъ? такъ вотъ тебѣ! За „права“ онъ заплатитъ, а на товаръ раскинетъ — кто въ отвѣтѣ?

„Какой товаръ!“

— Вино ежели?.. Ты знаешь-ли, по чемъ оно на заводѣ?

„Нѣтъ, не знаю.“

— Жаль! На заводѣ то оно гривенъ восемь обходится, а то и меньше, какъ гдѣ...

„Ну, что-жъ?“

— А заставитъ начальство заводчика акцизъ платить два восемь гривенъ съ ведра, да патентъ велитъ взять и складчику-то, и кабатчику... По чемъ купишь?

Молчитъ.

— Четыре двадцать покупаемъ, батюшка, ведро... А ежели, по мелочи, стаканчиками — и всѣ семь рубликовъ, а то и восемь... Сколько тутъ отъ насъ въ казну придетъ?..

„Да ты это къ чему подводишь?“

— А ты, молъ, слушай! говоримъ мы ему.

— Ты съ эдакими податями не привышенъ обращеніе имѣть, ужъ я за тебя сочту! говоритъ ему Максимъ Иванычъ: въ казну-то это заплатишь три съ лишечкомъ, да заводчику съ кабатчикомъ перепадетъ четыре рублика... Видишь, сельскій староста! — говоритъ онъ ему: добра-то на восемь гривенъ, а семь рублей — пожалуй! Вотъ „права“-то что дѣлаютъ!..

„И начальству надо-ть....“

— Что и говорить!.. Вотъ ты себѣ и замѣть: вино, соль-ли берешь, ситецъ-ли.. во всякомъ товарѣ... Какъ купилъ, значитъ, и начальству угодилъ, да и купца не обидѣлъ... А мужикъ-то этого не примѣчаетъ... Онъ... да и ты, сборщикъ: окромя, молъ, подушныхъ да поземельныхъ, да оброку али выкупнова — какіе-жъ, молъ, платежи? А по правдѣ-то, въ кабакѣ да на базарѣ въ 5 разъ больше отдастъ...

„Къ чему только подходы-то твой?“

— А вотъ къ чему!.. Начальство знаетъ мужицкую простоту... Оплошки и не даетъ!.. Заприметило оно, что нашъ братъ серчаетъ: больно уже много, значитъ, тащатъ, плачется на свое горе! — Постой, говоритъ: я тебя, дурака, утѣшу: подушныя выхѣрю, а на права да на патенты накину — благо молъ, ты тутъ своихъ платежей не видишь!.. Больше, молъ, еще подушныхъ нагребу!

„Полно пусто-то болтать!“

— Не пусто, а правда настоящая!.. Да знаешь-ли што?

„Што?“

— На „права“, молъ, прикину — пріятность то мнѣ пріятностью, а богачамъ-то какая подмога?..

Удружу, значитъ, своимъ пріятелямъ!.. Теперь, молъ, права-то дешевы — всякая мелкота въ торговлю ударилась, а вздорожаютъ эти патенты да свидѣтельства, не бось — кто по бѣднѣе-то, самъ отвалится... дѣломъ-то и будутъ орудовать богачи одни...

Сказалъ это все, да и спрашиваетъ: — Что, староста, въ пользу аль нѣтъ начальство намъ законъ готовитъ? — Больно ужъ онъ на смѣхъ поднимать сталъ его... Слово за слово, и пошло... Ну, да увидалъ онъ, что мы всѣ за Максима Иваныча, такъ и утекъ изъ кабака, не солоно хлѣбамши...

— Ну ужъ, какъ хочешь, а познакомь... говорю.

— Съ Максимъ Иванычемъ?..

— Знамо, не со старостой!

— Да вонъ онъ никакъ (высунулся Василій Петровичъ къ окошку) на улицѣ сидитъ... Ужь, вѣрно, о чёмъ рѣчь завелъ... Пойдемъ...

II.

Одѣлись мы съ нимъ и пошли. Видитъ, сидитъ онъ на заваленкѣ у свова дома, а вокругъ него народу человѣкъ пять: четыре парня молодые, а одинъ (мужикъ, знать) постарше будетъ... Какъ завидѣлъ онъ насъ, пересталъ говорить... Опосля, парни сказывали: „При чужихъ людяхъ, онъ у насъ эдакихъ рѣчей, говоритъ, ни коли не ведетъ“... Парни-то обернулись, вижу знакомые: сапоги, значитъ, отдавали въ починку, какъ со мной снюхались...

— Говори! — говоритъ: ничего! Это нашъ, мы его знаемъ....

Поздоровались мы съ нимъ.

— Не помѣшалъ ли я вамъ бесѣду вести? спрашиваю парней.

Онъ это усмѣхнулся, да и говоритъ:

— Ничего, мы и при тебѣ поведемъ.... Коли не глухъ, слушать, чай, станешь?

— На счетъ этого — безъ сумлѣнія.... А о чемъ рѣчь шла?

— Это, Максимъ Иванычъ, тотъ солдатъ, что мы тебѣ, помнишь, сказывали... — говорятъ ему парни.

Ишь, зубоскалы, про меня сказали, а про него мнѣ — ни гу-гу! подумалъ я.

— А, а!... На счетъ налоговъ говорили, сказалъ Максимъ Иванычъ... Да ты грамотный?

— Грамотный.

— Такъ вотъ, на досугѣ когда, почитай книжку, „Хитрая Механика“ прозывается: тамъ это все, какъ на счетахъ выложено...

— А книжечку-то раздобыть?

— У насъ ихъ не занимать стать! — говорятъ парни...

— Вотъ я и сказываю, зачалъ Максимъ Иванычъ: истратитъ начальство много, ни себя, ни чиновниковъ не забудетъ, поповъ почтитъ, а выгодъ намъ отъ этихъ расходовъ, хошь бы што..... Къ примѣру, таперича, возьмемъ вашего брата — солдатъ....

Ну, думаю, какъ разъ попалъ: объ насъ дѣло пойдетъ... Слушаю.

— Что въ нихъ, въ солдатахъ, для нашего брата?

— Ну этого ты, Максимъ Иванычъ, не говори... — вставилъ мужикъ, что по старше...

— А што?

— Безъ солдатъ, братъ, нельзя: сичасъ непріятель, что ты тогда станешь дѣлать?

— Непріятелевъ-то этихъ нѣтъ, другъ, — вотъ што!... Да и быть-бы не было, кабы не начальство... Ты самъ разсуди!

Всталъ тутъ Максимъ Ивановичъ, а въ глазахъ такъ и свѣтится, такъ и свѣтится...

— Хошь мы, къ примѣру: живемъ въ своей землѣ, всякъ своимъ дѣломъ занимаемся, потому, наровимъ, какъ бы получше свой вѣкъ скоротать, а воевать — намъ и на умъ не приходитъ....

— Войну эту и солдатъ-то не больно любитъ, — сказалъ я.

— Кто ее любитъ, знамо никому не мила!

— Выдумка-то эта не мужицкая, потому отъ солдатства мужикъ на утёкъ идетъ, послѣднее отдастъ, чтобъ дома остаться...

— Что и говорить!

— Другой по-міру пойдетъ, Максимъ Иванычъ, двухъ сыновей, бывало, въ кабалу отдастъ, чтобъ квитанцу поставить...

— Вотъ видишь-ли?.. А теперича, по новому, Николай Алексѣичъ (такъ, значитъ, того мужика зовутъ).... Вонъ.... въ газетахъ писали.., въ Одессѣ воровать пускаются... По закону-то, можетъ слышалъ: былъ ежели подъ судомъ — не берутъ въ солдаты... „Лучше, думаютъ, воришками прослывемъ на весь вѣкъ, ничѣмъ ежели — въ службу!“ Стало, не сладко!.. А въ пѣснѣ-то поется:

Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ —
Въ службу царскую нейдутъ....

И сказывать-то мнѣ много не приходится, самъ знаешь: сколько слезъ да горя въ деревнѣ, какъ кого забрѣютъ.... Значитъ, охоты-то драться не видать. У насъ ея нѣту, и въ другихъ странахъ,

кого ни возьми — француза, нѣмца, англичанина.... у всѣхъ все одно... Откуда-жъ непріятелю-то взяться?.. Ни французъ, ни нѣмецъ, никто и не думаетъ трогать нашего брата, русскаго!...

— Правда, правда, Максимъ Ивановичъ! — не утерпѣлъ я...

— Да отчего-жъ война-то заводится? — спросилъ Николай Алексѣичъ.

— Только не отъ рабочаго...

— А отъ начальства?

— Отъ начальства, баръ, толстопузыхъ... Кто на нашъ счетъ кормится, палаты себѣ строитъ, да брюха разглаживаетъ... отъ нихъ-то вотъ и непріятель родится. Либо, смотришь, поссорится одно начальство съ другимъ какимъ, хошь-бы наше съ французскимъ — скажемъ такъ... Одно, значитъ, не уважитъ другого на счетъ торговли, али чего прочаго — тутъ до войны рукой подать!

— Война тутъ словно ни къ чему, — перебилъ Николай Алексѣичъ. — Изъ за чего тутъ, кажись, въ задоръ входить...

— По нащему-то такъ, а по ихнему — другое выходитъ...

— Чудно! Изъ за торговли — на вотъ: взялъ да войну объявилъ... Съ нашимъ разумомъ и въ толкъ-то это не скоро возьмешь....

— Вотъ я тебѣ растолкую, какъ это у нихъ выходитъ, — сказалъ Максимъ Иванычъ... Къ примѣру, таперича — красный товаръ! У насъ на фабрикахъ работаютъ и ситецъ, и платки разные, да наши-то, вишь, супротивъ заграничныхъ — не пара.... Самъ знаешь, хошь бы нашъ платокъ, али французскій? Французскій — за первый сортъ, баба къ празднику прячетъ, а нашъ завсегда таскаетъ.... Кабы теперича ма-

теріи эти были дешевы, наши купцы клади зубы на полку!

— Это такъ: всякъ наровитъ купить што получше....

— Вотъ они просятъ начальство наложить подань на красный товаръ, на чужой-отъ: хочешь, выходитъ, французъ либо нѣмецъ у насъ свой товаръ спущать, заплати пошлину... Знамо, тѣмъ это не по губѣ... Потому безъ пошлины-то товаръ дешевле, съ рукъ идетъ ходко; ну, а заплатишь пошлину, надо ее съ покупателя вернуть... А покупатель — мужикъ: безъ сумлѣнія, тутъ на мель сядешь съ дорогимъ ситцемъ да платками!.... И выйдетъ, что нашъ купецъ облизываться станетъ, а тотъ рычать примется, къ своему начальству пойдетъ: такъ и такъ, молъ, похлопочи, чтобъ эту самую пошлину посбавили: торговать нельзя! Два-то начальства и сцѣпятся... Одно пишетъ: „уважь!“; другое отписываетъ: „Въ умѣ-ли ты, чтобъ на твоихъ купцовъ да своихъ я промѣняло“.... Браниться начнутъ, бары да купцы всякъ къ свому пристанутъ; газетами такъ распалятъ другъ дружку, что водой не разольешь... А тамъ, глядишь, по скорости и войну объявятъ... Примѣровъ такихъ не придумывать стать..... Былое дѣло!

— Скажи ты!

— А вотъ наши позапрошлый годъ съ Хивой воевали — изъ чего? — спросилъ одинъ парень.

— Тутъ ужъ причина другая, — сказалъ Максимъ Иванычъ: Видишь-ли у кажиннаго начальства, братецъ ты мой, глаза поповскіе — завидущіе, озолоти его, все ему мало, все глотку пялить будетъ: нельзя-ли, молъ, какъ у сосѣда землицы пооттягать, да не простой, а съ народомъ, да

этотъ народъ къ своему причертить, чтобъ, выходитъ, и податей и всего такого больше въ карманахъ побрякивало... Вотъ и въ Ерилѣ-то нашемъ, что на верху сидитъ, давно судъ гулялъ, и бары съ чиновниками тутъ не безъ грѣха: хотѣлось имъ свою землю пріумножить... А за поживой — куда удариться?... Къ нѣмцамъ — не статья (нашъ-то Ерила больно дружитъ теперь съ нѣмцемъ).... Вотъ и надумали — въ Хиву.... Была за однимъ останова — какъ войну объявить?... Купцы и поспѣли на выручку!... Ѣздятъ они туда съ товарами, а народъ тамъ — голь, хуже нашего: знамо, отъ богатства-то пощипываютъ малость ихъ степенство! Вотъ наше начальство глаза вылупило отъ радости... Отписало въ Хиву: „Такъ, молъ, и такъ: у васъ моихъ купцовъ пріятелевъ обижаютъ; уймите, не то — войной пойду!“ Тамошнее начальство пыталось было стращать рабочаго, смерти придавало, а карманы-то его щелушило по прежнему.... Значитъ, поправиться ему было не съ чего — онъ, извѣстно дѣло, и обихаживалъ нашихъ аршинниковъ, все по старому...

— Такъ, такъ! Объ этомъ писано было....

— Чего другаго, а тутъ — завсегда пишутъ... Вотъ нашихъ солдатъ и погнали.... Много ихъ тамъ примерло и побили, въ Хивѣ опять сколько народу загублено...

— Хиву-то, вѣдь, взяли?

— Какъ-же! Ерила-то нашъ теперь ножками сучитъ отъ радости: „Каковъ, молъ, гусь? Сколько народу придушилъ и въ дорогѣ и въ Хивѣ — а побѣдилъ, въ газетахъ вездѣ прописано, иностранные хануны поздравленія мнѣ шлютъ“. Радъ-радешенекъ: слюню распустилъ!.. Чиновники съ офицерами тоже въ радостяхъ: однимъ, значитъ,

царская милость — новыя мѣста по службѣ, жалованье да грабежъ, что ихъ благородія доходцемъ прозывали; другіе пришпиливаютъ ордена, да денежки пересчитываютъ, что въ походѣ припрятали....

— Когда пайкомъ обходили нашего брата...

— Какъ есть!.. Одно слово, всѣмъ радости, а мужикъ — плачь!...

— Вотъ ты и поди!... Рабочій народъ, выходитъ, хошь бы нашъ, хошь ихъ — не при чемъ, а отдувайся... Неча сказать, причина знатная! — замѣтилъ Василій Петровичъ.

— Есть познатнѣе, эта — што!

— Ну!

— Еще какая! Вотъ какъ бываетъ... Увидитъ начальство, что народу не въ терпежъ стало отъ всѣхъ его порядковъ, и сталъ онъ то тамъ, то тутъ властямъ противиться... „Чего добраго, думаетъ начальство: какъ вездѣ переполохъ пойдетъ, громъ-отъ грянетъ — не усидишь! Дай возьму на хитрость: съ кѣмъ ни на есть войну затѣю... Народу — гдѣ: не разнюхать ему настоящаго! Завсегда, молъ, бывало: скажешь ему, что такъ и такъ, войной идутъ на насъ... Онъ тебѣ сичасъ въ задоръ взойдетъ, и тутъ дѣлай съ нимъ, что хошь: солдатъ надо-ть — даетъ; денегъ — опять даетъ; подводъ — даетъ. Ни въ чемъ нѣтъ отказу... „Потому (съ дуру-то говоритъ) война — нельзя!“ А услышитъ: наши побѣду одержали, остеклѣетъ съ радости, словно и взаправду солдатъ за его нужды мужицкія кровь льетъ!

Пораскинетъ эдакъ умомъ начальство — глядь, отовсюду солдатъ ужъ требуютъ: война, стало быть... А тамъ, смотришь, и въ правду: народъ тише да тише. Злость къ начальству поотойдетъ,

а, по времени, и скрутятъ его хуже прежняго.... Вотъ какъ мужиковъ объегориваютъ!

— Оказія!

— У насъ этого бывать не бывало, а вотъ у французовъ — не одинъ разъ... Ну, какъ теперь, Николай Алексѣичъ — правда аль нѣтъ: кабы ни начальство, этихъ непріятелей — ищи да свищи!...

— Вижу, вижу!... Что и говорить... Темный мы народъ... А вѣдь денегъ, поди, не мало идетъ...

— На солдатъ-то?

— Да!

— Кстати, не посчитать-ли, что̀ они сто̀ятъ?

— Посчитай, посчитай, дядя Максимъ! — заговорили парни.

— Съ моимъ удовольствіемъ, это у меня завсегда въ памяти!

У царя-то кажинный годъ раскладку дѣлаютъ, сколько куды надлежитъ денегъ выдать, и пропечатываютъ эту раскладку въ газетахъ... Одно забываютъ къ ней приписать, чтобъ ей, значитъ, не больно вѣрили, потому — первое, для царя съ чиновниками законъ не писанъ, а второе — своя рука владыка!.. По этой-то раскладкѣ на одно сухопутное войско въ этотъ годъ 175.000.000 рубликовъ разойдется (на дѣлѣ — можетъ и больше растрясутъ!), а не морское — 25.000.000.... На оба-то вмѣстѣ, значитъ, 200.000.000 и выкатитъ...

— Такую груду въ податяхъ возьмутъ?

— Въ податяхъ!... Ну, окромя того сами что̀ переплатимъ въ кажинный наборъ: на отправу, наградныя и все такое, — клади, по 10 рублей на рекрута (выйдетъ болѣ), и то сколько набѣжитъ.... Ихъ лѣтось взяли полторасто тысячъ... — значитъ, полтора милліона вынь да положь.

— И кажинный годъ будетъ полторасто тысячъ?

— Въ этотъ годъ — ужъ пропечатано — 180.000 хотятъ... А дальше, можетъ, и болѣ... Царская милость на счетъ этого, что кулага тянется!... Постой-ко, робята, я все на счетахъ прикину...

Максимъ Иванычъ пошелъ въ избу за счетами....

— А что, братцы, вѣдь онъ все правду выкладываетъ, — сказалъ я парнямъ...

— Знамо, правду, а то што?

Максимъ Иванычъ вернулся со счетами, сдулъ съ нихъ пыль и опять сѣлъ на свое мѣсто....

— Глядите-же! На сухопутное войско соберутъ 175 милліоновъ; на морское — 25 милліоновъ; отъ насъ рекрутамъ — полтора милліона... Немножко?

На счетахъ вышло двѣсти одинъ милліонъ съ половиной.

— Это еще не все, потому коли деньги считать, такъ людей и нодавно надо-ть въ счетъ поставить!... Коли я, къ примѣру, сына провожу въ солдаты, у меня работника, какъ, не бывало, и въ хозяйствѣ убытокъ...

— Эще какой убытокъ-то!

— По старому-то выходило такъ: много выгоднѣе было квитанцу купить, ни чѣмъ ежели сына сдать... Бывало, отсчиталъ, у кого деньги нашлись, восемь сотъ и готово: сынъ при тебѣ на 15 лѣтъ остался... и смотришь, вся семья въ барышахъ: потому въ 15-то лѣтъ онъ домой-отъ, не 800 принесетъ, а заработаетъ болѣ...

— По чѣмъ на годъ-то это придетъ Максимъ Иванычъ, какъ ежели.... восемь сотъ считать?

— На годъ-то?

Максимъ Иванычъ прикинулъ на счетахъ.

— На годъ-то 53 рубля съ небльшимъ выходитъ...

— Ну такъ! Знамо, болѣ выроботаетъ...

— Вотъ я и сказываю: проводишь сына либо брата въ солдаты — горе-то горемъ, да и убытокъ забывать не статья! Вѣдь, ежели полтораста тысячъ рекрутъ прикинуть на деньги, по восьмисотъ рублей....

— Не продешевить-бы, Максимъ Иванычъ, — сказалъ я.

— Чтожъ, по господски положимъ!... Это выйдетъ (я считалъ).... 12.000.000!.... Съ прежними то 321 милліонъ съ половиной...

— Ой, ой, ой!

— Ты думаешь — конецъ? Нѣтъ, братъ! Земство съ тебя сколько сдеретъ на воинскія присутствія, да на чиновниковъ разныхъ по рекрутству; опять сколько съ мужиковъ сойдетъ, какъ солдатъ на постой пригонятъ, сколько тутъ понесешь убытку? Кабы всѣ и эти рубли въ счетъ поставить — что тогда?... Ну да ужъ, робята, уважимъ: зачтемъ эти денежки, слезы да горе...

— За рекрутовъ, небось, что сходитъ, по новому?

— Да! Лѣтось, окромѣ мужиковъ, три тысячи съ сотней набрали...

— Купецкой да чиновной сволочи.... И сердце жъ у тебя, Максимъ Иванычъ!

— Правда, въ солдаты изъ нихъ самая малость попала... И служба опять же имъ не мужицкая, а со льготами да поблажкой... Ну, да... которымъ, вишь, идти не охота...

— Эхъ, доброта-то мужицкая!... Въ дорогое-жъ ты ихъ вгоняешь...

— Куды ни шло!... Дворянская шкура кормная, на нее не грѣхъ и прикинуть...

— Разѣ что?

— На, значитъ, не обижайся!

— Со скидкой этой и то вышло: триста двадцать одинъ милліонъ съ половиной... Коли эти деньги отдать серебромъ... Помните, ребята, по „Механикѣ“!... вытянетъ 409.912 пудовъ съ половиной, а коли гужомъ — въ Питеръ, по 20 пудовъ на лошадь, 20 съ половиной тысячъ подводъ припасай!.. Вѣдь это въ Питеръ безъ малаго сутки только обозъ въѣзжать будетъ.... Вотъ, Николай Алексѣичъ, чего стоятъ солдаты-то эти!

— Да!... смотри што!... И не въ пользу, а выгребаютъ у насъ.... Поразмысливши-то, что выходитъ.... Здорово, здорово!...

— Нѣтъ, Николай Алексѣичъ, а ты себѣ возьми въ толкъ, на что они окромя войны нужны.... Вотъ тутъ вникни!.. НАШЕГО БРАТА ВЪ СТРАХѢ ДА СМИРЕНІИ ДЕРЖАТЬ — НИ БОЛЬШЕ, НИ МЕНЬШЕ!.. На то они по всѣмъ городамъ и разставлены...

Чуть въ какой деревнѣ мужики подати не платятъ, описывать коровъ да лошадей и даютъ ни становому, ни исправнику: „Не озорничай, молъ, ваше благородіе! Коль со скотомъ-то я не могу податей сколотить, такъ безъ него-то — я что подѣлаю?... Смекни, молъ, чай ты учёнымъ прозываешься?“...

Какъ заговорилъ эдакъ, значитъ, мужикъ — сичасъ тебѣ одинъ резонтъ:

— Бунтовать хотите?.. Да знаете-ли вы, канальи... (А то — матернымъ словомъ приправитъ, почище нашего брата)... что я, молъ, могу?... Властямъ противиться! Солдатъ захотѣли?... Напущу на васъ роту — пущай объѣдаютъ, а чуть што (Значитъ, коль мы ихъ — въ колья!)... Порохъ-то, молъ, нюхали: каково пахнетъ?...

И безпремѣнно сдѣлаетъ, вызоветъ изъ города солдатъ, коли мы не смиримся.

— Это такъ! — говоритъ Николай Алексѣичъ — у насъ это бывало. До пальбы дѣло не доходило — неча болтать, а собрали насъ вотъ эдакъ.... Помню, помню! Солдатами окружили... Глядимъ: ужъ и розги на готовѣ — съ верхомъ возъ привезли... „Давай зачинщиковъ!“ говорятъ... ну, какіе зачинщики — самъ знаешь: всѣ одново... — Нѣту-ти ихъ у насъ!.. Сичасъ полковникъ али кто, лѣшій его вѣдаетъ.... Стали, вотъ какъ теперь на глазахъ: десятаго и ну тузить... Били, били.... Мужики-то сдались тогда, не то, можетъ, и стрѣлять стали-бы...

— Ещебъ не стали: за тѣмъ пришли. Развѣ мало такихъ случаевъ бывало...

А царскую волю какъ вводили, какая тогда подмога была отъ солдатъ — страсть!.. Помѣщикъ, бывало, наровитъ тебѣ всучить землю, что̀ ни есть хуже; посредникъ тоже гнетъ на барскую руку, и законом-то тебѣ въ рыло тычетъ: „Видишь, говоритъ, что̀ писано: коли пользовался раньше — въ надѣлъ!“ Вразумляешь, вразумляешь его..... Куда тебѣ, и слушать не угодно, знай свое дерутъ: „Подписывай уставную грамоту!“ А вилятъ — слово не беретъ, начнутъ подводить, какъ-бы за солдатами послать... Во многихъ обчествахъ уставныя-то грамоты такъ вводили... Вотъ теперь съ землей-отъ, что̀ царской волей отмежевана, и плачетъ мужикъ, а помѣщикъ — вотъ она, воля-то!? — Помѣщикъ, смотри, оброки получаетъ съ вольныхъ крестьянъ; и отъ оставшой-то земли не несетъ убытку, потому, значитъ, — въ кортомѣ она у того-же вольнаго.... Съ солдатами, ничего себѣ, волька вышла — вѣкъ ее не забудешь!...

Али опять, — продолжалъ Максимъ Иванычъ — на фабрикѣ какой рабочіе надумаютъ прибавки у

хозяина просить: „Работаемъ, выходитъ, много, а жалованьишко плёвое: на ѣду не хватаетъ, коль ѣсть до сыта... Чего, молъ, зѣвать, робята, пойдемъ къ нашему. Такъ и такъ — набавляй, а не хошь — уйдемъ всѣ!“ Увидитъ онъ, что дѣло-то дрянь — живой рукой къ начальству... — „Рабочіе, дескать, бунтуютъ: стачку устроили! Помогите!“ Сичасъ это на фабрику, али заводъ — становой, не то исправникъ съ колокольцами нагрянетъ... Начнутъ орать: Какъ? что? Да вы разѣ не знаете, что закономъ стачки запрещены, за это, молъ, вашего брата-запѣвалу въ острогъ сажаютъ?.. Сичасъ разойтись по мѣстамъ, за работу!

„Не пойдемъ, молъ, пусть набавляетъ!“

— А законъ забыли? Не знаете, што-ль...

Какъ, молъ, не знать, ваше благородіе, знаемъ: законъ не нами писанъ, на хозяйскую руку всѣ статьи выведены: они, молъ, съ вами одинъ пирожокъ кушаютъ, да нашихъ нуждъ не слушаютъ!“

Пошлютъ за солдатами... Увидятъ рабочіе, что дѣло дрянь: струмента хозяйскаго и того не захватили съ собою, а съ голыми руками не много наговоришь съ разбойниками... Помнутся, помнутся да и станутъ расходиться....

— И тутъ кого ни на есть постягаютъ малость — вставилъ я.

— Какъ-же! они тоже разсужденіе имѣютъ: провинились, значитъ, прощать не слѣдъ, напредки годится... Ишь, солдатъ-то!... Видно, былое дѣло... Теперича видишь, Николай Алексѣичъ, для чего солдатиковъ подерживаетъ нашъ царь батюшка?

— Да!... Съ ними всякую неправду поддержать легко....

— Пока мужикъ за умъ не взялся — добавь, Николай Алексѣичъ.

— А возьмется да ухнетъ, — не утерпѣлъ я — и нашего брата съ ружьями и пушкой къ чертямъ пошлетъ, какъ пить дастъ!... Да и въ эдакомъ дѣлѣ не всякъ изъ насъ за начальство пойдетъ, особливо теперь — молодежь все!.. Шарахнись только мужикъ — такъ и сомнетъ всѣхъ!

— Значитъ, за однимъ остонова, рабочій чтобъ за умъ взялся...

— И возмётся — помяните мое слово! къ тому дѣло идетъ! Правда, и начальство не дремлетъ; ну, да не выгоритъ: наша будетъ!

Вонъ оно теперь на школы ударилось; тоже не съ проста... Одначе, пойдемте-ка, робята, вонъ, въ тѣнь... На холодкѣ-то толковать поспособнѣе, сказалъ Максимъ Иванычъ.

Пошли.

III.

Въ холодкѣ-то кто легъ, кто сѣлъ... Одинъ парень и спрашиваетъ:

— Ты, — говоритъ — про училища сказалъ, Максимъ Иванычъ, я такъ понимаю, что они ему, начальству-то, не съ руки, потому въ училище и мы залѣзь можемъ... Грамоту-то эту произошелъ да по книжкамъ (ты сказывалъ, переводу имъ не будетъ) что — къ чему, какъ — всю правду разнюхаемъ... Не то — робятъ заставимъ читать...

— Тамъ што будетъ, а все оно въ умѣ держитъ: чего такова не вышло бы, такъ и законы подводитъ, особливо теперь... Проучили, вишь, малость...

— Когда проучили, кто?

— Да, видишь-ли, лѣтъ пять, а можетъ и всѣ шесть... Доподлинно не знаю, потому эти дѣла тайкомъ ведутся... Пожалуй, лѣтъ шесть есть... Стали это, братецъ ты мой, изъ баръ молодыхъ да изъ семинаровъ... Видишь-ли, въ понятіе они себѣ взяли, отчего вся эта неправда на землѣ, ну совѣсть опять, просто претитъ, значитъ, жить по господски не позволяетъ. Лучше, говорятъ, на каторгѣ жизнь кончитъ, ничѣмъ вмѣстѣ съ барами да чиновниками мужика обирать... Понимаешь, совѣсть настоящая не прожжоная!.. И стали они подумывать, какъ бы мужика изъ бѣдности вывести, чтобъ, значитъ онъ себѣ въ толкъ взялъ: отчего его эта самая нужда обуяла, и какъ ему отъ нея, постылой, отбояриться... Стали изъ нихъ которы въ учителя идти, дѣтокъ нашихъ учить да насъ на разумъ наставлять, а которы — въ волостные писаря шли, потому думали: къ писарю всякій мужикъ идетъ — пачпортъ-ли выправить, али о какомъ дѣлѣ узнать, — народу, выходитъ около тебя завсегда будетъ, ты ему и станешь въ тихомолку правду сказывать: на счетъ баръ, начальства, что къ слову придетъ.

Начальство это пронюхало.

„Ишь, говоритъ, какія затѣи выдумали: чѣмъ бы, научившись, въ попы, али чиновники какіе — они въ писаря захотѣли. Меня, молъ, не проведешь!“ Отдало приказъ мировымъ посредникамъ, чтобъ, значитъ, такихъ ученыхъ людей не принимать, а гдѣ завелся такой, сичасъ его по шеѣ, — вонъ!

Вѣстимо, опосля тото, такіе люди въ писаря не попадали, ну — а въ учителя пробирались... Къ тому-жъ, какъ на грѣхъ, земство ударилось школы

заводить, учителевъ понадобилось много, а взять негдѣ — вотъ наши и стали проскакивать!

Увидало начальство, что и тутъ дѣло дрянь, бары, вишь-ты, словно оболдѣлые какіе, за училища схватились, учителевъ берутъ безъ разбору...

— А эти чего? съ дуру, али какъ?

— Всяко: кто съ дуру, а кто — чтобъ, значитъ, о немъ по уѣзду трезвонили. Ну, были и такіе, добра крестьянамъ хотѣли... Такихъ малость самая! Видитъ, говорю, начальство, не по немъ дѣла идутъ — пустилось на выдумки.

Перво на перво, говоритъ, своихъ учителевъ заведу. Настрою, значитъ, гдѣ по селамъ, а гдѣ по городамъ училищевъ — „семинарій“; наберу туда молодыхъ, лѣтъ по 18-ти, изъ дѣтей поповскихъ, али чиновничьихъ, а найдется подходячій, такъ и изъ крестьянъ можно... Охотниковъ, молъ, будетъ, потому даромъ кормить стану, и все такое, а опосля, какъ ихъ учителями подѣлаю, отъ солдатства да податей ослобоню... А учить ихъ, молъ, въ семинаріяхъ будутъ мои чиновники, такъ ихъ обточатъ — любо дорого посмотрѣть будетъ: ума-то въ нихъ, значитъ, будетъ въ мѣру, а главное страху да уваженія къ начальству много. Они и мужика, опосля того, съ малыхъ лѣтъ въ кротости произведутъ, и большой онъ выростетъ — въ страхѣ ходить станетъ... Съ такими, молъ учителями крестьяне не скоро за умъ возьмутся: онъ, первое, и водиться съ мужикомъ не станетъ, а что ежели — такъ во всякомъ дѣлѣ начальство — въ голову, и міръ-то, молъ, весь отъ меня съ барами произведетъ...

Настроило оно такихъ семинаріевъ, теперь штукъ 45 будетъ.

Земство тоже было пустилось свои семинаріи заводить...

— Правда аль нѣтъ: хвостъ, слышь, ему начальство поприжало?

— Правда! И не къ чему, братецъ ты мой! Ну, што ему тутъ супротивничать: въ земствѣ дѣла ведутъ баре; коли они задумали школу завести, неужто на себя руку положатъ? Вѣдь не станутъ готовить учителей, чтобъ мужикамъ правду сказывали?

— Ну гдѣ стать...

— А вотъ поди!.. И какъ поприжало-то, съ обходцемъ... Вонъ, къ примѣру, московское земство хотѣло устроить семинарію. Еще въ 1869 году это задумало. Управа написала уставъ, что вотъде будетъ все устроено такъ и такъ... Послало начальству, а начальство — прижимку, обратило назадъ да и говоритъ: „измѣни то, это, другое!“ Барамъ-што? Измѣнили, какъ надо-ть было правительству. Опять послали, а начальство опять воротило: еще, молъ, мѣняй то и то! Измѣнили — опять не въ угоду! И что-жъ ты думаешь? — этотъ разъ свои-то статьи и давай хѣрить... Тянуло, тянуло дѣло-то, а потомъ и пишетъ: „Устройте, говоритъ, семинарію не отъ себя, а выберите одного хозяина! „А въ умѣ держитъ: одинъто, значитъ, не много наговоритъ со мной: какіе порядки захочу, такіе и заведу, а станетъ противиться — его къ чорту, и семинарію — къ лѣшему...

— Хитро придумало!

— Земство и тутъ согласилось. Пріискало какого то нѣмца — онъ и сталъ одинъ орудовать...

— Ишь-ты!

— Вѣдь не угомонилось!..

— Ну?

— Дальше пошло... Правда, вольно, молъ, я теперь... Ежели чуть пронюхаю, что у нѣмца

рѣчи пошли, учителей наставляютъ: „Будете, значитъ, жить съ крестьянами, не морочьте народъ, стойте за него!“ Въ эдакомъ случаѣ — шепни, молъ, кому надо-ть, — и конецъ... Вольно-то я вольно это сдѣлать, а все же боязно.... Устрою лучше свою семинарію: надёжнѣе!... Ну, въ прошломъ годѣ и написало въ собраніе: „Коли хотите, пишетъ, дворяне московскіе, свою семинарію имѣть, въ губерніи, значитъ, московской — вотъ вамъ совѣтъ: уступите мнѣ вашу школу съ нѣмцемъ, 35.000 пожалуйте — все, какъ есть, устрою по своему“.

— Что-жъ баре-то?

— Уступили!

— Надоѣло канителиться?...

— Устали!... Шутка-ли, въ заправду, пять лѣтъ валандались съ семинаріей: то уставъ писали, то переписывали, нѣмца искали, 120.000 ухлопали.... Какъ тутъ не устать — устали бѣдные...

— Теперь начальство и кроитъ тамъ учителей, какихъ ему надо-ть?

— Да.

— А много этихъ семинаріевъ?

— Отъ земства-то?

— Да.

— Малость самая: пятокъ съ небольшимъ.

— И тѣхъ, вишь, боится...

— Боится... По веснѣ, вотъ, въ Тверской губерніи забагрило...

— Теперича, значитъ, отъ казны пойдутъ учителя-то эти?

— Да, врали будутъ казенные.

— Не-што...

— А окромя семинаріевъ — что придумало!.. Самъ царь отличился... Ко всему, вишь, дворян-

ству бумагу написалъ, слезно таково пишетъ: „Вѣрное ты, мое дворянство, — плачетъ: — встань на стражѣ народной школы! Сталъ, молъ, такой народъ ненадежный въ учителя идти, научитъ онъ мужиковъ и дѣтей непутящему — чего добраго, мужикъ еще противъ насъ съ тобой пойдетъ: чѣмъ мы тогда кормиться станемъ? Завсегда, говоритъ, мы съ тобой другъ объ дружкѣ думали: я о тебѣ, ты обо мнѣ — помоги, говоритъ, и на этотъ разъ!“

— Ай да царь!

— Какъ прочли баре эту бумагу — изо всѣхъ губерніевъ писать принялись: „Спасибо, говорятъ, благодѣтель нашъ: надоумилъ ты насъ, оченно тебѣ благодарны... Будь, молъ, спокоенъ: ни одной шельмы въ училище не пропустимъ! Пиши, значитъ, законы такіе!“

Ну, видитъ царь, что бары какъ были, такъ и есть....

— По солдацки: рады стараться, Ваше императорское величество, мужиковъ надувать....

— Какъ есть!... И давай законы строчить..... Барамъ-то онъ писалъ въ 1873 годѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, а законы на счетъ училищевъ, лѣтомъ въ 1874 — выпустилъ... И чего, чего въ этихъ законахъ не прописано...

— Слышалъ, — говорю я — безъ разрѣшенія нонѣ училища не заведешь?

— Да, да! говоритъ Максимъ Иванычъ — у дьячковъ, али поповъ учи, сколько хошь, а школы не затѣвай: безъ дозволенія не дадутъ... Свою, если угодно, заведутъ... А чтобъ эдакъ... никакъ не можно!... Вонъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи (въ книжкѣ я читалъ) завели крестьяне у себя школу; шло дѣло такъ себѣ, ни

шатко, ни валко.... Вдругъ нелегкая нанесла исправника: значитъ, по своимъ дѣламъ завернулъ — подати съ мужиковъ выбивать... Видитъ: училище! „Съ разрѣшенія?“ — спрашиваетъ. — Безъ разрѣшенія! — говорятъ: да и для-че спрашиваться: хотимъ, молъ, своихъ дѣтей грамотѣ учить. Кто намъ запретъ положить можетъ? Худого въ этомъ ничего нѣтъ! — „Такъ — говоритъ — нельзя!“ — Это чего? спрашиваютъ мужики: безъ дозволенія своихъ дѣтей уму-разуму учить? — „Да!“ говоритъ. Такъ, братецъ ты мой, эту школу и закрыли, мужицкую школу-то; за мѣсто ея другую теперь, да мужики тутъ не причемъ: только деньги даютъ!...

— Эхъ, чтобъ имъ пусто было!

— Кто-же за всѣмъ этимъ дѣломъ присматриваетъ? — спросилъ Василій Петровичъ.

— Много ихъ окаянныхъ приставлено! Въ губерніи — училищный совѣтъ, губернскимъ прозывается, въ уѣздѣ тоже училищный совѣтъ — уѣзднымъ зовется...

— Кто-жъ въ этихъ совѣтахъ, все, поди, изъ баръ больше?

— Всѣ тутъ есть! Въ губерніи: трое баръ, три чиновника да попъ; а въ уѣздѣ, окромя ихъ, еще одинъ отъ купцовъ, — одно слово, все наши пріятели...

— Сгрудились!

— А вонъ ономнясь былъ я въ селѣ, такъ сказывали: пріѣзжалъ въ правленіе предводитель съ чиновникомъ изъ города, на счетъ-же училищевъ.... Знать и предводитель тоже въ числѣ? — спросилъ Максима Иваныча одинъ парень.

— Какъ-же, какъ-же! Изъ трехъ-то баръ, что въ совѣтахъ, предводитель главный, такъ пред-

сѣдателемъ и зовется.... Это нарочно прилажено, чтобъ, выходитъ, главнымъ надсмотрщикомъ былъ тузъ изъ тузовъ....

— Козырный!

— А чиновникъ-отъ, что (ты сказываешь) съ предводителемъ былъ, инспекторомъ зовется... Послѣ предводителя это первый чинъ, сыщикъ за первый сортъ... На это мѣсто зря и не ставятъ... Вонъ въ одномъ уѣздѣ (запамятовалъ только гдѣ) исправникъ посаженъ, — какъ есть попалъ въ точку: инспекторъ будетъ исправный....

— Да...

— Ну, хорошо... — замѣтилъ Василій Петровичъ: разрѣшенія на училища даютъ, а еще-то какія дѣла у нихъ, по „положенью“?...

— Чтобъ все по закону, какъ предписано... Учитель, чтобъ какъ велѣно, такъ тутъ бы и было, въ строку чтобъ — ни, ни! Книжки опять: съ одобреніемъ, — можно, а безъ нихъ — ни подъ какимъ видомъ!...

— А это: какія книжки — можно, и на какія запретъ положить — это-то уставляютъ совѣты же сами?

— Нѣту: совѣты — надсмотрщики, сторожа! Книжки мѣтятъ другіе, и предписываютъ — чему дѣтей учить — тоже другіе.... Въ высшемъ начальствѣ, братецъ ты мой, это все обдѣлываютъ....

— Вотъ оно што!...

— Надо правду сказать: у нихъ все это хитро придумано, особливо на счетъ книжекъ.... Особые чиновники заведены, можетъ слыхалъ когда, „цензурой“ прозываются... Каждую книжку они обнюхиваютъ: нѣтъ ли чего противъ начальства, противъ баръ, поповъ.... Напиши къ примѣру книгу: „Что вотъ, молъ, у крестьянъ ни лѣсу, ни

земли — все себѣ казна отмежевала, што это, выходитъ, не по правдѣ: надо-ть всю землю мужикамъ отдать, потому — кто пашетъ, того пусть земля и будетъ...“ Напиши, попробуй — сейчасъ они эту книгу — хлопъ, на костеръ, а тебя — въ кутузку!

Али пропечатай, что вотъ-де на заводахъ рабочій отдыху не видитъ, съ чѣмъ придетъ, съ тѣмъ и уйдетъ, а хозяинъ — въ барышахъ, не знаю на што деньгу тратитъ... Такъ, молъ, тоже не по правдѣ: чья работа — того и доходъ!... Вотъ какой порядокъ надо-ть завести!...

А не то попробуй написать: „Какъ царь въ Самарскій голодъ, на смѣхъ, колѣнце выкинулъ: отпустилъ голоднымъ, въ долгъ — замѣть, безъ копѣйки 2 рубля на душу, а выколотилъ податей безъ двухъ пятналтынныхъ 4 рубля съ души; всѣхъ молодыхъ въ солдаты забралъ, а чтобъ оставшой-отъ народъ не надумалъ противъ начальства идти — отсчиталъ 35.000 съ сотней на полицейскую команду... да чего? кружки велѣлъ поснимать, что были поставлены для сбора въ разныхъ мѣстахъ...“ Попробуй-ка, тисни это — такъ и узнаешь: на роду-ли написано правдѣ по Руси гулять!...

За всѣмъ этимъ цензура присматриваетъ, во всѣ глаза глядитъ... Одни книжки до печати обнюхиваетъ, другія — печатныя...

— Вотъ тутъ бы и смахнуть груду!

— Какъ отпечатаютъ-то?

— Да.

— Востеръ больно! Чай типографіи (заведенья-то гдѣ печатаютъ) тоже въ рукахъ начальства....

— Какъ?

— Да такъ. Безъ разрѣшенія купецъ тебѣ ни машины не продастъ, что печатаетъ, ни хозяинъ, чья типографія — книгъ не выпуститъ: напередъ разрѣшеніе пожалуй! А отдастъ ежели — штрафъ, а не то — острогъ!...

— Вотъ оно што!

— Я тебѣ сказываю — хитро прилажено...

А наши то книжки не только цензура смотритъ, ихъ еще черезъ комитетъ особый пропускаютъ... Тутъ-то имъ кладутъ отмѣтку... Эта, молъ, хороша: обморочитъ мужика ловко, а эта не годится: ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ!... А потомъ и пишутъ совѣтамъ, сторожамъ-то своимъ: „рекомендуемъ“... Тѣ ужъ смекаютъ — что въ чему...

— Ай да механика!

— За первый сортъ!... Вотъ и въ училищахъ-то, что̀ можно и что̀ нельзя — тоже прописываютъ въ совѣты...

Не такъ давно, въ прошломъ годѣ, начальство пропечатало въ своей газетѣ: что надлежитъ дѣтямъ сказывать, — какъ жилъ русскій народъ въ старину.... Смѣхота да и только!... Во всѣхъ дѣлахъ, вишь, мужикъ — дуракъ, а начальство... да что начальство?... Такъ вышло, что за него да баръ мужикъ завсегда долженъ бога молить!.. Само-то себя.... Умора!.. и въ хвостъ и въ голову!... Такъ подвело, что безъ него... ха-ха-ха!.. ложись да помирай!.. Вò какъ съ малыхъ лѣтъ мужика хотятъ обморочить... Что, братецъ ты мой, оно не дѣлаетъ — все это намъ въ пользу— слышишь: солдатство, подати, все... ха-ха-ха!...

А теперь..... Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ... въ газетахъ было: велѣно во всѣхъ училищахъ завести, безпремѣнно чтобъ было... Первое, дѣти чтобъ

пѣли, всякія фигуры на бумагѣ чертили, да по канату лазали..... Это нашимъ-то дѣтямъ!... А все къ чему? Чтобъ ума было въ мѣру... Отъ пѣнья, небось, не поумнѣешь, отъ канатовъ да шестовъ тоже разума не прибудетъ.... Эхъ, всѣ-то ихъ плутни да подвохи долго разсказывать.... Вонъ архиреямъ предписано, а эти поповъ настрачиваютъ, чтобъ въ училищахъ дѣтей въ страхѣ вести... „Говорите, молъ, вотъ богъ, а вотъ — царь!... Царь отъ кого? Отъ бога. Начальство? — отъ него-же; мы, попы — дурья порода, кѣмъ поставлены? — богомъ!“ Переплести, значитъ, всѣхъ такъ съ богомъ, чтобъ ребенокъ не зналъ: ни гдѣ входъ, ни гдѣ — выходъ... Много у нихъ косоплетокъ-то этихъ!...

Одно слово, УЧИЛИЩАМИ НАЧАЛЬСТВО ДУМАЕТЪ МУЖИКА ОБЪѢГОРИТЬ.... Такъ въ умѣ и держитъ: „научу, дескать, дѣтей въ школахъ меня почитать, закону не противиться, а будутъ грамотные да большіе.... съ наукой то своей не далеко уйдутъ: по книжкамъ не доберутся, потому, что ни читай — все по моему, цензура-то моя на што?.... А потомъ 21 годъ — въ солдаты! Тамъ наука настоящая!“... Не такъли, дядя? — обратился Максимъ Иванычъ ко мнѣ.

— У насъ ловко обтачиваютъ.... — сказалъ я.... Парнямъ-то я сказывалъ...

— Сказывалъ, ну и ладно!..

— Знать, и училища нонѣ разводятъ къ дому? — спросилъ тутъ одинъ парень...

— Къ этому самому!... А чтобъ мужикъ охотнѣе посылалъ дѣтей учиться, чай знаешь, законъ вышелъ, по рекрутству: ежели проучился три года въ училищѣ, тебѣ, за мѣсто шести лѣтъ, четыре года солдатства: два скидки...

— Это въ какомъ ни на есть училищѣ?

— Нѣту! Тутъ тоже не безъ хитрости!.. Сперваначалу-то, какъ законъ вышелъ, было такъ, а теперь измѣнили..... Теперича хочешь скидку заслужить — произойди весь курсъ съ училищѣ да не простомъ, а гдѣ есть попъ и учитель.... Безъ попа-же, ежели — твое ученье ни къ чему!...

— Што такъ?

А вотъ што! Увидало начальство, что законъ новый вышелъ къ мѣсту: мужики, значитъ, заохотились школы заводить... Ну, и дальше: съ попомъ, говоритъ, заводите, а безъ попа — никакого дѣйствія не будетъ...

— Въ четыре-то руки, выходитъ, скорѣе глянецъ наведутъ?...

— Вотъ, вотъ!.. А ежели еще хочешь, чтобъ сыну три года сбавили — отдавай его къ самому начальству учиться...

— Это куды?

— А въ селѣ-то училище съ двумя учителями, дву-класснымъ прозывается....

— Это выше?

— Не выше, а полировка здѣсь чище: понимаешь?..

— То-то я въ правленіи дивился, зимой, какъ былъ у насъ инспекторъ что-ль, какъ ты говоришь.... уговаривать съ посредникомъ пріѣзжали: „Училище, говоритъ, это много лучше — трехъ лѣтъ въ солдатахъ.... и расходъ вамъ не великъ.... земли, говоритъ, двѣ десятины, да работой.... коль не въ трудность!...“ Смекаю, смекаю, а тогда думалъ: что за притча?...

— Ну, вотъ!.. А теперича и эти училища въ цѣнѣ подняли. Вышло: тѣхъ дѣтей принимать, чьи отцы, значитъ, деньги даютъ на обзаведеніе и

дальше.... А нѣтъ — три рублика въ годъ пожалуй... Все, видишь, въ разсчетѣ держатъ; соблазнится мужикъ — лестно больно — три года скидки...

— А что, дядя Максимъ, я такъ смекаю: восьмито надсмотрщиковъ на уѣздъ ровно бы мало... Гдѣ имъ — не углядѣть за всѣмъ! — замѣтилъ одинъ парень.

— Спасибо, что напомнилъ, — сказалъ Максимъ Иванычъ. — Запамятовалъ..... Объ этомъ начальство смекало, что восемь человѣкъ изъ совѣта, одни-то, прозѣваютъ какъ разъ, потому живутъ по городамъ, къ тому-же частить по училищамъ утяготительно ихъ благородію; надо-ть, выходитъ, окромя ихъ, сторожей, чтобъ за всякое время учитель на виду былъ.... Вотъ въ „положеніи объ училищахъ“ и прописано (совсѣмъ изъ головы вонъ) — губернаторъ должонъ тоже наблюденіе имѣть... Знамо, не самъ: гдѣ-же безпокоить ихъ превосходительство!.. А исправникъ, становой, волостной, старшина, тутъ какъ тутъ, пригнаны...

— И эти въ обходъ?

— Да. А потомъ — попы... Тутъ ужъ учитель всегда подъ рукой, — совсѣмъ запамятовалъ...

— Да неужто, Максимъ Иванычъ, и долгогривыхъ почтили? — спросилъ тотъ-же парень.

— Онъ у насъ эту жеребячью породу не любитъ... вѣ какъ! — шепнулъ мнѣ на ухо Василій Петровичъ.

— Да, какъ-же не почтить, братецъ ты мой? Дѣло идетъ, вишь, чтобъ мужикъ глупѣлъ: кому-же ближе?

— Долгогривымъ-то? Да гдѣ имъ, Максимъ Иванычъ! Попамъ? Попъ! Ужъ одно слово — никакого почтенія...

— Мало што.... Опять же въ какихъ мѣстахъ.... ЗАВСЕГДА ПОПЫ МУЖИКА МОРОЧИЛИ, ДА И ВПРЕДЬ БУДУТЪ.... Пойди-ка въ церковь, да посчитай молитвы: за кого молятся? Все царь да царь, синодъ, архиреи, христолюбивое воинство... Вонъ причастіе несутъ, всякъ мужикъ наклонился, духъ притаилъ.... а попъ: „Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя нашего, императора... супругу тоже благочестивѣйшую...“ Мелетъ, мелетъ... Дьячекъ — ужъ на што?.... и тотъ, смотришь, вылѣзетъ съ „Апостоломъ“ да орётъ: „Нѣсть власти аще отъ Бога“, „Раби! повинуйтеся господамъ своимъ!....“ Причетникъ!.... цѣна-то ему у начальства грошъ.... и тотъ, говорю, выкрикиваетъ: „Всякъ противляяся власти, господу Богу противляется...“ А ты стоишь, духомъ умилился, крестишься!.. Давно они мужика морочатъ... ОТЪ НИХЪ ТОЖЕ, братецъ ты мой, ВЪ КРЕСТЬЯНСТВѢ КРОТОСТЬ ДА СМИРЕНІЕ РАЗВОДИТСЯ... Обойти ихъ начальству нельзя, ни подъ какимъ видомъ... Вотъ и имъ чинъ вышелъ...

— Выходитъ, куда ни кинь — все клинъ: учитель въ глазахъ...

— Да, окружили...

— Коли такъ, не ладно, какъ по всѣмъ мѣстамъ эта обточка пойдетъ... Ты говоришь (знать въ газетахъ прочелъ), мужики вездѣ подмогу училищамъ дѣлаютъ.... Пожалуй, начальство...

— Что?

— Затмѣніе произведетъ, хуже теперешняго будетъ...

— Вѣдь это такъ, выходитъ, дѣтей лучше дома попридержать — замѣтилъ другой.

— Придержать, братъ, ни къ чему, безъ пользы... Опять-же вонъ бары, которы ужъ хлопочатъ,

чтобъ начальство мужика принудило: нѣтъ, значитъ, твоего сына въ училищѣ — штрафъ, а не то — клоповникъ!... Придержать тутъ, пожалуй, держи, коли мошна толста, да чижовка по вкусу... По мнѣ, лучше пусть учатся!... Потому, какъ ни хитри, а наша будетъ!.. Вотъ ежели мы, мужики, зѣвать будемъ, сами оплошаемъ — обойдетъ, безпремѣнно обойдетъ.... Эхъ, день-то какой сегодня выдался!.. Палитъ... Не тянетъ-ли кого къ колодцу — испить больно охота?

Два парня пошли съ Максимомъ Иванычемъ.

IV.

Вернувшись, опять усѣлись.

— А что, дядя Максимъ, спросить я тебя хочу: въ другихъ мѣстахъ, какъ это, мужики-то въ толкъ берутъ себѣ: что и какъ? Идетъ это внушеніе?

— Какъ-же, какъ-же... Потому и сказываю: у начальства не выгоритъ, какъ ни хитри....

Не такъ давно привелось мнѣ книжку прочесть, такъ не большая... Изъ подъ носу, вишь-ты, у начальства стащили..... Записку написалъ прокуроръ одинъ, изъ Саратова: министръ велѣлъ... Въ секретѣ держали... сказывается въ этой запискѣ, какъ на Руси внушеніе волось...

Помнишь: одни въ учителя шли, которы — въ писаря нашего брата на разумъ наставлять?... Какъ увидали они, что ни тутъ, ни тамъ стало не слободно, въ шею гонятъ: начальство, значитъ, пронюхало... Ухитрились: на всякую выдумку, значитъ, свою придумали — просто рабочими подѣлались: одинъ — столяръ, другой — кузнецъ, бондарь..... Много лучше вышло..... Потому,

когда ты учитель, дохтуръ, али просто баринъ — ты всегда на примѣтѣ, да и мужикъ тоже въ умѣ держитъ, спервоначалу-то: что̀, дескать, баринъ, а рѣчи — все за насъ, да за насъ?.. Не привышенъ къ этому нашъ братъ! Извѣстно дѣло, опосля, долго-ль мало-ль, объявится, что у него шкура-то только, выходитъ, барская, а душа — крестьянская... Все-жъ время надо-ть... А тутъ прямо: ты рабочій и онъ рабочій, пьетъ, ѣстъ вмѣстѣ, работа изъ рукъ не валится; видишь только — человѣкъ бывалый: за что возьмется, все — какъ на ладони: чисто, ясно!...

Вотъ и раскинулись они, вмѣстѣ съ другими, по разнымъ мѣстамъ... Въ запискѣ этой прокуроръ пишетъ: въ 37 губерніяхъ обозначилось: на заводахъ, на фабрикахъ, вездѣ, значитъ, проживали эдакіе люди: гдѣ — въ кузницѣ, гдѣ — на постояломъ дворѣ... Мастерскія были заведены: столярныя, ружейная, бондарная...

— Да какъ же это до начальства дошло?

— Разно. Гдѣ сами сплоховали: дѣло-то, вишь, въ новѣ — долго-ль хвостъ выставить?... А гдѣ — по доносу. Промежду нашимъ братомъ, чай знаешь, всякій народъ есть: одному умная рѣчъ — въ прокъ, а другому... совѣстно и сказывать-то!... просто донести охота... Донесли по начальству... Знамо, у него засверлило: тутъ обыскъ, тамъ — облава, наловили они эдакимъ манеромъ (прокуроръто пишетъ) 770 человѣкъ, да вретъ... тысячи двѣ нахватали съ горяча... Теперь ихъ держатъ, больше года будетъ, мучатъ, пить-ѣсть не даютъ, уморили сколькихъ... Да все напрасно... Самъ прокуроръ пишетъ: какъ, говоритъ, не лови, а всего не раскопаешь!... Вонъ, говоритъ, 53 человѣка сгинули, какъ въ воду ушли... Знамо, будутъ

бороздить по старому!... Да это што? Всѣхъ перелови — и то не остановить, потому гдѣ прививка-то эта сдѣлана, принялась, — мысль-то въ головѣ у мужика не залежится, самъ зачнетъ внушать на право, на лѣво... Изъ мужиковъ пойдутъ теперича внушители-то эти!... Ну, а нашего брата не скоро словишь: конокрады — ужъ на што? — и тѣ себѣ укрывательство имѣютъ, а мы — за народъ, да чтобъ насъ?.. На-ка, выкуси!..

— Правда, правда! загалдѣли парни...

— Разъ червь этотъ залѣзъ въ голову — проточитъ, мужикъ увидитъ, да всего дойдетъ... Теперь по всей Россіи внушенье-то это... все дальше да больше, шибко распираетъ... А книжекъ, книжекъ!... Прокуроръ пишетъ такое мѣсто — страхъ!... Въ Москвѣ типографія своя была, склады были заведены въ разныхъ мѣстахъ...

— И неужто, Максимъ Иванычъ, теперь все это порѣшили, начальство захватило?

— Гдѣ ему! Въ одномъ мѣстѣ заткнетъ, въ другомъ прорветъ, пуще прежняго... Одно слово, игра!.. Да такая, что у него умъ за разумъ заходитъ... Одну книжку разыщетъ, а за мѣсто нея, глядишь три новыхъ выпустятъ: снова лови!... Тамъ услышитъ — мужики читаютъ, бросится... Ищетъ, ищетъ, ну, думаетъ — шабашъ!.. Анъ подъ самымъ носомъ опять, да не мужики, а солдаты... лежатъ себѣ въ казармѣ да почитываютъ... Просто вздохнуть не даютъ!

Недавно што было!.. Въ Питерѣ, въ московскомъ полку нашли „Хитрую Механику“ — сичасъ того, другаго солдата на допросъ: какъ, что?... Пошлѝ... засадили.... Судить собираются: „Покажемъ, молъ, мы вамъ, какъ книжки

давать! много, молъ, для вашего брата мѣста на каторгѣ!..“

Пока это, братецъ, ты мой, сидѣли, гадали, затычку эту придумывали... смотришь, въ Одессѣ, хлопъ — опять! Да какъ? По всѣмъ войскамъ!.. Вотъ было хлопотъ ихъ благородію!... Забѣгали туда, сюда, шинели вывертываютъ, рукава трясутъ... Не знаю, со страху аль съ чего, только надумали дѣло-то съ солдатами московскаго полка скорѣй прикончить... Судъ нарядили.... Хорошо. Мастерятъ въ сенатѣ судьи праведные, какъ-бы по совѣсти, по закону, значитъ, студента Дьякова (главный онъ тутъ) каторжникомъ на десять лѣтъ.... А въ Красномъ Селѣ, въ лагерѣ, опять прорвало: затыкай, молъ, ваше благородіе, пошевеливайся!...

Просто оно теперь не знаетъ, что и дѣлать....

Труситъ — ухъ какъ!

Объ училищахъ-то я сказывалъ, какъ оно съ малыхъ лѣтъ думаетъ мужика во тьмѣ вести... А теперича еще вышло....

Николай Николаевичъ, великій князь... Вотъ бы, братцы, его въ пастухи къ намъ въ деревню, на што бы лучше!.. Вотъ онъ-то... И глупъ же онъ; такъ глупъ (лампошники мнѣ въ Питерѣ, въ театрѣ, сказывали)... чистый дуракъ!... отдалъ онъ приказъ по всѣмъ войскамъ питерскимъ, пишетъ:

„Таперича, говоритъ, грамотность пошла, и солдаты книжки читаютъ.... Дошло, говоритъ, до слуха моего: попадаются, вишь, книжки непотребныя, народъ совращаютъ и солдатъ прихватываютъ... Вотъ вамъ, говоритъ, командиры, мой приказъ княжескій (дуракъ! чистый дуракъ!) — обыскать, говоритъ, всѣхъ солдатъ, и которы

книжки хороши, съ мракомъ — мѣтить своимъ подписомъ, и безъ подписа чтобы ни одной книжкѣ ходу не было, и ежели, говоритъ, солдатъ купитъ книгу на сторонѣ — сичасъ обнюхать и тоже — мѣтку! Смотрѣть, говоритъ, строго!..“

Въ Одессѣ опять ни дать ни взять такой же приказъ вышелъ.

А въ Красномъ Селѣ... нѣтъ, каковъ страхъ-то!... запретили въ лагерѣ книжки продавать вовсе...

— Вотъ это ловко!

— Сумлѣваются: не ровенъ часъ, дескать, разнощикъ-то тоже мужикъ, нѣтъ-нѣтъ да и всучитъ вмѣстѣ съ „Бовой“ либо „Механику“, либо „Мудрицу“... мудренъ больно народъ сталъ нонче!...

А пуще всего охота ему внушителей-то этихъ перевести... Какіе оно имъ огороды городитъ, ловушки мастеритъ... и, боже мой!

Этто надумало на нашего брата хозяевъ наускать, словно самимъ-то хозяевамъ не въ домекъ, что мы имъ не больно въ пользу... Тихо да ласково отдало, братецъ ты мой, приказъ заводчикамъ и фабрикантамъ — самимъ, вишь, присматривать за рабочими, чтобы, выходитъ, между ними эдакій не выискался... А ежели, говоритъ, который хозяинъ проглядитъ, внушенье у него заведется — не взыщи, говоритъ, — безъ правъ, и заводъ твой — къ шаху!... Да чего? Мужиковъ тоже наровитъ на дыбки поставить...

Распустило, вишь, по деревнямъ жандармовъ, чтобъ, выходитъ, разнюхивали: гдѣ, што, а мужикамъ этихъ внушителей — просто хуже грязи выставить..!

Со мной однова во какой случай былъ. Ѣду я нонѣ, по зимѣ, въ городъ... Савраска уставать

сталъ: Пурга была... Дай, думаю, приверну къ трактиру въ Жихаревкѣ, — все вздохнетъ малость... Подъѣзжаю... У колоды, смотрю, лошадей пятокъ еще: порожнякъ изъ города... Взошолъ въ трактиръ, съ морозу-то захотѣлось согрѣться, заказалъ себѣ пару.... Пью.... А насупротивъ меня, за столомъ, еще шестеро, тоже пьютъ... Одинъ-то, вижу, мужикъ не мужикъ, въ чуйкѣ, на солдата больно ужъ похожъ...

— Это жандаръ!

— Нѣтъ, ты слушай, что дальше было... Пью... Только одинъ мужикъ и спрашиваетъ:

„Слышь, чуйка, говоритъ: и давно это завелось?

„Давно, — говоритъ: года четыре будетъ".

Про што, — думаю, — говорятъ?... Жду...

„И много ихъ?" — Опять тотъ-же спрашиваетъ.

„Много, — говоритъ: теперь, говоритъ, тысячи двѣ наловили".

Про што—думаю... Не утерпѣлъ да и спрашиваю:

— Кого, говорю, словили?

„Да, вишь, говоритъ мнѣ тотъ-же мужикъ: сказываетъ — бары нонѣ въ учителя идутъ, а которы въ рабочіе... народъ мутитъ... Бунтъ, вишь, хотятъ сдѣлать противъ царя..."

„Да вотъ сказываетъ, заговорилъ — тотъ-же мужикъ: въ газетахъ есть — ловить намъ велѣно да представлять ихъ по начальству..."

Тутъ я прикинулся.

— Видно, говорю, въ газетакъ разно пишутъ...

„А што?"

— Да то!... Баръ... царь просилъ за учителями приглядывать — это точно, а чтобъ мужиковъ... читать не приводилось...

„Да ты это въ какой газетѣ читалъ?" — вскочилъ тутъ чуйка.

— Въ казенной, у старшиню у нашего бралъ...

„Ну, это ты врешь!“

— Нѣтъ не вру... Тамъ такъ и прописано, что царь зоветъ дворянъ въ сторожа.

„Врешь!“

— Заладилъ: врешь да врешь! говорю я: самъ раскинь умомъ! —

„Что мнѣ раскидывать-то?“

— Да то! учителя учатъ противъ баръ идти, противъ царя — кому-же сторожить? Знамо, барамъ!...

— „И онъ сказываетъ: учатъ противъ баръ... Пожалуй што, по твоему-то, вѣрнѣе будетъ...“ — сказалъ тотъ-же мужикъ...

Вижу, перекосило моего чуйку.

Мужики-то стали за чай расплачиваться... Собрались... Уѣхали... А чуйка все сидитъ... Сталъ и я собираться.. Вышелъ на улицу, подвязалъ лошадь, сажусь, а чуйка тутъ какъ тутъ... Стоитъ...

„Ты, говоритъ, любезный, откудова?“

— Изъ Чудова!

Стегнулъ савраску, и былъ таковъ...

— Ловко!

— А то въ Саратовѣ съ однимъ пріятелемъ тоже случай былъ... Жилъ онъ, по лѣту, въ слесаряхъ тамъ. Вотъ однова, вечеромъ отработали, пошелъ онъ съ товарищами... эдакій кабачишка тамъ есть не раженькій... Вздохнуть захотѣлось... Близко десяти было... Только входитъ солдатъ, и на ухо что-то кабатчику... А кабатчикъ: „Ну, васъ! — говоритъ: повадились кажинный день!“

— „Сдѣлай милость!“ — говоритъ солдатъ.

„Дашь, а потомъ опять подноси!“

Сердится кабатчикъ.

Однако, видятъ, налилъ стаканчикъ, поднесъ.... Ушелъ солдатъ... Пріятель-то мой и спрашиваетъ:

— Что, молъ, это — къ чему онъ?

„Да вотъ, говоритъ: кажинный день зачастили... Просто, говоритъ, весь народъ отбили: хошь, не торгуй вовсе!.. То жандармы, то приставъ съ своими... Снуютъ, снуютъ дьяволы — прости Господи!..“

— Разѣ што вышло? —

„Чего вышло, говоритъ... Жандармъ сказывалъ: студенты, вишь, да семинаристы сапожную завели и книжки, говоритъ противъ начальства... таперича вотъ ищутъ: убѣгли которы... Просто, говоритъ, спокою нѣтъ!“

Пріятель-то мой смекнулъ, въ чемъ дѣло... Разговорились они съ кабатчикомъ... Потомъ онъ его и спрашиваетъ:

— А еще што слышно... про этихъ-то?

„Сказывалъ, говоритъ, жандармъ-оть, что законъ новый имъ не по губѣ пришелся: въ солдаты не охота, такъ вотъ и мутятъ... Царя, сказывалъ, хотятъ извести...“

— Да не вретъ-ли, молъ?

„Кто его знаетъ; говоритъ: правда!“

— Словно закономъ-то ни студентъ, ни семинаристъ не обижены...

А у прилавка... тоже гость, мѣщанинъ... выпимши...

— „Это ты намъ не сказывай! говоритъ: Законы-то эти мы тонко понимаемъ...

Извѣстно дѣло: пьяный...

Пріятель мой и спрашиваетъ:

— А какъ по закону?

— Да такъ!... Поначе всѣ равны... Ты служи и я, говоритъ, служи...

Пошатывается.

— Я да ты — вѣрно, а дальше?

— Дальше?.. И семинаръ... и выше... всѣмъ одна цѣна!

— Разцѣнка твоя не-што! говоритъ мой пріятель: да по закону не такъ выходитъ....

Извѣстно, не пьяному: пьяному чего сказывать...

А тутъ народъ окромя, и кабатчикъ тоже...

— Ежели ты изъ кутейниковъ, говоритъ: курсъ кончилъ, годъ тебѣ льготы, а тамъ — псаломщикъ, и службы ни какой!...

— Это по закону такъ? — спрашиваетъ кабатчикъ.

— По закону.

— Кабатчикъ-то, знать, темный, какъ и мы же? замѣтилъ Николай Алексѣичъ.

— А студентъ ежели, говоритъ мой пріятель: какая тебѣ служба?... Учитель? — такъ учитель и есть...

Дохтуръ? — опять безъ перемѣны, а ежели просто, безъ мѣста, говоритъ: шесть мѣсяцевъ на вольныхъ правахъ — живи, гдѣ хочешь, тебя же спрашиваютъ: „какъ прикажете?“... Вотъ тебѣ и вся служба!

„Да я, признаться, не больно его и слушалъ, говоритъ кабатчикъ: оченно ужъ надоѣли проклятые... Кажинный день шатаются, просто, говоритъ, покупателя отъучили!..“

Вотъ эдакимъ-то манеромъ и наровитъ начальство опозорить, что ни есть хуже выставить нашихъ внушителей: „мужикъ, молъ, глупъ, ври безъ опаски — все съѣстъ; самъ же, молъ, намъ ихъ рукой предоставитъ опосля...

— Предоставитъ, надѣйся!...

— Вѣрно, расчетъ эдакій ведетъ...

— Расчитывай!...

— Ну, окромя того, вѣстимо, очи да уши свои протереть изволи: становымъ, значитъ, да исправникамъ предписаніе вышло: смотрѣть въ оба!

— Не обозначится-ли?

— Да, изъ мужиковъ кто не станетъ-ли правды сказывать... А чтобъ надзоръ этотъ — въ аккуратѣ, хотятъ, вишь, полицію эту въ передѣлку...

— Это какъ въ передѣлку?

— Видишь ли, говоритъ Максимъ Иванычъ, теперича въ уѣздѣ полицейскіе — кто? Соцкіе да разсыльные служатъ... У исправника соцкій подъ началомъ, и становымъ — они же прислуживаютъ... Сичасъ надо-ть приказъ старшинѣ, либо старостѣ — кому нести? Соцкій... Мужикали въ станъ — иди; набушевалъ-ли кто, али провинился въ чемъ — опять соцкій... Соцкій и вяжетъ и тащитъ, и вину какую раскрыть — онъ-же... Одно слово, разгонъ имъ оченно великъ... А выбираемъ ихъ мы, и жалованье тоже отъ насъ идетъ... Первое дѣло, значитъ, соцкій — нашъ-же, изъ мужиковъ... въ какомъ дѣлѣ тебя и выгородить можетъ... И опять же слушаться не больно привышенъ... Слушать-то, выходитъ, выслушаетъ, а потомъ: „въ понятіе, говоритъ, не взялъ, ваше благородіе!“ Дуракомъ ирикинется... Ну, и пѣшкомъ, скоро-ли приказъ дойдетъ?... Опять-же въ эдакихъ дѣлахъ: на счетъ книжекъ, внушенія, ослушательства тоже, — противъ начальства можетъ: „Вотъ, молъ, вамъ, робята, становой приказъ прислалъ на цигарки, а „Механику“ прочтите!“ Всяко бываетъ. Тоже оповѣстить воленъ: „Становой, молъ, допытывается: какъ? што?...“ Былое дѣло! Отъ эдакой полиціи, значитъ, многаго не жди: въ страхѣ да въ смиреніи

мужика не произведетъ... Вотъ начальство и думаетъ стражу завести, стражниковъ конныхъ и пѣшихъ, съ ружьями, — чтобъ, выходитъ, завсегда подъ рукой у становаго, аль исправника команда была, своя....

— Легкая кавалерія! засмѣялся я.

— Кавалерія и пѣхота! говоритъ Максимъ Иванычъ: 19.000 хотятъ заготовить... А нанимать, пишутъ, изъ отставныхъ: они народъ окрученный, привышны къ приказу... Тебѣ бы стражникомъ, смѣется: внушителей ловить... Ну, и жалованье имъ отъ казны, изъ нашего кармана: старшимъ — болѣ, а младшимъ — менѣ... Тебя въ старшіе за вѣрную службу!

— Верхомъ!

— Съ шиломъ....

Съозорничали парни.

— Ужъ передѣлка-то эта заводится, — говоритъ Максимъ Иванычъ — съ Нижняго зачалась... Бывало, тамъ казаковъ наряжали въ ярманку, а нонѣ отмѣнили... Замѣсто казаковъ (вышелъ приказъ) полицію эту завести... Приглядывать ужъ она теперича будетъ... А отойдетъ ярмонка — стражниковъ въ уѣздъ. Исправнику сказано: „можешь, значитъ, и въ хвостъ, и въ гриву, какъ угодно!“

— И въ другихъ мѣстахъ, чать, не замедлятъ?

— Полагать надо-ть, введутъ по скорости...

И будетъ, братецъ ты мой, по уѣзду стража, полиція!.. Кто вскачь, а кто — тихо да благородно, по солдацки!... Не знамо куда и дѣться тогда нашему брату!... Эхъ, робята, робята.... Пойдемте-ка съ горя! — всталъ тутъ Максимъ Иванычъ, — поѣсть что-то охота...

— Да, время! сказалъ Николай Алексѣичъ.

Стали подниматься, пошли... А Николай Алексѣичъ идетъ да головой покачиваетъ...

— Вотъ, говоритъ: простота-то наша!.... Платишь, платишь... А къ чему?... Да, темный мы народъ!... Свой же братъ къ смиренію пріучаетъ... Вотъ-ты и поди!...

— А какъ плачетъ-то, какъ идетъ въ солдаты!.... Да, паука!... Вокругъ морочатъ... Училища развели.... Шельмовство одно!... Отъ попа, гляди, и то страхъ заводится... Становой... Стражники... Да!... Все, вишь, чтобъ народъ тишѣлъ!... И тишѣетъ!... Простота-то наша...

— Одно забылъ — чиновниковъ!... Вотъ робята, закусимъ, да пойдемъ въ Слезкино на гулянье, говоритъ Максимъ Иванычъ: тамъ народу!... День-то хорошъ больно выдало сегодня: гулянье, надо полагать, большое... Дорогой-то я вамъ выверну и ихъ на изнанку!...

— Выверни, выверни!

— И ихъ къ числу.

— Приточай, Максимъ Иванычъ!...

V.

Перекусимши маленько, и я увязался съ парнями. Вышли изъ деревни, глядь — за загородами Николай Алексѣевичъ трухъ-трухъ, съ батожкомъ пробирается...

— И ты съ нами?

— Не што... Проводить охота...

— Али думаешь: одни-то съ чиновниками не управимся?

— Смѣйся... Тоже внушенье-то это у насъ въ новѣ: любо вѣдь...

— Пойдемъ, пойдемъ... Я такъ... Самъ слово-другое когда пустишь въ народъ: на всѣхъ разойдется по малости... Да, чиновнички, Николай Алексѣевичъ! Забывать намъ это крапивное сѣмя не приходится... И не даромъ прозвали ихъ сѣмя крапивное! ГЛУШАТЪ ОНИ, батюшка, ГЛУШАТЪ ВОЛЮ ВЪ НАРОДѢ — КРАПИВА ЧИСТАЯ.

— Больно ужъ много ихъ...

— Да и нельзя иначе... Мы, народъ, — одна сторона, а тамъ царь да бары съ купцами — другая!... Что мы?... плательщики... А они — правители, безпечальный народъ... Надо-ть имъ про насъ законы выдумать, а законъ-то дѣло не легкое: скоро-ль придумаешь, чтобъ какую статью ни возьми — одинъ бы толкъ былъ: „деньги, молъ, намъ, а вамъ — жить смирно!“ Тутъ потрудиться, народу не мало надо-ть, а потомъ — блюсти... чтобъ мужикъ все по статьѣ, съ разрѣшенія... Безъ разрѣшенья-то много-ль тебѣ ходу дано?...

— Утѣснительно, больно утѣснительно!...

— Построиться захочешь — по охотѣ нельзя, не даютъ: „спросись!“ говорятъ...

— Да, бѣги по начальству: сколько аршинъ, значитъ, проулокъ прикажутъ...

— Магазеи опять...

— Чего кажись!

— И хлѣбъ нашъ, сами кладемъ... нѣтъ, не даютъ...

— Разрѣшеніе, разрѣшеніе!

— Одно слово, за что ни возьмись — ни въ чемъ воли нѣтъ: жениться — по закону; на заработокъ идешь — опять законъ... Все по статьѣ, по уставу!.. Во всѣхъ это дѣлахъ ты видишь законъ: на сходѣ, въ волости... Куды ни оберись — вездѣ чиновникъ! Чистая прорва! Чинов-

никъ на чиновникѣ сидитъ, и все, вишь, законъ блюдетъ...

И сдѣлали, пріучили, братецъ ты мой, самъ мужикъ теперича толкуетъ: „я на тебя, говоритъ, законъ найду!..“ Малымъ робенкомъ сталъ...

— Выпестали...

— Волю-то всю въ тебѣ отшибли...

— Заглушило крапивное сѣмя!

— А имъ вольно, спокойно...

И что они только дѣлаютъ промежду собой и надъ нами — уму не постижимо!.. Взятки, грабежъ... чистый вертепъ!.. Охальничаютъ какъ — страху подобно!... Сами баре, что поумнѣе, и тѣ говорятъ: „Ужъ это, говорятъ, ни къ чему!..“ Смотрико-сь, къ примѣру, губернаторъ въ пяти мѣстахъ засѣдаетъ и вездѣ, вишь, главный.... Случится дѣло какое, — такъ — што ни есть, хошь тюрьму починить (починки-то у нихъ частыя), — вотъ онъ и строчитъ въ одно присутствіе — у себя денегъ проситъ, а изъ другова — отвѣтъ: себѣ-же разрѣшеніе — понимаешь?.. Охальству — конца не видать!.. Сами, сказываю, баре пристыжаютъ...

Да наровятъ еще все дальше да дальше: закономъ-отъ этимъ да судомъ донять — ты чтобъ: ни гу-гу, „а мы, молъ, будемъ на свободѣ свои дѣлишки обстраивать...“

— А какъ же теперь, Максимъ Иванычъ, эти окружные суды пошли, мужика судить позвали...

— На этихъ-то судахъ и видать правду!..

Завелъ ихъ царь... Отставать, вишь, не охота была, въ чужихъ земляхъ есть эти суды съ присяжными, — ну, и захотѣлъ: „заведу, значитъ, у себя... Завелъ судъ скорый и праведный...

— И попъ онамняся тоже, вычитывалъ... въ проповѣди было: „судъ — читалъ — скорый и праведный царь пожаловалъ...“

— Пожаловалъ!.. И вѣрное слово: скорѣй! Потому теперича не замедлятъ тебя ни въ острогъ, ни въ каторгу: судъ скорый!.. А чтобъ — праведный — и это точно: праведный...

— Какъ?

— Да правда-то нонче гдѣ? Начальство говоритъ: „въ законѣ!“... А судятъ — по закону, — выходитъ, и судъ праведный!..

А что мужиковъ позвали, такъ теперича — будетъ баловаться: не позовутъ...

— Ну?

— Вѣрно, не позовутъ... Увидали баре, что мужикъ на судѣ... (Какъ ни опутываютъ, все, вишь, разумъ-отъ не весь выжали изъ него)... на судѣ, нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ своему брату: „не виновенъ“....

Да и какъ ни сказать самъ посуди!

Жизнь мужицкая вся въ глазахъ...

Проворовался ежели — кто виноватъ, самъ что-ль? Сами знаемъ, што — хорошо, што — худо: поговорку-то „грѣхъ воровать, а иногда не миновать“ не бары, чай, сложили, — наша, мужицкая!.... Воровать-то никому не охота... а не минешь: и голодно-то, и холодно, дѣтокъ кормить нечѣмъ... што подѣлаешь?....

— Но мнѣ-бы, по солдацки, какъ кто попался изъ насъ, сичасъ — барина, какой подъ руку, либо чиновника — лупить!

„Отъ вашего, молъ, брата намъ тошнёхонько-то становится... Лупи!...

— Да, обобрали кругомъ: податями прямыми, кривыми, солдатчиной доняли...

— Изъ-за нихъ ѣсть нечего!....

— Обездолили!... А потомъ, грѣхъ-отъ выдетъ — судить, острогъ, каторга!...

Вотъ увидали они, што присяжные, изъ мужиковъ которы, въ толкъ-отъ берутъ... давай кричать: „съ эдакимъ судомъ мошенникамъ разводъ одинъ, больше ничего: всяку, молъ, вину прощаютъ... Чаво добраго, ослушательство супротивъ начальства, али вину противъ насъ — на все, значитъ, — „не виновенъ“.... И подвели!... Начальство надумало....

— Отмѣнитъ?

— На прямикъ-отъ еще нѣтъ, а вышло: выдумку подвело....

Въ присяжные-то крестьянъ назначали, чай, знаешь — земство! Вѣстимо дѣло, всякій мужикъ попадался: съ достаткомъ наклевывался, а все больше нашъ братъ: въ штанахъ безъ штановъ, въ рубахѣ безъ рубахи, значитъ... Ну, служба-то эта, выходитъ, не больно была намъ въ пользу. Потому выдетъ тебѣ приказъ — въ городъ, въ присяжные — работу свою, знамо, надо-ть въ сторону, опять же въ городѣ — харчи и все такое... дома-то не много накоплено!.. Вотъ и стали присяжные въ коихъ мѣстахъ просить у земства, нельзя-ли какъ деньжонокъ, когда случится...

— Въ судъ-отъ ѣхать?

— Да! Земства-то которы — хлопотать! (Въ законѣ-то, вишь, этого не было: можно, аль нѣтъ присяжнымъ на харчи?) Начальство и обрадовалось...

„Чего, молъ, лучше? Можно, молъ, этихъ мужиковъ изъ судовъ вовсе похѣрить... (Разъ сбрендили, въ другой не оплошаемъ). Министры и отписали:

„Чего, говорятъ, вы хлопочете, господа дворяне? Въ присяжные нужны люди надежные, съ капиталцемъ, а голыши — разѣ што могутъ: они противъ закона съ начальствомъ... Какіе-жъ, молъ, они судьи?“ Такъ и пишутъ: „Вы властны, говорятъ, присяжныхъ въ списки вносить: кто бѣденъ — къ лѣшему, а богатаго — слѣдъ, будемъ оченно довольны... Смѣтка-то, молъ, у васъ гдѣ?“

Теперича, знамо, тебя въ присяжные не выберутъ...

А гдѣ попадешь по оплошки ежели — горя натерпишься и срама не минешь... Вонъ въ Одессѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, не знаю какъ, а только въ судъ попали мужики... Дѣла-то позатянулись въ судѣ...

— Въ скоромъ-отъ!

— Все, што было, проѣли. А одинъ изловчился, домой сбѣгалъ за 90 верстъ (на два дня, вишь, судбище-то было отложено), хлѣба принесъ. Опять проѣли. Такъ ужъ подошло: ни на харчи, ни на ночлегъ — ни гроша: чисто! Что дѣлать? Съ указами-то министровъ, на грѣхъ, знакомства водить не водили!... Надумали....

„Ваше превосходительство! (Къ самому, значитъ, предсѣдателю пошли)... ѣсть нечего, пріюта не имѣемъ...“

— Што-жъ онъ?

— „По закону — говоритъ — васъ кормить не велѣно!“ — вотъ што!.. „А вотъ, говоритъ, вамъ отъ насъ 65 рублей: примите Христа ради!“ Любо-ли?...

— Такъ теперича эти суды безъ мужиковъ пойдутъ?

— Самъ видишь, какой же тутъ мужикъ, коли богатыхъ велѣно въ присяжные... безъ мужиковъ!

— Да! И мировые-то вѣдь все баре.

— Богатые!

— Какъ-же иначе? „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ — давно всѣмъ вѣдомо...

А у мировыхъ все больше голодный съ сытымъ судятся: рабочій съ хозяиномъ, мужикъ съ барином, а не то по простотѣ-то, кому на умъ взбредетъ на становаго или исправника законъ искать... Тутъ бѣднаго не поставишь... Всяко дѣло бываетъ...

Вонъ (въ газетѣ вечоръ вычиталъ) у мироваго, въ Питерѣ... Жила, вишь, въ услуженіи у аблаката баба, такъ изъ деревни... У господъ, самъ знаешь, какая служба: подотри, вынеси, а за все грошъ мѣдный да бранное слово... Ну, рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше: расчетъ стала просить (другое, значитъ, мѣсто вышло). Аблакатъ-то (тоже — крючекъ судейскій!) осерчалъ... Пришла на мѣсто, я тамъ хозяинъ-то и говоритъ:

„Что-же, говоритъ, у тебя въ билетѣ не прописано, аттестаціи нѣтъ? Ты, говоритъ, у кого служила?

— „У аблаката, батюшка, у Рихтера“... говоритъ...

— Ну, вотъ! Аттестацію надо-ть: хорошо, али худо, значитъ, ты у него прислуживала!.. Не прописано!

— Я, говоритъ, батюшка, не грамотная, принесу... Пошла.

Аблакатъ-то вышелъ:

„Чего тебѣ?“ спрашиваетъ.

— Аттестацію! говоритъ: нельзя-ли какъ потрудиться вашей милости...

„Аттестацію?“

— Да, батюшка.

Послалъ за городовыми.

— „Ей — говоритъ — аттестацію — сведите ее въ часть!“

Потащили бабу.

Та и въ толкъ себѣ не возьметъ: за што? въ чемъ вина вышла?

— Постойте, говоритъ, любезные; я сама могу идти-ть.

Упирается.

А они ее — бацъ, бацъ: избили!..

Высидѣла въ кутузкѣ, ни за што, ни про што, четыре дня... Вышла... А мѣста ужъ нѣтъ — какъ нѣтъ: прогуляла... Что дѣлать? Надоумили-ли кто, али сама (можетъ, у мужиковъ въ деревнѣ привычку взяла): „я, молъ, на тебя, аблаката, законъ найду!“ Мировому — просьбу... И нашла, дура, у кого защиту искать!... Судья-то, знамо, далъ знать аблакату, а тотъ не будь глупъ (не даромъ въ судѣ служитъ) полицейскаго наускалъ... Баба-то прошенье судьѣ, а они на нее — актъ: „въ кухнѣ, молъ, слышали, какъ она аблаката честила“...

И вышло: съ нея-же два рубля — штрафъ!

— Озорство какое!

— Какое озорство! на то онъ МИРОВОЙ. И ОТЪ НЕГО, ПО ЗАКОНУ, ДОЛЖЕНЪ МИРЪ ДА СМИРЕНІЕ ВЪ МУЖИКѢ ВЕСТИСЬ.. А какъ его сдѣлаешь?... Вотъ онъ и гнетъ, завсегда чтобъ богатый былъ въ правѣ, а ты виноватъ... Застращиваетъ...

— Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ — не судись!

— Таперича смекаешь: почему бѣднаго нельзя въ мировые зачислить?... Бѣдный бѣдному свой братъ: отъ него начальству барышъ будетъ плохъ!... Назначь-ка нашего брата въ судьи,

ихъ благородія судить — какой порядокъ пойдетъ?..

Вонъ, въ Калужской губерніи исправникъ... (И угораздитъ-же чортъ!)... Надумалъ, братецъ ты мой, недоимку собирать: ѣдетъ въ уѣздъ, а съ собой — пукъ розогъ... Розги-то што — обыкновенное дѣло, а онъ — кадку меду... и возитъ по уѣзду... Сичасъ, ежели за тобой недоимка, платить ты не исправенъ...

— Медомъ подштуетъ?

— Да, разложитъ тебя, добра молодца, въ медъ-отъ окунетъ розги — и отсчитываетъ...

— Ахъ, сукинъ сынъ!

— Отдеретъ, мёдомъ вымажетъ, а потомъ — и недоимку-то ты отдашь, да и за мёдъ-отъ съ тебя-же взыщетъ... Каковъ распорядокъ завелъ?...

— И не отлупятъ?

— Ну, вотъ эдакого ежели на судъ къ намъ — что-бы тутъ?... А теперича — все съ рукъ сходитъ... Сунься-ка ты къ мировому, законъ на него искать — такую тебѣ статью изыщутъ — снова отдерутъ, да мёдомъ смажутъ...

— Что ужъ тутъ: гдѣ правду найти!.. ВИДИМЪ, ЧТО СУДЪ БАРСКІЙ, КУПЕЧЕСКІЙ!..

Не утерпѣлъ я.

— Хорошо, кабы эдакъ-чи всякій мужикъ понималъ... А то вотъ, въ нашей-то округѣ... и идетъ кто: все думаетъ „авось“...

— Съ начальства надо-бы примѣръ брать...

— Да, оно на „авось“ не живетъ...

Смотрико-сь, какъ царь-отъ дѣла-то свои тонко понимаетъ!..

Слышалъ-ли: въ ноябрѣ мѣсяцѣ праздникъ затѣяли эти всѣ: прокуроры да аблакаты, мировые... Съ радости, значитъ: 10 лѣтъ, вишь, прошло,

какъ царь далъ новый судъ-отъ, десять лѣтъ прошло — а онъ все держится: сами дивятся!... Шутка-ль, въ заправду: 10 лѣтъ надъ мужикомъ озорство чинятъ по новому — и все, какъ съ гуся вода!.. Какъ не веселиться?.. Празднество себѣ и задали!...

Пошли пиры въ Питерѣ.... Пьютъ, ѣдятъ, другъ дружку хвалить зачали: „я, дескать, ловокъ статьи-то передергивать, а ты — не въ примѣръ!..“ Такое пьянство — дымъ коромысломъ!.. А царь по этому случаю бумагу — внушеньице махонькое, значитъ...

„Хорошо-то вы, хорошо — говоритъ — свои дѣла ведете — это точно, а впредь прошу — чище, потому, говоритъ, времена нонѣ не тѣ... (Внушитель-то его теперича шибко мутитъ.) Охраняйте, молъ, охраняйте — чтобы все въ аккуратѣ: виды-то мои не вамъ, чай, сказывать!...“

Видишь, какъ тонко понимаетъ: знаетъ, гдѣ подстягнуть коренника!...

— Да!

— И везетъ троечка, ничего себѣ, не спибается!... Въ корню — чиновники, а въ пристяжкѣ — полиція да попы!...

— На отлётѣ!

— То однихъ подбодритъ, то — другихъ, чтобъ не сдавали... „Эй! вы, молъ, милые, работай!“

А выдасца эдакое времячко жаркое, какъ теперича (Внушителямъ разводъ!), и баръ подтягиваютъ съ купечествомъ... То (давясь я сказывалъ) царь кличъ кличетъ: „вѣрное, молъ, дворянство! въ сторожа пожалуй: время!“ А то министръ...

— Этотъ што?

— Этотъ просто — „въ лазутчики! однимъ, говоритъ, не управиться!...“

— Развѣ было?

— Какже! Внушителей-то какъ наловили (тоже не мало, вѣдь: тысячи двѣ смаху нахватано было!), самъ-отъ испужался, да и слуги-то его тоже...

— Острастку, видно, ловкую задали!...

— Вотъ министръ, что всѣмъ судамъ голова, и пишетъ прокурору саратовскому...

— Что „Записку"-то написалъ?

— Да...

— Что жъ это — ему: ловокъ ништо?

— Ловокъ!... Много такихъ ловкачей въ хлѣвѣ у нашихъ свиней. — Какже! А просто этотъ Жихаревъ (фамилія ему такая) самаго легкаго званья человѣкъ: и взятку возьметъ, и въ чужой домъ залѣзетъ; гдѣ — подслушать, высмотрѣть — все ему по душѣ, по скусу... Другой-отъ эдакое дѣло вести ведетъ — ну, нѣтъ-нѣтъ, и совѣсть зазритъ: оглянется... А этотъ...

— ПРОЖ-ЖОННЫЙ!...

— Мать родную за внушителя выдастъ, только рубь покажи, али орденомъ — мимо носа!... Одно слово, легкаго званья!..

Ему и припоручено (самъ царь, сказываютъ, велѣлъ), все дѣло разобрать приказано...

— Про внушителей?

— Да!... И министръ-отъ ему, по этому самому, пишетъ.... А онъ чтобъ другимъ — въ извѣстность....

— Такъ што министръ-отъ пишетъ?

— А пишетъ вотъ:

„Теперича какъ, говоритъ, внушитель этотъ сталъ плодиться оченно, и намъ, значитъ, начальству — хошь въ отставку: не управиться, — нельзя-ли, выходитъ, какъ благороднымъ дворянамъ и другимъ надежнымъ людямъ — объявку сдѣлать,

чтобъ — въ лазутчики, сами чтобъ разнюхивали: не потянетъ-ли гдѣ внушитель, по близости?... А главное — чтобъ позорить... головы негдѣ было-бы преклонить имъ мерзавцамъ!... Мужика, вишь, хотятъ изъ бѣдности вывести! мошенники!...“

А прокуроръ этотъ и пошелъ — по всѣмъ чинамъ: слѣдователямъ, барамъ...

Вотъ эдакъ-то и идетъ у нихъ круговая: бары подхлестываютъ начальство, начальство — баръ, чиновниковъ... Полиція, попъ... всѣ въ кругу вертятся!

— Да!

— А что, Максимъ Ивановичъ, правда аль нѣтъ? Про внушителей (я слыхалъ), говорю: судъ особый?

— Эва! Знамо, особый!.. Разѣ ихъ дадутъ окружнымъ судить, али палатамъ... Ты только вникни, говоритъ онъ мнѣ: внушитель чему учитъ? Правдѣ! А правда вся семь словъ: „БѢДНЫЙ БОГАТАГО КОРМИТЪ, А БОГАТЫЙ БѢДНАГО ГЛОЖЕТЪ!“...

Внушитель это тебѣ все расшибаетъ по мелочи, всю жизнь наизнанку вывертываетъ: гляди да вникай!.. Ну, извѣстно, какъ ни верти — все одно выдетъ: начальство, бары да купцы — враги наши были и есть... Какъ-же про внушителей особаго суда не имѣть!... Имѣется, имѣется!...

— Присяжнымъ довѣрія нѣтъ?

— Довѣрятъ! Никому не довѣрятъ, сами сходятся! Четыре сенатора — все генералы, предводителевъ двое, голова купеческій да волостной старшина — кулакъ изъ кулаковъ — вотъ каковъ судъ!...

— Все благородство!

— Безъ подмѣси!... Ужъ вели-бы лучше дѣло на чистоту!.. Какъ попался ежели — на каторгу,

безъ разговору!.. Одинъ конецъ — разѣ не видать? прямо видать!.. Нѣтъ — по благородному, плутовство все: соберутся, развалятся, очки протрутъ... „Какъ? што?“ допрашиваютъ... Комедь ломаютъ! А чего допрашивать: допрежъ все испробовали — то прокуроръ къ тебѣ лазалъ въ острогъ, то жандармъ... Благородство!

— А по мнѣ-бы, послать ихъ тутъ-же на судѣ къ лѣшему!..

— И дѣлаютъ! Вонъ Дьяковъ-отъ — прямо: „Отвѣчать, говоритъ, не желаю!“ И другіе-то, что съ нимъ судились рабочіе, тоже дурачили...

— Дурачить, дурачить! такъ ихъ и надо-ть!..

— А другихъ-отъ, Максимъ Иванычъ, не слышно: скоро-ль будутъ судить, али... какъ тамъ?...

— Скоро — подождешь еще!.. Вотъ повытрясутъ душу, осовѣешь съ голоду да одиночества, еле-еле переступать станешь... тогда ужъ и эшафотъ!.. Дай наругаться до сыта!..

Осерчалъ тутъ Николай Алексѣичъ, шибко осерчалъ.

— Надругаться!... Надругатели!... И скоро-ль это конецъ придетъ нашему горю?..

Съ лица измѣнился...

— Не жизнь — чистое мытарство!

Мы это на него смотримъ: просто изъ себя вышелъ.

— Какая жизнь — нищета, кабала горькая! Бары, начальство, купцы... тьфу, окаянные!...

Насъ индо задоръ взялъ!

— Всѣ радости себѣ, вишь... Дьяволы!... А мы мучься, пикнуть не смѣй... Сволочь проклятая!...

— Правда! Правда!

— Чиновникъ, попъ — глушители!.. крапива подлая!.. Кругомъ лазутчики, полиція!... Да долго-ль, долго-ль...

Не стерпѣлъ тутъ, братцы, Максимъ Иванычъ: бросился къ старику...

— Скоро, скоро родной!

Обнимать зачалъ...

— Вотъ, робята, какъ ежели такъ понимать будемъ — держись вороги!....

Не долго — опять это къ старику — внушителей бы только болѣ!...

— Да какъ ни внушать... Развѣ...

Не договорилъ...

Просто, я вамъ скажу: у всѣхъ сердце ёкнуло, глядя на старика...

Долго шли молча... Никто слова не выронилъ... Идемъ... Ужъ Слезкино стало — такъ саженъ десятка два-три...

— Ну какъ, парни?... спросилъ Максимъ Иванычъ.

На всегда этотъ день въ памяти останется... Видать было: попали слова Максима Иваныча прямо въ сердце...

— Пойдетъ внушитель изъ народа, пойдетъ... скоро, Николай Алексѣичъ, скоро, родной мой!

Въ село вошли.

— Ну, говорю, Максимъ Иванычъ, — счастливо! можетъ въ гости къ кому зайдешь... Я ужъ такъ, малость побуду, да домой... не близко!...

— До увиданья! говоритъ.

Одначе, братцы, вмѣстѣ случилось идти-ть... Пришелъ я на гулянье, народу — страсть!... Парни разсыпались... А Максимъ Иванычъ, знай, похаживаетъ: съ однимъ поговоритъ, съ другимъ, смотрю, словомъ перекинется... Такъ это я до поздняго вечера и прошатался... Заночевась пришлось у Василія Петровича.

Ужъ коровъ пригнали... Темнѣть стало, какъ мы домой-отъ пошли... Парни, Николай Алексѣичъ, всѣ какъ были въ сборѣ...

Такъ этотъ день въ памяти у меня и сказать не могу...

Шли, долго шли... У одного парня гармонія была...

— Дай-ко-сь! говоритъ Максимъ Иванычъ.

Заигралъ... Ловокъ! На всѣ руки человѣкъ!.. Грустно таково выходить стало... Запѣлъ:

Не довольно-ли вѣчнаго горя?
Встанемъ, братья, повсюду заразъ!
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье, и дальній Кавказъ,
На воровъ, на собакъ — на богатыхъ!
Да на злаго ерилу царя!
Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Засвѣтись, лучшей жизни заря...

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной...

Да какъ гаркнетъ: Впередъ!..
Пролетѣло по лѣсу...

— А ты, молъ, веселенькую! говорю ему.
— Веселенькую? Можно!
И пошелъ, пошелъ, съ переборомъ...

Долго-ль будемъ мы такъ жить,
Нашихъ вороговъ кормить?..
Соберемтесь-ка скорѣй,
Да на нихъ пойдемъ дружнѣй...
Такъ дѣлишки поведемъ,
Что съ лица земли сотремъ

Баръ, начальниковъ, поповъ
И мошенниковъ купцовъ!...
Тутъ всѣ фабрики, заводы
Будутъ для всего народа...
Всей землей владѣть мы будемъ...
Нужду-горе позабудемъ!..

— Вотъ тебѣ и веселенькая! говоритъ.
Въ жизнь не забуту этотъ день!..

Первые вѣка Христіанства.

Внушителя словили.

I.

Разскажу я вамъ, братцы, случай какой у насъ въ деревнѣ вышелъ. Послѣ Преображенья было. Сажусь это я съ женой ужинать.... На улицѣ таково тихо... Вдругъ слышимъ:

— Робята! Робята! Внушителя словили!...

Высунулся я въ окошко: глядь — бѣжитъ парень... Выбѣжалъ и я на улицу.

— Што ты? Чаво бѣжишь?

А онъ знай дуетъ по деревнѣ.

— Вну-ши-теля... Ста-ро-ста!.. не разберешь: орётъ во все горло.

Наши которы изъ окошекъ повысунулись.

— Какова лѣшаго?

— Гдѣ?

Сами выбѣжали.

— Кого словили?

— Внушителя, вамъ говорятъ... Подбѣжалъ парень.

— Кого?

— Внушителя.

— Внушителя! Да ты сказывай толкомъ!..

— Толкомъ и сказываю.... У старосты въ избѣ....

— У старосты?!

— Да кто онъ такой?
— Я почемъ знаю: внушитель!... Самъ зашолъ....
— Што за лѣшій!... Пойдемъ, робята!
— Какой онъ изъ себя?
— Черный!... Увидишь...
Пошли... А староста на встрѣчу... Кричитъ:
— Чей чередъ?.... Подводу подъ арестанта.... Запрягай!...
— Штобъ-те издохнуть!... Мой чередъ выходилъ тогда ѣхать...
Подошли мы къ нему.
— Кто, молъ, залѣзъ къ тебѣ?... спрашиваемъ.
— Арестантъ... Внушителями ихъ прозываютъ...
— Стянулъ што?
— Нѣту, — говоритъ: воровать они не воруютъ. Идемъ эдакъ къ его избѣ.
— Чего-жъ онъ?
— Да самъ зашелъ... Переночевать просился...
— Арестантъ?
— Арестантъ.
— Убивство?...
— Нѣту! Тутъ статья особа... Государственный...
— Противъ царя?
— Да.
— Да ты-то какъ узналъ? — спрашиваемъ.
— Въ волости, говоритъ, старшина объявку дѣлалъ позавчерась...
— Запримѣтили?
— Да; на заводѣ въ Озерномъ проживалъ... Промежду рабочими, вишь, училъ, чтобъ царя извести.... А самъ, сказываютъ, изъ баръ будетъ... и билетъ фальшивый...
— Ишь што дѣлаютъ...
— Такъ гдѣ онъ у тебя?

— Въ чуланѣ... Заперъ... Стращаетъ: самъ отвѣтишь, говоритъ....

— Прикидывается!

— Знамо наровитъ провести... Я приперъ.... А на заводѣ, слышь... (Остановились мы на улицѣ) рабочій возьми да проболтайся.... А онъ (шустрый, видно!) не буть плохъ, — къ хозяину: разсчетъ — и былъ таковъ, и билетъ захватилъ... На утро прикащикъ докладываетъ: „У насъ, говоритъ, Семенъ Гавриловъ рѣчи ведетъ противъ начальства, и книжки имѣетъ...“ А его ужъ и слѣдъ простылъ...

А Семенъ Гавриловъ — онъ?

— Онъ самый!.. Хозяинъ-то... Теперь, вишь, много ихъ развелось; такъ начальство приказъ выдало..... (Старшина-то это все и сказывалъ) самимъ, вишь, заводчикамъ выслѣживать; а проглядишь ежели — штрафъ; не то, сказываютъ, завода лишатъ: строго! Вотъ хозяину-то — что дѣлать? Заметался туды-сюды: къ исправнику, становому... Вышло и намъ — смотрѣть: не объявится-ли гдѣ?.. Писарь сказывалъ: народъ, вишь, они ученый — такъ билеты дѣлаютъ, травятъ — химія, значитъ... Сичасъ, хошь твой пачпортъ: чернила-то смахнутъ (ну, ученый народъ!) и пишутъ... Такъ писарь сказывалъ: языкомъ — нѣтъ лучше... Лизнешь — кисло: фальшь, стало быть!...

Вотъ и я... Сбирала хозяйка на столъ.... Слышу, стучитъ кто-то.... Высунулся: незнакомый, ночевать просится.... Прохожимъ назвался.... Што, думаю, пустить али нѣтъ?... Лѣшай ихъ вѣдатъ — не равно пустишь на свою шею! Пустилъ... Входитъ... Сичасъ крестъ: по вѣрѣ!... Поздоровались.

— Куда, молъ, Богъ несетъ?

„Въ городъ пробираюсь“... робко таково говоритъ... Присѣлъ на лавку... на заводскаго смахиваетъ.

— А откелева, молъ, идешь?

„Изъ Трошкина... Слыхалъ можетъ?“

— Какъ не слыхать, знаю.... говорю. На заводѣ работалъ?

„Нешто.“

— Ну, какъ у васъ, говорю, исправникъ наѣзжалъ: ничего не нашли?

„Мы не слыхали“... говоритъ... „Не знаю.“

Какъ, думаю, не знаетъ: до насъ и то слухъ дошелъ, а онъ изъ Трошкина — двухъ верстъ не будетъ — и не знаетъ...

— Было, молъ, точно...

„У насъ ничуть.“

Озарило меня: што, думаю, какъ онъ? Ну, самъ посуди! Какъ ничуть: отъ деревни заводъ рукой подать, а ничуть?... Онъ, безпремѣнно онъ, — думаю.

Помолчали.

— Ты, молъ, въ городъ-то зачѣмъ?

„Мѣстишка не выпадетъ-ли.... На Озерномъ убытошно больно: штрафятъ шибко!“

— А пачпортъ, молъ, при себѣ имѣешь?

Онъ, да и только, — изъ головы нейдетъ.

„Какже... говоритъ: безъ билета разѣ можно.“

— Такъ-то такъ, да на Озерномъ, сказываютъ, и безпачпортныхъ держатъ...

„Тоже не больно любятъ.“

— Сказывай!

„Да ты не сумлѣвайся“... Это онъ-то мнѣ. „Не спокаешься, што пустилъ... У насъ билетъ при себѣ, хошь сичасъ покажу...“

— Ну-ка!

Вынулъ.

„Изволь! — говоритъ... Мы не краденые... Читать можешь?“

— Могу.

Взялъ. Смотрю: Семеномъ Гавриловымъ прозывается, черный — ну, какъ старшина вычитывалъ, такъ и есть.

— Вотъ такъ попалъ!

— Я языкомъ... тьфу!... Чистый разсолъ!

— Химія!

— У тебя, говорю, пачпортъ фальшивый...

„Што ты, говоритъ, любезный!“

Всталъ.

„Мы этимъ дѣломъ не занимаемся.“

— Нѣтъ, говорю, ты самый и есть — Семенъ Гавриловъ, что съ завода убѣгъ!...

„Што ты, што ты!“ говоритъ.

— Ужъ какъ хошь, говорю, не выпущу, становому предоставлю...

А онъ вотъ — въ дверь.

— Держи, говорю.... Арестантъ...

— Приперли?

— Приперли... въ станъ теперича... Чья подвода-то?

— А што, какъ не онъ?... говорю я старостѣ.

— Какъ не онъ! Онъ — черный!

— Смотри!

— Онъ самый! Внушитель!

— А котомку-то смотрѣлъ?...

— Нѣтъ, не въ домекъ! Пойдемъ-ка, робята! Што въ ней?

Пришли въ избу.

А старостиха ужъ развязала...

— Гляди-кось, говоритъ, у него-то што!..Книжки!

Стали мы рыться.... „Хитрая Механика“, „Пѣсенникъ“, „Мудрица“... много книжекъ...

Староста взялъ одну... читаетъ...

— Смотри-ка, говоритъ, што прописано!

Всѣ мы сошлись народъ грамотный.... Хошь не больно учены, а все маракуемъ... Читаетъ:

„Перво нà перво царю по 9.000.000 (девяти милліоновъ) рублей каждогодно отпущается.... Смекаешь, каково жалованьеце-то?“

— Видишь: про царà!... Внушитель!

— Ну-ка, ну-ка! Дальше-то?

„Вѣдь это, почитай, по 25.000 на день выходитъ“...

— Неужли, правда робята?

А дядя Егоръ (мы съ нимъ въ деревнѣ рядомъ):

— А тутъ, говоритъ, про станового... Чудно больно...

— Ну-кась!

„Ахъ ты, сукинъ сынъ, каналья становой,
Во всю прыть бѣжишь, — раздуй тебя горой!“

— А у меня што!... Слушай, робята, про себя пишутъ... — говоритъ одинъ, тоже мнѣ сусѣдъ будетъ.

— Ну!

„Внушитель чему учитъ? Правдѣ...“

— Ну-ка, ну-ка!

„А правда вся семь словъ: бѣдный богатаго кормитъ, а богатый бѣднаго гложетъ...“

— И впрямъ вѣдь правда!

„Внушитель это тебѣ все расшибетъ по мелочи, всю жизнь на изнанку вывернетъ... Гляди, да вникай!“

— Не худу учатъ!

— Ну, не худу!... Слушай ихъ, изнанышниковъ!... ввязался староста... Будетъ рыться-то!... Видно, что запретныя...

— Постой!

— Чего стоять... Всѣхъ не перечитаешь... Чья подвода-то?

— Не торопи!... Дай срокъ... Не уйдетъ...

— Пусь переночуетъ! говорю я. Завтра отвеземъ... лошадь-то у меня не больно исправна...

— А тебѣ вести? (Староста-то мнѣ своякъ будетъ).

— То-то — мнѣ... Умаилась шибко...

— Ты вотъ што, Павелъ Кузмичъ! — говоритъ ему Егоръ... Повремени до утра... А теперича... сами... допросить-бы.

— Ево-то?

— Да. Больно ужъ любо: экихъ людей отродясь не видали...

— А што, староста, и впрямъ бы такъ!... Учинимъ!...

Одинъ да другой... И всѣ заохотились.

Староста нашъ (ужъ на што, кажется, кряжъ) и тотъ сдался.

— Смотри только, робята!... говоритъ. Молчокъ!... Чего бы опосля не вышло...

— Эва!... Знамо, — ни гу-гу!

Отперли мы чуланъ. Ввалились.

— Ну, что-же, ваше благородіе, ѣдемъ! говоритъ ему староста... Теперь ужъ не отвертишься: книжки-то у тебя какія!...

Молчитъ. Высокій такой, черный... Плотный мущина будетъ...

— Чего-жъ молчишь?

— Вези! говоритъ.

Всталъ.

— Дураки вы, дураки!... вотъ што!

Махнулъ рукой... И куда робость ушла...

Насъ индо жаромъ обдало...

— Чего ты лаешься? говоритъ ему староста.

— А то и лаюсь, что вы себя болванить даете... Понятія въ васъ нѣтъ!

— Ну, ты не больно...

— Ну, за што ты меня тащишь?

— А то: народъ не мути... Вотъ за што!

— Эхъ ты!

— Эхай!... Въ книжкахъ-то у тебя што писано?

— Почитай, такъ узнаешь... што...

— Про царя писано... Не дураки тоже...

— Сказалъ бы я тебѣ... да вижу.

— Што?

— Не въ коня кормъ будетъ...

— Знамо, своимъ враньемъ не накормишь...

— Вижу, што не больно уменъ... Ну, вези!

— А ты не ругайся! говоритъ ему староста.

— Не ругаюсь я: правду сказываю...

— Правду! За экую правду, знаешь, какъ вашего брата!

— Еще тоже книжки смотрѣлъ!... Глядѣлъ въ книгу, да видѣлъ фигу... Про царя!

— Не то нѣтъ?

— Ну, что-жъ что про царя! Царь тоже человѣкъ... Есть за што, такъ и его ругнуть можно... За глаза и царя ругаютъ...

— Знаемъ мы это... Не на дурака напалъ...

— Другой-бы (кабы ты уменъ-то былъ) слышитъ, что царя ругаютъ... Допрежъ-бы сиросилъ: за што? въ понятіе бы взялъ, а потомъ, глядя по дѣлу, и сказывалъ бы што надо-ть... А ты — зря!... Народъ, вишь, мучу... въ станъ!

— Знамо мутишь... мы развѣ не знаемъ... намъ все извѣстно...

— Извѣстно, да въ головѣ-то не больно тѣсно: свиститъ!... Ты знаешь-ли, кто я?

— Баринъ! Вотъ кто, коль знать охота... Кабы путь-то въ тебѣ былъ... а еще лаешься!... разѣ ты сталъ бы экимъ дѣломъ заниматься!...

— Какимъ?

— Такимъ! Чаво ты выряднлся?

— Можетъ, мое дѣло-то почище другихъ...

— На што чище!

— Съ маху-то все такъ: и хорошее за худое сойдетъ!

— Съ маху, не больно съ маху!

— Нѣту ни дѣла, ни чего... а тоже! Ты должонъ бы спервоначалу: што и какъ я допрежъ былъ?... А ты — бацъ! Умница!

— Чѣмъ былъ... баринъ, слышешь чай...

— Баринъ! Не больно бариив: мой отецъ попъ...

— Ну, кутейникъ; все-жъ не слѣдъ дурь-то на себя напущать!

— А по твоему-то, что слѣдъ?... Дурь!

— Знамо, што... што всѣ дѣлаютъ!

— Всѣ дѣлаютъ!..Всѣ то вонъ въ семинаріи учатся!..

— И ты учился-бы...

— Учился!... Да чему?

— Чему тамъ васъ учатъ... разѣ я знаю...

— Вижу, что не знаешь... Учатъ — какъ васъ надувать!... Вотъ чему!... Изъ семинаріи, слыхалъ, чай, поповъ выпущаютъ... А у меня — душа: не всякъ можетъ долгогривымъ быть!...

Вижу, дѣло говоритъ! съ корзиной-то яйца сбирать тоже привычку надо-ть; опять мужика прижимать... тоже съ совѣстью не скоро: вѣрно, не всякъ согласенъ!

— Что же ты? говорю.

Онъ это посмотрѣлъ на меня: запримѣтилъ, значитъ, — потому староста-то эдакъ говоритъ, а я — такъ!...

— Окончилъ курсъ... говоритъ: дальше пошелъ! Не огрызается.

— Куды?

— Учиться пошелъ... Слыхалъ ли, нѣтъ, университетъ есть въ Питерѣ: бары учатся?...

— Слыхалъ! говорю.

— Я туда: думалъ, наука иная будетъ... А тамъ тоже: „въ чиновники, говорятъ, не хочешь-ли — мужика грабить?“

— Не прикидывайся! говоритъ ему староста.

— Не съ тобой говорятъ!...

— Нѣтъ, ты постой! говорю я старостѣ: можетъ и правда есть!

— Слушай его, онъ тебѣ наскажетъ!

— Чай не слѣпые: видимъ, што — такъ, што — нѣтъ!... говоритъ Егоръ.

— Знамо, прикидывается!

— Можетъ, и впрямь совѣсть есть!..

А онъ это стоитъ да озирается... Такъ я замѣтилъ, ровно-бы любо ему было, какъ мы-то перекоряться зачали... А староста опять:

— Есть!

— Ну, а ты бы мнѣ совѣтъ далъ — въ попы ежели такъ... по совѣсти? говоритъ онъ старостѣ.

Што зря болтать: знамо не пожелаешь!... Попъ!... Ужъ на што хуже!... Староста-то у насъ, хошь не больно уменъ, а совѣстливый... Промолчалъ.

— А ты какъ, присовѣтовалъ-бы? — меня спрашиваетъ.

— Што говорить: знамо, выгода-бы намъ не большая! говорю.

— А въ чиновники?

— Коль за насъ, такъ отчего и нѣтъ... говорю.

— Да какой же чиновникъ за васъ?

— Правда-то, молъ, правда... а все же!

— И мѣстовъ-то такихъ нѣту-ть, чтобъ за васъ...

— Все, чай, можно!

— Можно! Свой же братъ заѣстъ, коль я стану вамъ мирволить: двумъ служить не дадутъ!... Тутъ не велику совѣсть надо-ть!

— Што тутъ скажешь?... Што правда, то правда: двумъ служить развѣ дадутъ?...

— Такъ ты что-жъ надумалъ? говорю ему.

— Васъ не грабить... и только!

Помолчали.

— А чѣмъ же кормишься? спрашиваю.

— Слышалъ: на заводѣ жилъ!

— Рабочимъ, стало быть?

— Работалъ.

— Такъ... А какъ-же тепереча, народъ, вишь, смущалъ?

— Смущалъ! Чтожъ мнѣ болванить тебя надо-ть — что-ль? И безъ меня охотниковъ не перечтешь!...

— Зачѣмъ болванить.

— Да што-жъ я тебѣ скажу?

— Што?... Знамо, по правдѣ надо-ть!

— По правдѣ и говорю... Отчего мужику тошно — не скажешь же: оттого, что денегъ много...

— Къ чему врать...

— Я и не вру...

— Не врешь, а словить велѣно... говоритъ староста.

— Ну, что-жъ?

Какъ што-жъ: безъ вины тоже не станутъ...

— Не станутъ! Вонъ Христа распяли безъ вины, не то што!... Вся вина была — правдѣ училъ... За правду гонятъ... Правды не любятъ!..

— А ты гдѣ экой правды набрался?

Мнѣ индо зло взяло на старосту...

— Постой!... говорю... Что же... спрашиваю: ты одинъ такой, а другіе...

Не далъ мнѣ досказать...

Не одинъ я говоритъ... Ты, говоритъ, не знаешь, а насъ много было...

— Эдакихъ-же?

— Эдакихъ-же... Тысщи полторы было...

— Тысщи полторы!

— Да, коли не больше...

Вотъ, думаю, въ деревнѣ живемъ — и не чуть ничего...

— Гдѣ-жъ они теперича?

Тамъ же, куда меня вести хотите...

— Перехватали?

— Да, по острогамъ сидятъ, въ крѣпости...

— Судить будутъ?

— Можетъ и будутъ, а пока тѣшатся: голодомъ да тоской донимаютъ, не то... прямо на тотъ свѣтъ!... Что же, староста, вези, чаво прохлаждаешься!

Жаль мнѣ его стало... Лицо доброе такое... Видно: правду говоритъ... Сердце индо ёкнуло, какъ онъ выговорилъ это...

— Ты вотъ што, говорю я ему: вести-то, я тебя повезу — завтра, а теперча скажи ты мнѣ: за что же это ихъ мучатъ... ты говоришь?

Молчитъ... Смотритъ на меня эдакъ-чи, въ упоръ...

— За што-же? говорю.

— А все за рѣчи наши, за слова...

— Какія-жъ такія слова?

— Скажи, и мы его послушаемъ... говоритъ старикъ одинъ, съ нами былъ...

И староста молчитъ видно, и ему не въ противность было.

— Чему жъ вы учете?

— Сказываю: правдѣ учимъ!

А самъ все глядитъ, уставимшись...

— Какой-же правдѣ?

— Ну, разѣ не правда, говоритъ, што бѣдность васъ заѣла — мужиковъ?... Всякому, чай, видать.

— Што правда, то правда!... говорю я.

— Жизнь ваша каторга: работаете безъ устали, а перекусить нечего...

— И это правда, говорю: живемь не больно радостно...

— Правдѣ и учимъ...

— Да это мы и безъ тебя знаемъ... говоритъ ему староста.

— Знаешь, да не больно понимаешь...

(Опять онъ осерчалъ на старосту.)

Отчего тебѣ плохо? — вотъ што скажи!

— Отчего! И это тоже на глазахъ: видимъ!

— Земли-то у тебя много-ли?

Промолчалъ нашъ Павелъ Кузмичъ.

— Чай, поля есть, луговъ — не оберимая! лѣсу — вѣкъ пали, и то не переведешь...

— Это все на виду... говорю я: што пусто болтать! Ни себѣ, ни скотинѣ: немного отмежевано...

— Да и земля-то какая, говоритъ... Тамъ песокъ, тутъ — болотина: хлѣбопашничай!

— Это все такъ — такъ!

— Ну, и учимъ правдѣ: ты пашешь — у тебя все о ле коломъ поднимешь, а помѣщикъ съ казной. Сохи не уставятъ — у одного, смотришь, 500 десятинъ, у другаго — тысщи... А въ казнѣ — и счетъ потеряешь... Разѣ по правдѣ?

— Дѣло говоритъ! шепчетъ мнѣ на ухо дядя Егоръ.

— Мы и учимъ: кто пашетъ, того земля пусть и будетъ...

— Этакъ бы не худо по ихнему-то... опять мнѣ Егоръ.

— А теперь што! Волю дали, земли нарѣзали на смѣхъ: ни хлѣба, ни полѣна... а плати: оброкъ, либо выкупныя, поземельныя... Выгода!

— Не больно по совѣсти, што говоритъ!

— По совѣсти! Съ совѣстью разѣ возьмешь съ тебя впятеро, что земля даетъ, не то вдесятеро... Нашелъ совѣсть! И самъ-отъ мужикъ отъ земли не прокормится, — а тутъ подати: то барину, то въ казну... Совѣсть!.. Свому брюху было бы сыто... а то совѣсть!

— Одначе, послѣ воли всежъ полегчало!.. говоритъ староста...

— Што и говорить: били дубьемъ, а теперь рублемъ... Знамо, легше! Рай!... Баръ не бось обошли, плохое житье имъ стало: оброчишки получаютъ, хлѣбопашничаютъ за выгоны... да и оставшая-то земля мало пустуетъ: ты-жъ кортомишь, аренду платишь... Воля умирать не надо-ть!

— Такъ, по твоему, обманъ одинъ вышелъ? говорю я.

— Не по моему, говоритъ, а на дѣлѣ такъ... Только вы этого не примѣчаете...

— Пра, дѣло сказываетъ! говоритъ мнѣ Егоръ.

— Вотъ и учимъ!.. (А самъ все ко мнѣ, да ко мнѣ, ближе). Вотъ и учимъ, говоритъ: въ деревнѣто ты маешься, маешься... Што дѣлать? Дай, думаешь, на сторону, на заработки ударюсь: казны поприбудетъ!.. И пошелъ колесить: на чугунки, на фабрики, въ Питеръ, по городамъ раскинулся... Пошла жизнь — позавидуешь! Кормятъ въ проголодь, безъ сна живешь, въ духотѣ; и жаръ и

холодъ... а денегъ, денегъ!.. Не съ чѣмъ домой съѣхать... Заработаешь, думалъ, копейку другую, жена вздохнетъ, дѣтокъ утѣшишь... Утѣшилъ! Ты, аль чужой — признать не могутъ: здоровье-то твое — ухъ! Иди да лови! Утѣха! А трудился тоже!.. За труды, говорятъ, деньги платятъ! Платятъ, да не вашему брату...

— Вѣрно, вѣрно! говорю я. На заводахъ али на фабрикахъ шибко обижаютъ нашего брата!.. Разошелся, братцы, какъ по писанному!

— Куды не обернись, говоритъ, вездѣ мужикъ стонетъ, надрывается... Вотъ и учимъ! — говоритъ: кормишь ты и барина, и чиновника; купецъ, попъ, свой кулакъ деревенскій — всѣ черезъ тебя сыты; всѣмъ мужикъ служитъ!.. Смотри, говоритъ, тутъ домъ — кто строилъ? — мужикъ! Тамъ чугунка — чья работа? опять мужика! Баринъ вонъ ѣдетъ, въ каретѣ развалился, барыня выряжена!... и шелкъ, и бархатъ, срядья разныя — кто дѣлалъ? — все мужикъ! И карета, и матеріи — его работа!.. Вездѣ мужикъ: мужикъ — въ полѣ, мужикъ — на заводахъ, мужикъ — на фабрикѣ!.. Всѣхъ онъ кормитъ, обуваетъ, одѣваетъ... А самъ, самый — голый! Разѣ это по правдѣ?

Возьми ты, говоритъ, богачей вычерпай — что останется? Труженники — и пить, и ѣсть имъ нечего, прикрыться нечѣмъ! А тамъ горсточка, соплей перешибешь, бездѣльничаютъ, и живутъ... Да какъ живутъ! Ѣда не ѣда, шуба не шуба!... Жрутъ въ три глотки, безстыдства устраиваютъ!...

— Точно, точно... любезный! не утерпѣлъ Егоръ: ты мужикъ — у тебя пусто, а тамъ — и дѣвать не знамо куда! Дѣло сказываешь!..

— Ну, скажи ты мнѣ, говоритъ онъ Егору: кто тебя не обижаетъ? Дуракъ... нѣтъ, да и

тому, почитай, охота тебя ужалить!.. Всякій: баринъ, чиновникъ, попъ, купецъ.... всякъ наровитъ стащить съ тебя послѣднюю рубаху, донять... Кругомъ обида!

— Правда, правда! говорю я. Обиды не мало выносишь...

— Просто, говоритъ, диву дивишься, какъ мужикъ все терпитъ!... А защиты... (разѣ не правдѣ учимъ?) да разѣ есть она мужику? Судъ — што-ль?.. Суньсяка туда!.. До суда горько, а послѣ суда... какой тутъ судъ! Шельмовство одно! Судитъ богачъ, законы — всѣ статьи на руку, да не тебѣ — обиженному, а богатому: хозяинъ ты — твоя возьметъ, а рабочій... ну, гдѣ тебѣ суда искать? Судъ барскій, купеческій!.. Ихъ дѣло грабить, обобрать тебя до нитки... Захотѣлъ у нихъ правды найти-ть!..

Староста все стоялъ, а тутъ вмѣшался.

— Ты, говоритъ, и дѣло сказываешь — это точно, ну — и приплетать мастеръ!

— Да что-же не дѣло-то я говорю, — скажи! что я приплетаю?

— Да какже, говоришь: правды, вишь, не найти-ть!

— Гдѣ-жъ ты ее нашелъ?

— Какъ гдѣ! Ну, ежели нижній чинъ не по закону, — можно чай, выше: запрету нѣтъ, хошь къ царю самому ступай... Какъ же не мелешь... знамо, мелешь! Тоже, чай, и на судей законъ есть: правительство не дастъ зря...

— Нашелъ тоже защитника! Правительство! Эхъ ты, голова, голова!.. Да кому же ты подати платишь? Кто съ тебя налоги разные гребетъ? Кто тебя кругомъ обложилъ? И душа твоя обложена, и земля, вино, соль — за што не хватись... все обложено... Эхъ ты! Первѣй воръ — а ты

хочешь у него защиты найти!.. Правительство!... Да ты вникни только, што оно продѣлываетъ, какъ твой-отъ царь мужика счастливитъ... Вникни!

— Ну, ну! сказывай!

— Я то скажу, ты-то выслушай!

— Говори! Говори!

— Послѣ воли-то много-ль полегчало? слышалъ, чай, што мужики сказывали... свой братъ! А кто тебя надулъ, эдакъ-чи? Царь съ министрами, правительство! Кто опосля воли задавилъ тебя налогами? Царь! По чьей воли тебя зорятъ кажинный годъ: за недоимки скотины лишаютъ, крыши сносятъ, по міру пущаютъ? Все царю такъ угодно: онъ, вѣдь, указы строчитъ; онъ, вѣдь, чины да награды даетъ и становымъ, и исправникамъ, коль они выбьютъ на чистоту недоимку-то!..

— Дѣло, дѣло! што говорить! проговорилъ Егоръ.

— Дѣло! Не больно дѣло... опять зачалъ староста.

— Да полно ты, схватился съ нимъ Егоръ: еще староста! Самъ-отъ подъ арестомъ сиживалъ въ чижевкѣ не одинъ разъ... по чьей милости? Еще при дѣлахъ состоишь, а все не въ домекъ...

— Ну, это, знамо, не по правдѣ: моей вины тутъ, извѣстно, нисколько...

— То-то нисколько!... И нашей, чай, вины не ахти сколько: бѣдность загрызла! Онъ и сказываетъ правду: начальство тебя не укроетъ...

— Укроетъ!.. Само довело: нищими мужиковъ подѣлало (И повторять-то не охота!)... То налогъ, то подать... жить стало въ тридорога, — а отчего? Отъ него все! Патенты, права... все обложено... Съ купца что-ль, взаправду, деньги берутъ за права-то? Ты покупаешь, ты же и платишь! Эхъ ты, староста! Нашелъ защитника!.. Кто тебя

рекрутчиной высушилъ? И деньгами, и людьми — всѣмъ изъянъ тебѣ царь дѣлаетъ, а ты...

— Не далъ досказать староста.

— Ишь, разошелся! говоритъ. Уши-то они развѣсили, а тебѣ и любо: нанизывай! Рекрутчина, вишь... Ну, жаль-жаль — это точно, а безъ этого тоже нельзя...

— Выгоду и тутъ запримѣтилъ?

— Знамо, есть!

— Много! Мучишься, маешься: то баринъ, то чиновникъ, то хозяинъ неправду чинятъ... ни въ деревнѣ, ни на фабрикѣ — не въ терпежъ: жизнь — мука чистая!..

— Заладилъ одно: мука, да мука!.. Безъ тебя...

— А ты слушай, егоза московская! оборвалъ Егоръ старосту (Онъ у насъ — горячка, бѣда какъ не любитъ, кто толкуетъ зря...).

— Слушаю я... не безъ понятія тоже...

— Вотъ и учимъ, — говоритъ внушитель: захотите вы супротивъ... ну, барина што-ль, купца, не то чиновника (до правительства-то у васъ больно охочь староста!)... надумаете, значитъ, проучить ихъ малость — сичасъ, усмиреніе, тихость на васъ нагонять... И чего-чего не припасено про вашего брата, чтобъ тишѣли! Каторга, острогъ... Сосчитай, говоритъ, многоли имъ вашего брата проглочено; а выплюнуто? — не выплевываетъ онъ: скупъ больно! А упретесь міромъ ежели — острогъ; а не беретъ — солдатъ! „Бей ихъ, сукиныхъ дѣтей! Бунтовать смѣютъ!“ Вотъ къ чему солдатчина-то, староста!...

— А по тебѣ, и дать волю: бунтуй!

— А чтоже, ежели не въ моготу приходитъ...

— Не въ моготу! Прошеньемъ дойди...

— Ты все свое, корчага пустая! опять принялъ его Егоръ. — Прошеньемъ дойди! А гдѣ нашъ Савелій-то, что отъ міра въ Питерѣ былъ? Къ царю тоже, чай, посылали — забылъ не бось?... Ухъ, ты, качанъ безлистный!.. Староста! Въ „Положеньи“-то крестьянскомъ што прописано? — забылъ што-ль?

(Егоръ-то у насъ оченно грамотенъ).

— Што?

— То-то „што“, балаболка правленская! Прошеньемъ дойди!.. Въ „Положеньи“-то сказано, чтобъ мужиковъ отговаривать ходоковъ посылать — вотъ што! Дура!

— Што ты бранишься!

— А то, не мѣшайся, коль разуму-то на конецъ шила не хватитъ...

— Ты больно уменъ... грамотенъ!

— Да что его слушать, любезный! говоритъ онъ Семену Гаврилычу, внушителю-то: онъ у насъ Богомъ обиженъ; въ старостахъ только и сидѣть ему, начальству угодничать!.. Не замай его, пусть стоитъ!

— Вотъ и учимъ, говоритъ: не видать вамъ свѣту, пока не опомнитесь!.. Царь, чиновники, баринъ, купецъ, попъ — все враги ваши: это ихъ вина, что вы съ горемъ маетесь...

(Полюбились мы ему, опосля намъ съ Егоромъ сказывалъ.)

Нѣтъ, робята, говоритъ: не худа мы желаемъ! За то-то и гонитъ насъ начальство съ барами... Пока вся земля не будетъ ваша, вся — слышите, что ни есть; пока вы ее не сдѣлаете своей, общественной; допрежъ нежели, говоритъ, все добро, что плыветъ теперича не тебѣ знамо (говоритъ онъ мнѣ), а хозяевамъ, царю, чиновникамъ... Всѣмъ

этимъ, говоритъ, должны вы владѣть!.. А штобъ надъ вами начальство... будетъ ему охальничать: свои дѣла сами устроите! Вотъ, говоритъ, заполучите экую волю — нужда отстанетъ отъ васъ, заживете вы счастливо...

— Ну, хорошо... говоритъ ему Егоръ: земля, стало быть, вы учите — наша?

— Ваша!

— Заводы, фабрики... тоже: кто работаетъ — тому надлежатъ...

— Безпремѣнно!

— Ни начальства чтобъ, ни бѣднаго, ни богатаго...

— Такъ, такъ!

— Ишь, какой уставщикъ выискался! проворчалъ староста (Онъ у насъ тоже съ достаткомъ).... Изнанышники!

— Слышишь — тебѣ говорятъ: не лѣзь!.. Курокъ безголовый! набросился на него Егоръ.

— Не лѣзь! Запретишь ты мнѣ что-ль сказывать... (Озлился староста)... Харахора ты экая!

— Тьфу! ты окаянный! Да дай-же ты дослушать, безтолковая твоя башка!

— Дослушать!... Полюбилось.

Староста-то у насъ побаивается Егора: перво дѣло и силенъ дюжо, опять-же — горячка: не попадайся подъ сердитую руку!

— Погляжу, погляжу... што еще будетъ?... говоритъ онъ.

Помолчали.

— Значитъ... только сбилъ... непутный!.. Значитъ, я такъ понимаю, ты себѣ линію взялъ — внушать? спросилъ Егоръ.

— Точно.

— То-то: я самъ смекаю — покелева мужикъ отъ себѣ въ понятіе не взялъ... вонъ староста-

то нашъ — видѣлъ?... тоже не скоро сговоришь...

— Вѣстимо, такъ!.. Вотъ мы и раскинулись, было, по разнымъ мѣстамъ... Хотѣли...

— Освѣтить?

— Да, да!.. За то и ловятъ насъ, на каторгѣ гноятъ, въ тюрьмѣ мучатъ...

— Страхъ ихъ беретъ!

— Еще бы: не равно какъ мужикъ всю правду разнюхаетъ — што тогда? Много-ль, мало-ли пойметъ ежели — за дѣло можно!.. А заортачится, добромъ не уступитъ и силкомъ въ правѣ... Вамъ што? Разѣ по правдѣ господа чѣмъ владѣютъ? Разѣ по правдѣ купецъ въ маслѣ катается, а ты...? Разѣ хозяева да чиновники за труды свои... чьи денежки то они прожигаютъ? — Все у рабочаго выбрано!.. А отъ царя вамъ ждать, чтобъ онъ... не срамитесь лучше: царь за всегда есть и будетъ — царь барскій, купеческій... Самимъ вамъ надо-ть подняться! Сами отнимите: тамъ все ваше, награбленное!..

— Ну, ужъ этого я тебѣ не дозволю... взбѣленился староста: въ моихъ владѣніяхъ, да чтобъ бунтовать! Ни-ни! Будетъ съ тебя, што на Озерномъ мутилъ...

— Да постой ты, обоймица барская! опять было Егоръ.

— Нѣту! Хошь ругайся, не ругайся, — не потерплю... и стоять не хочу!... Запрягай сейчасъ! — говоритъ онъ мнѣ: неча утра ждать.

— Эхъ ты!.. погрозился ему Егоръ... Што съ нимъ толковать съ дуракомъ — иди! говоритъ онъ мнѣ: впряги свою, да и мою пристягни...

— Што ты это выдумалъ! Это што еще!... всполошился староста...

А Егоръ хохочетъ... Больно ужъ оболдѣлъ нашъ Кузьмичъ.

— Да ты куды, говоритъ, его вести наровишь?

— Куды!... Ты лучше и не затѣвай пусто!... Въ станъ! Въ станъ! Не дозволю!

— И спрашивать-то тебя не больно будемъ... Начальникъ!.. Вишь, всѣ молчатъ, а ты што ерепенишься!...

— Имъ што: ихъ дѣло сторона, а мнѣ — отвѣтъ... И не думай!

— Да, будь ты, хошь разъ, уменъ... говоритъ ему Егоръ: што тебѣ?

— Какъ што! Отвѣчать послѣ изъ-за васъ... Нѣтъ, благодаримъ покорно!..

— Отвѣчать!.. Да въ чемъ тебѣ отвѣтъ будетъ?

— Какъ въ чемъ! Узнаютъ — неужто погладятъ... Тутъ тоже государственный... Нѣту, нѣту!

— Да полно ты, баба безглазая! Кто узнаетъ, какъ ежели самъ въ уши не вдуешь...

— А узнаютъ, говорю я: мы, чай, въ отвѣтѣ будемъ, а не ты...

— Нѣту, нѣту!.. Какъ можно!

— А такъ и можно... Сбирайся, какъ тебя звать-то? — Семеномъ Гаврилычемъ — штоль? — говоритъ Егоръ.

— И... и... не пущу!

— Ну, тебя!.. Бери котомку-то да задами... тамъ, на пригоркѣ, обожди малость: подвеземъ, къ утру — какъ разъ въ городѣ...

— Не пущу!.. бросился было староста, схватить хотѣлъ... Да Егоръ поустранилъ...

— Што ты, совсѣмъ рехнулся! Противъ насъ што-ль пойдешь?.. Дура!

— А внушитель мигомъ, котомку подъ мышки — и въ дверь...

— Ну, староста, говоритъ, спасибо за неоставленіе... Отдать нечѣмъ: лизни еще мой-отъ пачпортъ!.. Прощайте!

— Ты теперича не мудри! говоритъ ему Егоръ: смотри, штобъ ни гу-гу! — и самъ убѣгъ.

Стали мы съ нимъ пристяжку прилаживать, старикъ подсоблялъ и парень-то, што насъ выкликалъ... Живо поспѣло...

— Смотри, говорю, братцы — уѣдемъ: безъ насъ староста-то чего не откинулъ!..

— Ну! Теперь онъ, чай, ни живъ, ни мертвъ: дрожитъ со страху!.. говоритъ парень.

Сѣли мы въ телѣгу.

— Ну! вы, други! свиснулъ Егоръ... Счастливо! крикнулъ взадъ нашимъ...

II.

Выѣхали... Ночь темная... Заволокло.

— Пустимъ на разводъ! смѣется мнѣ Егоръ: авось, съ нашей легкой руки... Эй вы, мякинники!

Чуть было не миновали и внушителя-то: такъ разогнали.

— А! увидалъ его Егоръ. Подсаживайся!.. Мы тебя къ самому губернатору предоставимъ... а то — въ станъ...

Хохочетъ.

Взлѣзъ онъ къ намъ въ телѣгу, обнялъ: и Егора обнялъ, и меня... крѣпко поцѣловалъ...

Съ вами хошь куды!.. только и выговорилъ...

Погнали.

Долго ѣхали. Спрашивали мы его: откуда онъ самъ будетъ, давно-ли внушителемъ сталъ?.. Много разговору было.

— Ну, што-же теперича ты думаешь: какъ? спросилъ его Егоръ.

— А теперича, говоритъ, въ Питеръ думаю пробраться: своихъ надо-ть повидать, — товарищевъ, значитъ... А потомъ, глядя по дѣлу, либо опять на заводъ, либо въ деревню... А выйдетъ клиномъ... ну, што-жь? — каторга!.. Нате-ка вамъ на память (вынулъ онъ охапку книжекъ), почитаете когда, и другимъ дадите...

Взяли мы: хорошія, братцы, книжки... Почитайте, сами тоже скажете...

— Ну, а какже... я тебя хочу спросить, говорю я: много теперича вашего брата?

— Нѣту! говоритъ... По пальцамъ перечтешь: загублено много...

— Ну, а новые, почитай, не скоро наростутъ? — говоритъ Егоръ.

— И безъ нихъ ваша будетъ...

— Какъ? говорю я.

— А такъ: изъ вашего брата внушитель пошелъ, почище насъ будетъ...

— И много?

— Есть... И народъ-то какой! Умница!

— Ты видывалъ?

— Сколько еще! Не своротишь ни на допросѣ, ни гдѣ... Золото!

— Не робѣютъ?...

— Эва! Такъ напрямикъ и чешутъ! Вонъ въ Питерѣ было... Одинъ рабочій съ моимъ товарищемъ признанялся было... Вдругъ нагрянули, въ расплохъ, значитъ...

„Чему онъ васъ училъ?“ — спрашиваютъ.

— „Правдѣ!“ — сказалъ, словно топоромъ отсѣкъ...

„Какой-же?“ — тѣ-то къ нему лѣзутъ.

— „А вотъ какой! — грубо таково говоритъ — Деньги съ насъ гребутъ, а пользы намъ хошь бы што...“

А тѣ прикидываются, ровно бы и не ихъ дѣло.

„Да куда-же — говорятъ — они идутъ безъ пользы...“

— „Не далеко ходить, говоритъ, какая польза отъ вашего брата?“

Жандарма индо перекосило...

— Вотъ это по нашему! говоритъ Егоръ.

— А то вотъ недавно судили, Малиновскимъ прозывается... Ну, продѣлывали надъ нимъ комедьто эту, только судья и спрашиваетъ:

„Правда, говоритъ, што ты хотѣлъ царя извести?“

— „Што я дуракъ што-ль? — говоритъ. Всѣхъ васъ извести — согласенъ; а его одного — какая польза?“

Вотъ какіе есть промежду вашимъ братомъ!

— И все какже они... спрашиваю я: на заводахъ больше, али и по деревнямъ есть?

— Вездѣ! говоритъ. Одинъ вотъ коробейникомъ ходилъ... Продаетъ, бывало, иголки, пуговицы разныя, крестики... и книжечку одну-другую спуститъ...

„За худыя, молъ, деньги беремъ,
А хорошія даромъ даемъ...“

Забавникъ!.. Разговорился ты съ нимъ, смотришь, онъ тебѣ всю подноготную и выложетъ: что бары затѣваютъ, какой законъ вышелъ... Все распишетъ... „А вотъ, скажетъ, книжка: почитай —

тутъ есть про ихняго брата.“ — Дорога? — „Ну, што торговаться: почитаешь — самъ увидишь, каковъ товаръ?.. Бери!“

— И попался?

— Сцапали, по доносу... Да такъ въ дуракахъ сами остались...

— Провелъ?

— Какъ ловко-то! „Ты продавалъ, говорятъ, книжки тамъ-то?“ И губернію называютъ.

— „Какъ-же, говоритъ, ваше благородіе, кормиться чѣмъ ни на есть надо-ть: продавалъ!“

„Была у тебя книжка „Стенька Разинъ“ прозывается?“

(Вотъ про эту про самую спрашивали).

И показалъ намъ Семенъ Гавриловичъ: стишиной вся исписана — не разъ прочтешь: книжка знатная! Сами спрашиваютъ, а книжки этой не кажутъ.

— „Какже, была...“ говоритъ. „И ходко идетъ, осмѣлюсь вамъ доложить, ваше благородіе, эта книжка: оченно ужъ занятна.“

„А што въ ней писано?“

— „А писано въ ней, говоритъ, про Стеньку, какъ, значитъ, онъ подъ Казань ходилъ, и потомъ это его головы лишили... Оченно занятно!“

„Со стихами, говорятъ, али безъ стиховъ у тебя эта книжка была?“

— „Съ картинками-съ, ваше благородіе!

Тѣ это переглянулись: видятъ, не о той говоритъ.

„А ты ихъ гдѣ бралъ?“ — спрашиваютъ.

— „Стеньку-то?“

„Да!“

— „У Манухина, на Никольской, въ Москвѣ — говоритъ.

Пошептались.

„А этой у тебя не было?“

Показываютъ ему вотъ эту самую. Онъ это взялъ, посмотрѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, словно, отродясь не видывалъ.

— „Никакъ нѣтъ-съ! говоритъ. А осмѣлюсь васъ спроситъ: спросъ на нея оченно великъ?“

Просто дурачитъ... Они опять другъ дружкѣ на ухо... Порѣшили еще спросить.

„А „Исторія Крестьянина“ у тебя была?“ — спрашиваютъ.

Вотъ про эту — видишь, толстенькая!

— „Никакъ, нѣтъ-съ! говоритъ. Да и держать намъ экія книги не приходится...“

Ну, думаютъ, попался: знаетъ:

„Почему-же?“

— „Да какже, помилуйте, говоритъ, у насъ на нее и покупателя не найдешь: кому-жъ надо-ть „крестьянскія-то исторіи“ эти? — Онѣ у кажинаго мужика на виду...

Тѣ опять переглянулись.

„Да это видишь-ли, говорятъ, одинъ французскій крестьянинъ пишетъ русскому...“

— „Помилуйте, говоритъ, ваше благородіе, да што-жъ онъ, французскій такъ будучи крестьянинъ, можетъ, писать: гдѣ-жъ ему знать наши исторіи?...“

Такъ это ихъ одурачилъ... Выпустили.

— Гдѣ-жъ онъ теперича?

— Выпустили, а онъ это моимъ товарищамъ и сказываетъ: „Теперича, говоритъ, къ себѣ въ деревню: уѣду, съ грушей стану ѣздить...

По грушу! По грушу!
Грушу, молъ, медъ продаемъ
И книжки даемъ...

Груша съ медомъ
Свѣжа и сладка,
Съ „Дѣдушкой Егоромъ“ —
Куды хороша!..

А то вотъ забавна
„Мудрица“; „Копѣйка“
Вышла недавно —
Прекрасна статейка!
Есть и другія
„Воля“, „Изнанка“ —
Книжки лихія...
Бери! Почитай-ка!

Не то вотъ бы бралъ —
„Правда“ газетка,
(Вечеръ самъ читалъ)
Написана мѣтко!...“

— Мужикъ, знать, бравый!.. говоритъ Егоръ.

— Жохъ! Теперича у него, поди, што крестниковъ развелось, — одно слово, жохристый!... А то еще зналъ, въ Питерѣ фабричный — поискать только!...

— Тоже сгребли?

— Не безъ этого... Онъ ихъ такъ одурачилъ — индо рукой махнули: чистый, молъ, дуракъ!... Въ Питерѣ, видишь-ли, говоритъ Семенъ Гавриловичъ: академія есть — докторовъ оттолева выпущаютъ — военная — и форма у нихъ: свѣтлыя пуговицы, нашивки на плечахъ, какъ быть офицеры... Какъ ужъ тамъ, доподлинно не знаю, только начальство пронюхало, что онъ знался съ которыми изъ нихъ, съ нашимъ братомъ, значитъ... Сичасъ призываютъ.

„Ты такой-то?“ спрашиваютъ.

— „Такъ точно, ваше благородіе!..“

Глаза вылупилъ — ну, дуракъ да и только!

„Ты знаешь, говорятъ, студентовъ?..“

— „Какъ не знать — говоритъ и докончить не далъ: знаю! у нихъ косенькіе погончики такіе...“

„Нѣтъ, ты не ври, говорятъ, а скажи прямо: знакомъ съ такими-то?“

По именамъ называютъ.

— „Да они кто такіе, ваше благородіе? — спрашиваетъ.

„Студенты.“

— „Какже мнѣ ихъ можно знать: чай они баре.“

„Ты не прикидывайся! говорятъ ему. Мы все знаемъ... Знаемъ, что твоей вины тутъ нѣтъ: ихъ все руководство... Сознайся: знакомъ? Мы денегъ тебѣ дадимъ...“

— „Ежели, говоритъ, денегъ дадите, ваше благородіе, такъ отчего-же... можно и познакомиться...

— Ха-ха-ха!...

— Выгнали...

— Ловкіе ребята!

— Да, вотъ какіе ваши-то внушители! По болѣ бы только экихъ-то!...

Свѣтать стало... Прочистилось... Солнце ужъ взошло, какъ городъ-то обозначился...

— Ну, робята, — говоритъ онъ намъ: спасибо! Въ городъ-то я пѣшкомъ ужъ... Обнялись мы... Такъ это разставаться съ нимъ намъ неохотно было: ажно во рту горечь пошла...

— Прощай! говоритъ... Заворачивай!

— Можетъ и свидимся!

Поворотили мы оглобли.

— Ну! говоритъ мнѣ Егоръ: теперича и мы съ тобой за умъ возьмемся...

— Эй вы, горемыки! — свиснулъ онъ.

Живо докатили.

Конецъ.

Чудесная сказка о Семи Семіонахъ.

Есть у насъ на фабрикѣ человѣкъ — Степаномъ прозывается. Добрый онъ такой да ласковый, когда со своимъ братомъ, съ рабочимъ обращеніе имѣетъ; ну, а коли, къ примѣру, съ конторщикомъ, надсмотрщикомъ, аль съ самимъ директоромъ схватится — бѣда! Страсть какой зубастый! То-ись, на каждое слово отвѣтъ найдетъ! да такъ, что другой разъ и начальство-то своимъ отвѣтомъ въ конфузъ введетъ. Ума у него палата — вотъ что! Ужъ у него что ни спроси — на все онъ мастеръ: и словцо сказать, и матерію подвести!

Одно слово — человѣкъ дошлый. Во всякое дѣло вникнетъ, выспроситъ, разнюхаетъ всю подноготную, да ужъ въ тѣ поры только и скажетъ, въ чемъ суть-то вся; а скажетъ — что отрѣжетъ. Опять гдѣ-гдѣ онъ только не перебывалъ, съ какимъ только народомъ не сталкивался! Довелось ему знакомство свести съ барчатами; онъ отъ нихъ грамотѣ, письму и всякой наукѣ пованялся. Случится, книжку читаетъ; спросишь: что-же, Степанъ, въ этой книжкѣ прописано? А вотъ, говоритъ, что! Да какъ почнетъ расписывать, такъ только уши развѣшивай: внятно таково да толково; всю тебѣ суть-то какъ на ладонь выложитъ. И крѣпко-же любили да почитали его у насъ за это.

Много разговоровъ разныхъ было у меня со Степаномъ о нашей горькой долѣ рабочей, о житьѣ нашемъ маятномъ. Одной такой бесѣды я, кажись, ни въ жисть не забуду. Объ ней-то мнѣ и охота разсказать вамъ, братцы, теперь.

Сидѣли мы разъ съ этимъ самымъ Степаномъ въ трактирѣ, чайкомъ пробавлялись, да разный разговоръ промежъ себя вели.

— А не дурно бы, говорю, еще по рюмочкѣ стукнуть, а то что-то въ горлѣ чешется...

— Не дурно-бъ, говоритъ Степанъ, да только вездѣ-то намъ царь съ дворянами да купцами поперегъ горла становится.

— Да чево намъ до царя да до купцовъ? Свои денежки-то — пей, коли есть...

— А коли нѣтъ?.. То-то вотъ и есть, что ихъ нѣтъ, а вотъ кабы не было купцовъ, да дворянъ, да царя, такъ мы съ тобой и по второй-бы рюмочкѣ сейчасъ выпили!

— Да полно, Степанъ Ивановичъ, кто-же у насъ рюмочку-то отнимаетъ, коли мы ее на свой денежки купимъ?

— Купимъ?.... А на что купишь? Пойми ты, милый человѣкъ, что вотъ, къ примѣру, есть у тебя 5 копѣекъ, такъ ты-бы по настоящему должонъ за нихъ 5 стаканчиковъ выпить, а тебѣ за нихъ только одинъ даютъ. И выходитъ, стало быть, что четыре-то стаканчика у тебя изъ подъ носу вытаскиваютъ.... Значитъ, какъ только ты себѣ стаканчикъ очищенной въ ротъ — хлопъ! такъ сейчасъ возлѣ тебя четыре стаканчика царь, да хозяева, да дворянчики разные, тоже на твои-то денежки — хлопъ!

— Эко диво какое! За что такъ? Вѣль этакъ-то долженъ и царь, и хозяева, и дворяне все-бы пьяны быть.... Шутка-ли съ каждымъ человѣкомъ по четыре стаканчика выпить! Мало ли народу въ Россіи каждый день пьетъ....

— Въ томъ-то и штука, что они, значитъ, вина-то не пьютъ, а твои денежки въ свой карманъ кладутъ. Понялъ?

— Мудрено что-то, въ толкъ не возьму! Да какимъ же это манеромъ?

— Да очень просто. Имѣетъ казна на каждомъ винокуренномъ заводѣ особыхъ чиновниковъ, которые въ оба, значитъ, глядятъ, сколько вина выкуривается. Ужъ тамъ у нихъ такъ все прилажено, что лишней и капли-то выкурить нельзя. Механика такая, значитъ, подведена. Теперь, стало быть, ежели заводчику ведро-то водки въ 70 копѣекъ обходится, такъ по настоящему-то стаканчикъ въ розничную всего-бы одну копѣйку стоилъ. Ну, а казна еще съ каждаго ведра акцизу по 2 рубли 80 копѣекъ себѣ беретъ; вотъ и выходитъ, что ведро-то 3 рубли 50 копѣекъ стоитъ, а каждый стаканчикъ-то въ 5 копѣечекъ нашему брату обходится. Понялъ машину? Да и то еще не все. Водкой-то всякому торговать не больно даютъ; на то подѣланы кабаки, погреба, да трактиры, а за дозволеніе торговать въ нихъ — подай денежки. Съ разныхъ кабаковъ берутъ теперь тоже разно: платятъ казнѣ и по 140, и по 280, и даже по 550 руб. въ годъ. Тоже и съ другими заведеніями: погреба съ распивочной въ годъ отъ 180 до 950 руб., трактиры — отъ 70 до 350 рублей. Все смотря по мѣсту, гдѣ и какъ, и называется это — патентный сборъ, потому эти деньги платятъ за патентъ на продажу водки. Ну,

ладно! Теперь, вѣдь каждый кабатчикъ или трактирщикъ, эти деньги съ насъ же, гостей, должонъ взять — не изъ своего же кармана выложитъ. Стало, на мое и выходитъ, что все это ты изъ своего кармана мужичкаго заплатишь...

— Вотъ оно какъ!

— Такъ и есть. Только платишь ты это и самъ того не вѣдаешь. Ну, вотъ бы на соль тоже акцизъ берется по 30 копѣекъ съ пуда. Весь-то пудъ на мѣстѣ всего 2 копѣйки стоитъ, вотъ, къ примѣру, какъ въ Астраханской губерніи — мѣста такія есть; тамъ соль прямо на семлѣ валяется — кажись, знай себѣ, собирай да продавай. Анъ нѣтъ, братъ, шалишь! Перво на-перво казна всѣ эти мѣста на откупъ двумъ-тремъ богатѣйшимъ купцамъ отдала, значитъ, чтобъ простой крестьянинъ никакого касательства до нея не имѣлъ, а потомъ — съ каждаго пудика по 30 копѣекъ велитъ платить. Оно выходитъ, что ужъ на мѣстѣ-то, гдѣ соль добывается, за нее, не 3, а 35, аль и всѣ 40 копѣечекъ за пудъ платить приходится. Попала соль въ Москву — ей цѣна ужъ рубль. 30 копѣекъ, скажемъ, за провозъ пошли, а другія-то 3 гривны купецъ себѣ въ карманъ кладетъ. Это, молъ, мнѣ за „труды“, да за „безпокойство“. А и всего-то безпокойства тутъ было — снюхаться съ нàбольшими чиновниками, чтобы за одно съ казной-матушкой народъ православный обирать! Шуточное ли дѣло, пудъ соли съ трехъ-то копѣекъ въ рубль вогнать! А безъ соли, самъ знаешь, не проживешь: хошь плачь, хошь нѣтъ, а ужъ твоимъ денежкамъ царской казны да купеческой мошнѣ не миновать....

Опять и съ табакомъ тоже. Купилъ ты фунтъ махорки аль корешковъ — половина денегъ въ

казну попадаетъ. Да такъ само и со всѣмъ прочимъ. До чего ни коснись, что̀ бы тебѣ ни потребовалось: съѣсть-ли, выпить-ли, одѣться аль для дому что̀ — за все про все съ тебя подать слупятъ, и слупятъ „честно“ да „благородно“, потому никто тебя къ ней не неволитъ; есть охота и достатокъ — покупай, нѣтъ — не принудятъ. А и внесешь ты ее, самъ того не вѣдая, ровно какъ бы купецъ съ тебя за товаръ бралъ. Вотъ оттого-то эта подать косвенною и прозывается, что ее у тебя не прямо изъ кармана вынимаютъ, а честно таково, да незамѣтно, ровно какъ жуликъ на базарѣ у мужика мошну изъ за пазухи выуживаетъ....

— Точно, косвенная! хошь, значитъ, заплатишь, а не хошь, не заплатишь; и даешь ты ее, стало быть, не прямо въ казну, а сначала купцу.... Ловко! Только — говорю я — вѣдь это одинъ близиръ, что платишь ее по желанію, а на дѣлѣ-то вѣдь все равно выходитъ, потому безъ соли, да безъ водки, да безъ чего другаго не обойдешься....

— То-то же и есть! Да развѣ только это! Мало ли другихъ косвенныхъ налоговъ, что сразу-то и не попримѣтишь, и не догадаешься, а при нуждѣ-то хошь, не хошь, а заплатишь. Ну, хоть бы гербовый сборъ за бумагу за гербовую — этотъ видный еще, а все таки, самъ знаешь, паспортъ-ли выправить, въ судъ-ли прошеніе подать или еще что, — надо вѣдь все по формѣ сдѣлать, а, стало быть, безпремѣнно гербовую бумагу купить. А то, вотъ, теперь купцы за гильдію, за право торговли, сначитъ, тоже платятъ. Ну а съ кого все это возьмется? Все съ того же мужикаго кармана, — вѣдь съ него же, мужика-покупателя, эти деньги купецъ выберетъ. Придетъ, къ при-

мѣру, мужикъ въ лавку. — „Дай, молъ, Трофимычъ, фунтикъ маслица конопляного“. — Изволь. — „А что за фунтъ-то слѣдуетъ? — Восемнадцать копѣекъ, меньше нельзя. — „Бога ты забылъ, что-ли? за что такъ дорого? вѣдь мы же тебѣ его зимой о Миколѣ по 4 рубля пудъ отдавали!“ — Было время, отдавали... Я, братъ, въ казну за гильдію 45 рублевъ плачу, да земству вонъ еще сколько... вотъ оно какъ! — Иной разъ такъ себѣ думаешь: и отчего это всякая вещь подорожала, а того и не понимаешь, что ты тутъ, промежь прочимъ и налогъ еще платишь. Да вотъ, къ примѣру: покупаетъ купецъ машину въ Англіи — страна такая есть. Везетъ онъ ее къ себѣ домой, а на границѣ у него пошлину таможенную въ тысячу рублей казна беретъ. Ничего. Пріѣзжаетъ эта машина въ Ярославскую губернію, начинаетъ на ней купецъ ситцы ткать, а наткавши, продаетъ ихъ люду православному. Покупаютъ ихъ ярославцы себѣ на рубахи, щеголяютъ въ нихъ по праздникамъ, а и не знаютъ того, что они, купивши ситцы-то эти, фабриканту и ту тысячу рублей заплатили, которую онъ на границѣ за машину отдалъ. Ишь, какъ оно выходитъ! А вотъ тебѣ еще примѣръ. Купилъ себѣ богатый мужикъ въ лавкѣ самоваръ. Несетъ онъ его домой и высчитываетъ: сколько пришлось ему заплатить за мѣдь, за олово, за работу, сколько барыша досталось лавочнику; а того ему не въ домекъ, что, можетъ, и за эту самую мѣдь-то, какъ она еще гдѣ-то въ Сибири добывалась, казна уже свое взяла. Это горною податью называется. Приходится такъ сказать, что какую-бы бездѣлицу мужикъ ни покупалъ, онъ хоть что-нибудь казнѣ да платитъ. Конечно, платитъ

онъ тутъ по мелочи, всего какіе нибудь гроши — а изъ этихъ грошей и у тебя-то рубли выходятъ, да и казна-то милліоны получаетъ.

Такъ-то платишь ты и за топоръ, и за лопату, и за шапку — за все платишь, ежели только ты покупаешь его въ лавкѣ, а не самъ сдѣлаешь. Да хоть ты топоръ и самъ выкуешь, такъ все равно желѣзо купить должонъ, а съ желѣза тоже горную подать отдать. Одно слово: куда ни кинь — все клинъ. И все это одно къ одному, братецъ ты мой, выходитъ; все это такъ пристроено, вся механика-то такъ подведена, что фабрикантъ-ли, значитъ, кабатчикъ-ли, купецъ ли подать заплатитъ, а все она въ концѣ-то концовъ изъ мужицкаго кармана вынется.

— Ай да механика! говорю я. Только вотъ что, Степанъ: неужто ужъ господа, дворяне, да купцы, говорю, и водки-то не пьютъ и соли не ѣдятъ, и ситцовъ не носятъ? Все же вѣдь и они что нибудь да платятъ?

— Какъ не платить? Платятъ, милый человѣкъ, платятъ, да только всѣ-то ихъ платежи, ежели съ мужицкими сравнять, такъ сущимъ плевкомъ выходятъ. Вѣдь ты пойми, почтенный, что ежели я и богаче тебя въ десять, аль въ сто разъ, такъ вѣдь отъ этого я не выпью въ десять, аль въ сто разъ больше водки и не съѣмъ въ десять, аль въ сто разъ больше соли. Стало быть, что я, мужикъ, что онъ, господинъ, — оба мы поровну акциза въ казну заплатимъ. По правдѣ-то, оно, конечно, господа больше насъ пьютъ и совсѣмъ понапрасно корятъ только насъ мужиковъ за пьянство. Что мужикъ? Пойдетъ съ горя въ кабакъ, ну, и нарѣжется; много-ли отощавшему человѣку надо, чтобы захмѣлѣть? Идетъ онъ по

улицѣ да и шатается. Всѣмъ-то оно и видно. Только вѣдь это съ нами въ годъ разъ, два бываетъ; ну, а господа, тѣ хоть пьяны-то по улицамъ и не валяются, одначе больше насъ пьютъ. Ужь это доподлинно извѣстно, что они однихъ заморскихъ винъ втрое больше пьютъ, чѣмъ мы водки. Да столь-же, почесть, коли не больше, они еще и русскихъ виноградныхъ винъ выпиваютъ, да и простое наше хлѣбное винцо тоже, вѣдь, своимъ вниманіемъ не обходятъ. Тахъ вотъ, всего-то каждый господинъ али купецъ, почитай, въ десять разъ больше каждаго мужика выпьетъ. Выпьетъ, да потомъ еще и совѣсть имѣетъ его-же ругать: „пьяница ты, молъ, лѣнтяй! оттого ты и бѣденъ, что пьянствуешь!“ — „Нѣтъ, баринъ, — можно ему на эту рѣчь отвѣтить, — не оттого я бѣденъ, что водку пью... Это особъ статья! Ты, вонъ, и въ десять разъ больше меня лопаешь, да все что-то не бѣднѣешь!...“

Разсмѣялись мы съ Степаномъ, да чайку прихлебнули.

— Такъ-то оно такъ, Степанъ! говорю я. Только, вишь-ли, самъ ты говоришь, что господинъ, да богатый человѣкъ въ десять разъ больше мужика пьетъ.... Стало, онъ въ десять разъ больше и акцизу платитъ.

— Ахъ, ты, парень, парень! Да все мужики больше богачей платятъ. Вотъ ты раскинь-ка умомъ. У насъ, на Руси, дворянъ, да купцовъ съ ихъ женами и ребятами всего-то двухъ милліоновъ не будетъ. Ну, а простаго, чернаго народа, почитай, въ сорокъ разъ больше, то есть, далеко за семьдесятъ милліоновъ. Стало быть, ежели каждый богачъ хоть-бы и въ десять разъ больше питейнаго акциза заплатитъ, такъ все таки весь-то

простой народъ вмѣстѣ въ четыре раза больше богачей въ казну отдастъ. Понимаешь, — вчетверо больше! Да и то, вѣдь, это былобъ, если-бы богачи въ десять разъ больше водки выпивали, а то они больше заморское винцо пьютъ, а это особъ статья! Ну, да пускай и много.... такъ, вѣдь это только на счетъ питей, потому что дворяне, да купцы больно пьянствуютъ, ну, а на счетъ соли, аль другаго чего, — тутъ иной разсчетъ.... Ужъ повѣрь, что богачъ не больше соли съѣсвъ, чѣмъ мы съ тобой, а то, вѣдь, ему все больно солоно покажется. Неравно повредитъ, — нескусно выдекъ...

— Вѣрно, братъ! какъ есть вѣрно — солоно покажется! говорю я. Опять какъ подумаешь, такъ эта косвенная подать все одно, что подушная, потому и ее безпремѣнно каждый человѣкъ платитъ... Безъ ѣды-то, вѣдь, безъ питья не обойдешься...

— Да гдѣ тамъ, братъ, какъ подушная. Нѣтъ! еще потяжеле будетъ...

Тутъ мы подумали и еще маненечко чайку прихлебули.

Странна мнѣ показалась эта рѣчь его. — Какъ же это, говорю, ты сказалъ, что она тяжеле подушной подати будетъ?... За что такъ?

— Да за то самое и есть! Понимаешь: подушныя ты даешь за каждую ревизскую душу мужескаго пола, а водка да соль — это другое дѣло. Развѣ бабы, да малые ребята соли не ѣдятъ, али развѣ бабы водки не пьютъ? Иной разъ почище мужика нахлещется! Вѣдь соль ѣстъ каждый человѣкъ, водку пьетъ тоже, почитай, каждый, а стало быть, и акцизъ платитъ тоже каждый. А, вѣдь подушныя берутъ только съ ревизскихъ, да

и то еще безъ бабъ. Стало быть, эта подать выходитъ тяжеле подушой...

— А и впрямь такъ! Пожалуй, что и тяжельше будетъ, говорю... твоя правда!

— Какъ не правда, милый человѣкъ! Это все такъ, кажется, что она легка, потому что платишь ее каждый разъ и не примѣчая даже, что платишь. А она, братъ, не легка! Да что толковать такъ-то, на словахъ; это, вѣдь, сейчасъ можно и на ариѳметику прикинуть. Вотъ смотри-ка: водку мы, мужики, почти что одни пьемъ, ужъ я говорилъ тебѣ, а весь-то питейный доходъ даетъ казнѣ 191 милліона, это все мужицкія денежки. Потомъ съ соли казна 11 милліоновъ получаетъ, да съ купцовъ за право торговли 15 милліоновъ беретъ, — а, вѣдь, я тебѣ говорилъ, что всѣ эти деньги мужикъ изъ своего кармана выплачиваетъ. Теперь пошлины гербовой, да горной, да съ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, да съ горныхъ заводовъ, да за рекрутскія квитанціи, да за паспорты. Всего вмѣстѣ побольше 48 милліоновъ даетъ. Посчитаемъ, что акцизъ съ табаку, да съ сахара, да доходъ съ писемъ, да другіе разные все одни дворяне, да купцы платятъ. Хотя всякій, вѣдь, знаетъ, что и мужикъ подчасъ и куритъ, и письма пишетъ, и сахарокъ грызетъ. Ну, да ужь богъ съ ними, — скинемъ со счета эти 16 милліоновъ, потому что и баре, вѣдь, по дорогамъ ѣздятъ, и водку пьютъ и соль ѣдятъ. Видишь, Андрей, какъ я ихъ руку держу при счетѣ. Пускай не жалобятся, что въ мужикѣ правды нѣтъ. Даже сверхъ всякой мѣры для ихъ благородій скидки дѣлаю. А и за всѣмъ тѣмъ выходитъ, что за соль, за водку, за паспорты, шоссейныя и желѣзныя дороги, да за гербовую пошлину казна съ однихъ

крестьянъ, почитай, 240 милліоновъ рублей получаетъ. Вотъ ты теперь и примѣняй барскій платежъ къ крестьянскому — 16 милліоновъ и 240 милліоновъ?

Ежели теперича положить, что всѣхъ-то насъ, мужиковъ съ мѣщанами, на Руси 70 милліоновъ, то, стало быть, каждый человѣкъ долженъ заплатить этимъ манеромъ по 3 рубля 42 копѣйки. А ежели положить, что въ каждой семьѣ 4 человѣка, такъ вѣдь выдетъ, что на каждую семью нашу мужицкую или на каждаго хорошаго работника приходится этого налога больше 13 р. съ полтиной.

— Ахъ ты, сдѣлай милость! Вотъ какъ! одно удивленье — платишь и не знаешь, что платишь... А расчетъ-то вѣдь вѣрный, какъ на счетахъ, — говорю я....

— Да гдѣ вѣрный! говоритъ Степанъ. Мало! Мы барамъ такъ иного всего клали, что ежели-бъ они столько ѣли да пили — такъ давно-бы лопнули, да все пьяны бы валялись... Я тебѣ скажу, что этотъ расчетъ божескій; а по совѣсти, такъ мужикъ больше платитъ... Повѣрь!

— Ай, ай! — говорю... Диковиннѣе всего, что платишь и не видишь...

— Да, — говоритъ Степанъ, — вотъ такъ-то мы, мужики, сколько только ни платимъ, а все на судьбу свою не жалуемся. А вотъ на богачей, на тѣхъ копѣйку какую наложи, такъ они во все горло заорутъ, что ихъ грабятъ среди бѣлаго дня.

— Одначе, братъ, — говорю я — эти баре такое разное ѣдятъ, чего мужику, кажись, и въ раю ѣсть не придется... Да вотъ хоть-бы, къ примѣру, кофей, да шеколадъ, да сласть разная

французская, да вина заморскія. Вѣдь все это изъ за моря идетъ. Ужели-же казна все это даромъ пропускаетъ? Вѣдь ежели съ мужика за соль да за водку акцизъ брать, такъ баръ-то ужь и подавно слѣдовало-бы хоть маленечко за всѣ эти сласти пощупать!

— Какъ не щупать, — говоритъ, — щупаютъ. Ужъ повѣрь, казна себѣ не врагъ и гдѣ что можно взять — небойсь, не прозѣваетъ. Она, братъ, и съ мертваго ревизскую сдеретъ, ничего не проститъ. Хоть съ того свѣта подавай. Только, братъ, хоть она тутъ съ баръ и порядкомъ наровитъ взять, да съ нихъ-то не больно поживишься. Это можно сейчасъ на счетахъ показать, потому что деньги на границѣ по счету берутъ и всѣ онѣ въ книги записаны и доподлинно извѣстны. Такъ вотъ со всего-то заморскаго товара казна беретъ таможенной пошлины 60 милліона. И изо всѣхъ этихъ милліоновъ самая, что ни на есть крупная, часть берется все съ такого товара, что мужику потребенъ, а потому онъ за него и платитъ! Тутъ привозятъ изъ за границы все больше машины, что православному люду на рубахи да на платья ситцы ткутъ, да рельсы для чугунки, да косы, да серпы, да топоры, да инструментъ разный, да краски, да соль — ну, одно слово, все такой товаръ, что его мужикъ или самъ купитъ, или черезъ кого нибудь изъ своего же кармана заплатитъ. Ежели посчитать, что̀ за барскіе товары казна получаетъ, скажемъ, къ примѣру, за сладкія вина, за шампанское, за сласти, да за фрукты французскіе, за кофей, за матеріи барскія, шелковыя да бархатныя — если посчитать все это — такъ противъ мужицкаго-то взноса и совсѣмъ плевое дѣло придется: милліона какихъ нибуть два-три,

да и то обочтешься. А дворяне да купцы еще все кричатъ, что высоки, молъ, пошлины на заморскій товаръ, намъ потребный. Ахъ вы, господа, богачи! Чтобъ вамъ пусто было! — Что̀ толковать, что̀ они въ казну платятъ? Ты спроси-ка у нихъ, что̀ они ро̀бятъ? Развѣ когда самъ дворянинъ хоть одну десятину вспахалъ? развѣ когда купецъ хоть одну штуку матеріи соткалъ, или привезъ ее изъ дальнихъ странъ? Все вѣдь наши руки крестьянскія сдѣлали. Мы и дома, и палаты каменныя, и церкви златоглавыя построили; мы купцу и матеріи на фабрикѣ соткали, мы ему и фабрику устроили; мы помѣщику и землю вспахали, мы ему и хлѣбъ въ амбаръ ссыпали; съ насъ же они и подати дерутъ, на которыя всѣ дармоѣды живутъ. Мы — все! Все нами держится. Мы всѣхъ поимъ, кормимъ и одѣваемъ. Всѣ нашими трудами живутъ, нашъ потъ и кровь пьютъ, да за это насъ-же еще и бьютъ... Черты проклятые!... А при чемъ тутъ баре да купцы? Такъ себѣ — ходятъ, да покрикиваютъ на мужика, чтобъ онъ отъ работы не отлынивалъ. Такъ что-же тутъ толковать, что̀ баре да купцы изъ своего достатка въ казну платятъ? Ничего — да и того меньше. Вѣрно слово! Потому, вѣдь, ежели они что и платятъ, съ мужика-же взято да награблено...

Замолчалъ Степенъ, а слова его точно за самое сердце меня ущемили. Подумалъ я, какъ это нашего брата-то, мужика, всѣ обираютъ, бьютъ, гнушаются, помыкаютъ имъ, а онъ, богатырь, все молчитъ да молчитъ... Эхъ-ма! мощь да удаль молодецкая вонъ просится, руки чешутся... А, вѣдь, настоящую чистую правду говорилъ Степанъ, — думалось мнѣ...

Долго молчали мы да про себя думу невеселую думали...

— Теперь понимаю, — сказалъ я, — какъ этимъ манеромъ насъ, простаковъ, господа да богачи надуваютъ... Такъ это вотъ какъ Хитра же механика!...

— Эхъ, парень, — говоритъ Степанъ... Какая тамъ механика? Тутъ и механики-то никакой не нужно. Дневной грабежъ. Станутъ что-ли бары да чиновники стыдиться, что мужика грабятъ? Эка невидаль! Совѣсть у нихъ, братъ, барская, прожженная... Безъ росказней берутъ и бьютъ. Давай — и дѣло съ концомъ... Ну, развѣ-жъ это не разбой, да не грабежъ? Пріѣзжаетъ это посредникъ аль становой, за нимъ возъ розогъ. — „Недоимку подавай!“ кричитъ... — Нѣтъ денегъ, батюшка, пообожди! — „Какъ нѣтъ денегъ? Пороть!...“ Ну, и давай ревизовать у мужика то мѣсто, откуда у него ноги ростутъ. Ну скажи на милость, на что-же это похоже? Вѣдь такимъ манеромъ ежели-бъ въ село и душегубъ какой пріѣхалъ, да силу-бы имѣлъ перепороть всѣхъ, такъ и ему все-бы отдали... На — возьми, уйди только, Христа ради! Ну, и отдашь все, а самъ, какъ знаешь, проживай, хоть кору березовую жри съ тѣхъ розогъ, которыми тебя вчера пороли... Ахъ ты, горе, горе! Какъ вспомнишь иной разъ, — злость тебя беретъ, слеза прошибаетъ... Дьяволы!... А не отдай-ка послѣдній грошъ — сейчасъ весь скотъ продадутъ. Кулаки-то ужь тутъ въ сторонкѣ поджидаютъ да озираются, чего бы за безцѣнокъ скупить можно было... Иной разъ вѣдь такъ и сговорятся эти кровопійцы-то съ волостнымъ, да съ исправникомъ, чтобы въ крутое время міръ поприжать, да потомъ

барыши пополамъ..... Такъ-то оно все!.... Ну, теперь продадутъ скотину, такъ чѣмъ-же по веснѣ землю вспахать?... Разворъ... Одно слово — налетитъ и разоритъ, какъ разбойникъ какой. Ну, а скажи, за что, за какія провинности, примѣрно, съ насъ хоть-бы эти подушные-то рубли берутъ? Такъ вотъ... зачѣмъ родился? Зачѣмъ на солнце красное да на ясный день глядишь? Ну, а эти опять разныя оброчныя, да выкупныя, да земскія? Самъ, чай, вѣдаешь сколько ихъ! Али сказывать, сколько рублей платить тебѣ приходится? Небойсь, — знаешь! Съ души у тебя эти рубли-то вырвутъ, кровавыми полоскам эта цифирь на шкурѣ на твоей мужицкой прописывается... Мудрено забыть! Эхъ-ма! эхъ вы, господа богачи да цари! глаза-то у васъ жадные, завидущіе... Все-то вы себѣ забрали, — и землю, и воду, и избу-то нашу, да и солнышко-то ясное! За все вамъ платить приказываете.

— Такъ, такъ, Степанъ Ивановичъ; тяжела эта подать... И берутъ-то ее за что? — чистое беззаконіе!... И много этимъ манеромъ казна получаетъ?

— Малость..... Девяносто пять милліоновъ — вотъ сколько! Это, стало быть, только подушная да оброчная столько даютъ. А называется вся та подать прямою, потому, значитъ, что грабятъ съ тебя не косвенно, а прямо, безъ хитрости безо всякой. Давай, стало быть, да и все тутъ!...

Ну, какъ къ слову, не поблагодарить тутъ нашего нонѣшняго царя-батюшку! Онъ, братъ, намъ въ прямой-то подати круто подсолилъ.... Перво на перво, онъ какъ волю далъ, такъ сейчасъ подушную съ 95 копѣекъ на рубль перевелъ. Это чтобъ мужикъ неравно на волѣ-то сразу

жиру-бы не нагулялъ. Потомъ черезъ годъ онъ временный дополнительный сборъ выдумалъ, да на душу, глядя по мѣсту, отъ восьми до сорока четырехъ копѣекъ наложилъ, а въ іюнѣ 1873 года, такъ прямо безъ церемоніи, на душу по 50 копѣекъ надбавилъ. Вѣ какъ, значитъ, на волѣ мужикъ жиромъ оплылъ! Такъ-то и вышло, что онъ подушную съ 95 копѣекъ да на 1 рубль 30 копѣекъ, а нынѣ и на 2 рубля 27 копѣекъ нагналъ. Спасибо, батюшка! Да такъ само и оброчную подать, что съ государственныхъ крестьянъ взимается; прежде была она отъ 2 рублей 15 коцѣекъ до 2 рублей 86 копѣекъ; а нонѣ цярю занадобилось ее вогнать отъ 2 рублей 25 копѣекъ до 3 рублей 30 копѣекъ. Да опять на тѣхъ же государственныхъ въ 1862 году еще особый дополнительный сборъ отъ полуторы до 9 копѣекъ на десятину установилъ. Да опять... да опять... Языкъ устанетъ копѣйки-то эти считать. Эхъ, копѣйки, копѣйки! и не велика деньга, да вѣдь, это не копѣйка, а потъ да кровь мужицкая, вотъ что!.. И сборы-то эти все дополнителные, да временные, да долго чтой-то тянутся. Видно, времена-то и долгія и короткія бываютъ, такъ все одно, какъ вонъ выкупные: плати да плати временно цѣлыхъ сорокъ девять лѣтъ. Этакъ-то, пожалуй, пока солнышко взойдетъ, такъ роса и глаза-то выѣстъ. Эхъ ты, батюшка нашъ царь! все-то у тебя, у голубчика, подорожало, и водка, и соль, и земля, да и ясное солнышко!...

— Точно, сказалъ я подумавши, много разоренія дѣлаетъ мужику этотъ прямой грабежъ, то, бишь, прямой налогъ...

— Да что толковать, говоритъ, не то что много, а скоро, почитай, всѣ совсѣмъ по-міру пойдемъ.

Никогда ничего въ свое время не продашь, а приходится продавать все за безцѣнокъ, лишь бы отъ розогъ откупиться. А кулаки да скупщики, какъ ястреба, такъ и глядятъ, какъ бы тебя захватить да заклевать. По осени за грошъ продашь, а по веснѣ у того-же кулака въ три-дорога купишь. Вотъ тутъ и богатѣй! А то, не дай богъ, займешь, — всю жизнь не отплатишься, три шкуры съ тебя помѣщикъ аль кулакъ сдеретъ... А тутъ скотину продали... Земли-то, самъ знаешь, много ли въ надѣлъ дали, да и на нее-то, на кормилицу, глядѣть не хочется... Вся она ужь выпахана — и сѣмянъ-то не родитъ. Сдобрить-то, засѣять — нечѣмъ, — вотъ тебѣ и раззоренье. Броситъ горемыка и землю, и избу, и бабу съ ребятами да и пойдетъ куда глаза глядятъ..... А тутъ ему передъ глазами подрядчикъ, какъ чертъ какой, задаткомъ манитъ... Возьметъ онъ задатокъ, заплатитъ подати и пошелъ на заработки. Поминай, значитъ, какъ звали! Подрядчикъ ему глаза протретъ — будетъ знать, гдѣ Кузькина мать живетъ! Слава богу, если черезъ годъ домой живъ вернется. А за душой-то только блохъ да вшей и принесетъ. Чистый раззоръ! И выходитъ, стало быть, что отъ этого ПРЯМАГО ГРАБЕЖА только кулаки да подрядчики и разживаются, а бѣдняки все болѣ да болѣ бѣднѣютъ...

— Вѣрно, говорю, вѣрно, Степанъ!

Замолчали мы, да опять за чаекъ принялись. Только смотрю — не сидится моему Степану...

— Да вотъ такъ ужъ къ слову, говоритъ, пришлось, такъ поведемъ рѣчь и далѣе. Глянемъка теперича, братъ, хоть однимъ глазкомъ, куда-же всѣ эти денежки наши идутъ? Въ чьи карманы наши кровные гроши ползутъ?

Каждо-годно, вишь ты, казна росписаніе дѣлаетъ, какъ и куда она всѣ деньги дѣваетъ. Отчетъ этотъ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСЬЮ прозывается и завсегда въ газетахъ пропечатывается; вотъ оттуда все и видать, какъ я тебѣ это сейчасъ разскажу. Ну, ладно! Перво на перво царю 9 милліоновъ рублей каждогодно отпускается. Смекаешь, каково жалованьеце-то? Вѣдь это, почитай, по 25 тысячъ на день выходитъ! На такой доходъ вѣдь съ полъ губерніи круглый годъ прокормить можно! Денежки изрядныя — да на то онъ и царь! Только, братъ, чѣмъ-же онъ намъ за это добро отплачиваетъ? что онъ на деньги на эти выдѣлываетъ? А вотъ, что. Тѣшитъ онъ себя охотами, праздники да пиры устраиваетъ, ѣстъ, пьетъ веселится, да въ каменныхъ палатахъ поживаетъ. Народу онъ нонче рѣдко показывается, потому, говорятъ, боится. Да и есть за что! Ну, такъ спросимъ же его теперича, какимъ онъ добромъ намъ платитъ за эти кровные наши 9 милліоновъ? Ой-ой! страсть сколько добра — растопыривай карманъ!... Вотъ, по началу-то волю далъ, да такую волю, что она намъ вѣ-гдѣ сидитъ..... Землю-то, вишь, намъ больно ужь хорошую нарѣзали, то-ись, вотъ, хоть паши, хоть плюнь на нее — все единственно. Опосля того онъ намъ поборы увеличилъ, да начальство насажалъ и заказалъ нашимъ отцамъ-благодѣтелямъ — исправникамъ да становымъ, недоимки съ насъ взыскивать, да насъ въ покорности держать. Бей, молъ, мужика да прислушивайся — живъ ли, слушается-ли начальства, да платитъ-ли подати?... Оно и резонъ. Извѣстно, на волѣ мужикъ жиру нагуляетъ; тутъ съ него больше бери, да бей, чтобы въ покорствѣ былъ, а то неравно затылокъ съ жиру почешетъ,

да своимъ умомъ вздумаетъ жить!... Эхъ ты царь, нашъ батюшка! Вѣрили мы въ тебя, вѣрили, да ужъ чтой-то извѣрились! Живешь ты въ палатахъ каменныхъ, и сердце-то у тебя стало, ровно, каменное! Какъ далъ ты намъ волю, стали насъ господа съ уставными грамотами больно обижать, да и воля-то сама, коли правду сказать, только по названію что воля, потому мы все таки у помѣщиковъ временно-обязанными остались..... Ждали мы отъ тебя настоящей, чистой воли а вышло тутъ чтой-то неладно: воля-то на волю непохожа. Врутъ, думали мы, — это все дворянскія штуки! Въ тѣ поры вѣрили мы еще въ тебя, а и сколько мы къ тебѣ ходоковъ посылали съ слезными прошеніями, чтобы услышалъ ты плачъ нашъ мужицкій, жалобный..... Чтожъ, услышалъ ты насъ? — Ужъ ты слышалъ нашъ батюшка! Ходоковъ только мы своихъ ужъ болѣ не видали; всѣ они, говорятъ, въ Сибири сгнили, а на насъ, на самихъ, ты свое царское войско съ пушками да съ генералами наслалъ. Ужъ была тутъ воля чистая да настоящая! А и послѣ всего этого мы, дураки, думали, что насъ такъ помѣщики поприжали, что неладно тутъ что нибуть! Да чего неладно? Чего мы ждали? Развѣ самъ-то царь не помѣщикъ, не баринъ да не фабрикантъ? У него вѣдь тоже свои крестьяне были, что нынѣ удѣльными прозываются. Что-жъ онъ, можетъ, имъ-то ужь, своимъ крестьянамъ, на стощую, чистую волю выдалъ? Держи карманъ шире! Онъ имъ такую-же свободу прописалъ, какъ и всѣ помѣщики, потому что и самъ-то онъ помѣщикъ, да еще и самый богатѣйшій, на Руси. У него, вишь, было 14 милліоновъ десятинъ земли, да, можетъ, не одинъ милліонъ удѣльныхъ кресть-

янъ! А развѣ нѣтъ у него своихъ фабрикъ да заводовъ? Что-жъ, можетъ, тамъ вольготно рабочему? А поди-ка, спроси у него: еще хуже, чѣмъ у другаго хозяина — вотъ какъ! Такъ чего-же мы ждали и ждемъ отъ него, отъ самаго первѣйшаго помѣщика, да отъ самаго богатѣйшаго фабриканта? И по дѣломъ намъ, дуракамъ. Не на кого намъ надѣяться — САМЪ НА СЕБЯ НАДѢЙСЯ!

— Да, что ты — говорю — Степанъ? Ужели таки царь — фабрикантъ? Ужели онъ такимъ дѣломъ пачкаться станетъ?

Только ужъ Степанъ такъ разошелся, что и договорить мнѣ не далъ: такъ и валитъ, какъ и валитъ.

— О-го-го! да еще какой! Поди-ка на его стеклянные да фарфоровые заводы, на его золотые рудники богатѣйшіе! Тамъ-отъ повидишь, какъ онъ съ нашего брата, фабричнаго, наживается. Да это еще что! Ему мало, что онъ можетъ насъ грабить, сколько душѣ угодно. Онъ закабалилъ на грабежъ и дѣтей и внуковъ нашихъ своимъ бахвальствомъ, да затѣями сдѣлалъ государству долгъ неоплатный... Теперь однихъ процентовъ на этотъ долгъ государственный 108 милліона выплачивается. Ничего? А знаешь ты, что это за штука такая — долгъ государственный? А вотъ гляди! Когда-то царь велѣлъ казнѣ деньги занимать, чтобы за войны да за свои затѣи разныя было чѣмъ расплачиваться; это, братъ, намъ все больше крымская война, честь да спѣсь царская ребромъ вышла. А понимаешь ты, сколько всего долга на нашей шеѣ сидитъ? Страшно выговорить: тысяча семьсотъ милліоновъ рублевъ! Это и знающему человѣку написать трудно, а сообразить и

того труднѣе, — такъ оно много! Тутъ, братъ, ежели-бъ казна каждый годъ отдавала все, что собираетъ съ Руси, такъ и то въ три года не расплатиться. А ежели-бъ захотѣлъ царь весь тотъ долгъ сразу заплатить, такъ пришлось-бы каждому жителю безъ малаго 25 рублевъ отдать, а семьѣ человѣка въ 4 надоть-бы 100 рублевъ выплатить! Такъ-то мы всю жизнь должниками и остаемся, да каждый годъ не меньше пяти рублевъ съ семьи будемъ давать, чтобъ только одни процентики выплачивать. Тутъ, братъ, чистая прорва! За царскую честь да спѣсь будемъ и мы, и дѣти наши, и внуки и правнуки расплачиваться!

— Оказія! говорю; ужли-жъ такъ много? А сколько это такъ на глазъ денегъ было?

— Сколько? Да вотъ слушай! Я намедни еще на фатерѣ у себя этотъ разсчетъ прикидывалъ. Къ примѣру, скажемъ, пусть весь этотъ долгъ будетъ въ серебряныхъ рубляхъ. Видалъ, поди, екатерининскіе да петровскіе крестовики?

— Видалъ, говорю.

— Ну, и пусть всѣ эти 1,820 милліоновъ государственнаго-то долга вотъ такими рублевиками собраны. Какъ думаешь, сколько во всемъ этомъ капиталѣ вѣсу будетъ? Вонъ, въ календарѣ у меня пропечатано, что тысяча серебряныхъ рублей тянетъ безъ малаго 1 пудъ 11 фунтовъ. Я вотъ и прикинулъ, что-же всѣ-то эти деньги вѣсить будутъ; ну, у меня такая тяжесть вышла, что и подумать страшно — два милліона триста тысячъ (2.300.000) пудовъ! Это коли нагрузить всѣ тѣ деньги въ вагоны, по 500 пудовъ каждый, такъ потребуется четыре тысячи шестьсотъ (4.600)

вагоновъ. А если-бы всѣ эти вагоны выстроить по чугункѣ въ рядъ, такъ вырянулся бы хвостъ въ 28 верстъ. Ну, восчувствовалъ ли ты, Андрей, хоть малость, каковъ нашъ россіискій государственный долгъ?

— Господи ты, боже мой! Да мнѣ-бы этого и во снѣ не приснилось, говорю я. Одначе, кому же эти 94 милліона процентовъ выплачиваются? Ужли есть такіе богачи, что могли столь много денегъ царю занять?

— Простакъ, братъ ты, какъ я погляжу — говоритъ. Конечно, такого богача и на свѣтѣ нѣтъ. Ему заняли всѣ богачи иностранные да наши русскіе. Это, вишь-ли, вѡ какъ дѣлается. Надѣлаетъ царь бумажекъ, только не такихъ, что за мѣсто денегъ ходятъ, а эдакихъ особенныхъ, гдѣ прописано: „Заемъ казны“, а цѣна той бумажки назначается 100 рублей, хоть самой-то казнѣ она всего грошъ стѡитъ. Ну, теперь кто эту бумажку на деньги купитъ, тому казна ежегодно 5 рублей и платитъ. А покупаютъ ихъ купцы, дворяне, богачи, и они-то, значитъ, ничего не дѣлая, знай себѣ отъ казны процентики получаютъ. Эдакимъ-то манеромъ мы всѣхъ богачей и кормимъ процентами, да не только своихъ, а и заморскихъ.

— Ну, спасибо, — говорю — Степанъ; теперь понялъ. Такъ вотъ какъ оно!.. А скажи, правду ли слыхалъ я, что у казны много денегъ на солдатъ идетъ?

Третья часть — говоритъ — всего дохода: 190 милліоновъ, — вѡ сколько! Эхъ, солдатики, солдатики! сколько вы хлѣба мужицкаго ѣдите, а и чѣмъ за него платите... Ой ты, царь-батюшка! Мало тебѣ, что ты съ мужика податью

выбираешь! Выдумалъ ты еще одну да и самую злую подать — рекрутчину. Это ужъ онъ не деньги съ насъ беретъ; нѣтъ, эта подать кровью да мясомъ мужицкимъ собирается. Тутъ ужъ не надо ему денегъ, — тутъ подавай ему сыновей да братьевъ нашихъ. А сколько слезъ-то изъ-за этого на Руси проливается! Въ однѣхъ потаенныхъ дѣвичьихъ да горькихъ материныхъ можнобъ всѣхъ вельможъ съ царемъ выкупать! А въ этихъ подневольныхъ отцовскихъ, что капаютъ изъ глазъ стариковъ... Э-эхъ — ма! У меня вотъ тоже братъ въ солдатахъ. Прежде то и ничего паренъ былъ, а нонѣ и не гляди! Портитъ ихъ царь съ командирами. Держатъ ихъ въ казармахъ, чтобы мужика не видѣли, да сердце себѣ ожесточали. Оттого-то какъ выпустятъ ихъ изъ клѣтки вымуштрованныхъ, такъ они и отца и мать, не моргнувши, зарѣзать готовы. — Я — говоритъ — царевъ слуга, и за царя готовъ жизнь отдать, а ты мужикъ, говоритъ, дуракъ, — вотъ что! — Ахъ ты, звѣрь лютый! Забылъ что-ли, кто тебя кормитъ да поитъ дармоѣда? кто твой отецъ, да мать, да братъ? — Тяжело, братъ, подумать, какъ это царь да дворяне такъ умѣютъ нашего брата испортить, что въ немъ и человѣческаго подобія не найдешь, что готовъ онъ своего кормильца-мужика и отца и мать зарѣзать, и рука у него не дрогнетъ. Да, тяжело, братъ, какъ вникнешь-то, что мы этакъ сами себя рѣжемъ, грабимъ, бьемъ, и все для того, чтобы нашимъ врагамъ и наши деньги и нашихъ дѣтей отдавать!.. Ну, да подожди; придетъ пора, возьмемся и мы за умъ...

Не любилъ я таковыя рѣчи Степана. Такъ вотъ даромъ только за сердце тебя ущипнетъ.

Тутъ бы, кажется, подавай сейчасъ вòроговъ, махнулъ бы, и конецъ. А онъ все „подожди, да подожди — говоритъ — настанетъ время, придетъ пора“...

Степанъ помолчалъ, да не утерпѣлъ.

— А куда же всѣ остальныя деньги изъ казны идутъ? спросишь ты. Тутъ ужь, братъ, опосля царя съ солдатами все молкое воронье налетаетъ ту добычу награбленную расклевывать. Тутъ милліона три разныя важныя птицы расхватываютъ: все сѣдые сенаторы да министры, да вельможи, да генералы важные. Потомъ, 3 милліона послы наши иностранные на бражничество да на пиры забираютъ; 53 милліона идетъ на жалованье губернаторамъ, исправникамъ да становымъ; 14 милліоновъ стóятъ намъ суды, въ которыхъ мужику правды не добиться: 18 милл. идутъ на гимназіи, на корпуса да университеты, — знаешь, такія нàбольшія школы, — гдѣ только господа, да купцы сыновей своихъ обучаютъ; 25 милліона на желѣзныя дороги, отъ которыхъ подрядчики да строители наживаются; 25 милліоновъ на пенсіи старикамъ-генераламъ, да старушонкамъ-вельможамъ, дармоѣдамъ, да царскимъ блюдолизамъ отпускается. За царемъ, говорятъ, служба не пропадаетъ; это только за міромъ, за народомъ она не выгодна: того и гляди — по Владиміркѣ угодишь. Да, такъ-то! Вишь-ты, какъ на наши деньги царь съ господами-богачами орудуютъ? И сыновей своихъ учатъ, и пьютъ и ѣдятъ, старую рухлядь царскихъ слугъ сберегаютъ, и исправниковъ съ губернаторами кормятъ, и корабли съ чугунками строятъ, и все, что хошь для своего удовольствія дѣлаютъ. — Одно слово, нашими денежками, какъ своими собственными распоряжаются.

— Да ужъ именно какъ своими! — говорю. Ну, а что-же, скажи, изъ всего этого мужику достается?

— Мужику? Ну, куда-жъ ему съ его суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Его дѣло — платить, а его ли ума дѣло промежъ барами соваться, гдѣ его денежки прокучиваютъ... Будь и тому радъ, что твои денежки беругъ, что на нихъ и царь, и дворяне-господа, и купцы и попы сытно ѣдятъ, да въ волю пьютъ!

— Ну, а можетъ, хоть что же нибудь на чужомъ-то пиру и перепадетъ — вставилъ я отъ себя словечко.

— Что-нибудь! — огрызнулся на это Степанъ. Да вотъ всего-то только и есть, что 860 тысячъ рублей на школы на народныя. Много — не облопаешься! На царя — 9 милл., на солдатъ и матросовъ — 216 милл., а на школы — 860 тысячъ!... Оно такъ и слѣдуетъ, а то, ишь, выучится мужикъ, захочетъ своимъ умомъ жить, да еще — сохрани богъ! — объ правдѣ задумается! Его, братъ, косолапаго, въ черномъ тѣлѣ да въ покорности держать надо, а то неровенъ часъ... Хе-хе-хе! тряхнетъ пожалуй...

Пріумолкли мы.

— Такъ то, братъ, такъ то! — говорилъ Степанъ, призадумавшись. — Работаешь ты — съ рукъ мозоли не сходятъ; всю жизнь радости не видишь; дерутъ тебя — на Руси березъ не хватаетъ; плачешь ты въ нуждѣ, ночей не досыпаешь, куска не доѣдаешь, бьешься, какъ рыба объ ледъ, а все изъ чего? Чтобы подати внести. А для кого? за что? На нихъ баре, да чиновники живутъ, царь пьетъ, гуляетъ, купцы, кулаки наживаются, войско содержатъ, чтобы насъ же, за

нашу хлѣбъ-соль, да нашею же рукою бить, да нашу кровь съ пòтомъ пить... Эхъ ты, горькая жизнь крестьянская! или никогда ты и радостна не будешь?... Таково-то, братъ, невесело. Что-жъ, пойдемъ!

Поднялись мы, побрали шапки и вышли. Тяжело было на сердцѣ. Темныя, нерадостныя мысли въ головѣ были.

— Что пріунылъ, соколикъ! отозвался Степанъ. Небось горько! то-то, братъ... Эхъ! Да подожди, проснется народъ, да скинетъ съ плечъ своихъ выносливыхъ этихъ піявицъ-баръ да кулаковъ, и заживетъ тогда весело, да припѣваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатыхъ тогда не было, потому — зарубли себѣ на память — что это вездѣ и всегда такъ было и будетъ, что кто богатъ, да силенъ, тотъ отъ податей всегда будетъ льготенъ, всю ту тяжесть на бѣдныхъ наложитъ. Помни это!

Глупъ я тогда былъ еще, когда мы съ Степаномъ этотъ разговоръ вели. Потомъ ужъ я вникъ въ дѣло-то и всю эту хитрую механику настоящимъ манеромъ разобралъ. Теперь знаю. Правъ былъ Степанъ. Хитрую механику настроили царь съ боярами, да фабриканты съ купцами, чтобы свалить на наши крестьянскія спины всѣ расходы на ихъ барское житье, на ихъ кулаческое пированье.

И таково хитра эта хеханика, говаривалъ мнѣ Степанъ, что оставь ты въ ней хоть ниточку, сейчасъ, глядишь, вся она выростетъ снова. Прогони баръ, прогони царя, прогони піявицъ-чиновниковъ, оставь только однихъ кулаковъ нашихъ крестьянскихъ, — и оглянуться не успѣешь, какъ у тебя безпремѣнно опять всѣ старые порядки будутъ.

Да, хитрая эта механика. Чтобы крестьянскому люду полегчало, всю ее надо прочь, какъ есть всю. Коли царь да бояре объявятъ какія тамъ ни на есть законы, будто-бы для льготности нашему брату, — это они намъ только глаза отводятъ. Коли богачи да люди властные вздумаютъ передъ народомъ такое колѣнце выкинуть, будто они изъ своей мошны да ему сиволапому помо̀чь хотятъ, — это они его пуще прежняго къ рукамъ прибрать хотятъ. Нѣтъ и не будетъ добра крестьянству отъ его иско̀нныхъ враговъ, отъ его мучителей вѣковѣчныхъ.

Вотъ, какъ я хорошенько подумалъ, завелъ я со Степаномъ опять такую бесѣду.

— Скверно, братъ Степанъ, больно скверно. Все-то у нихъ въ рукахъ, у нашихъ враговъ; и

войско за нихъ; и деньги у нихъ; и знаютъ-то они куда больше насъ, мужиковъ. Вѣдь, этакъ, значитъ, и не быть никогда добру для крестьянства. Этакъ, значитъ, ничего и не подѣлаешь, — ложись да помирай!

— Ну, ужъ это ты, Андрей, больно пріунылъ. Страшенъ врагъ, да милостивъ богъ. Справиться намъ еще можно.

— Куда же намъ, мужичью, да противу такой силищи?

— Да пойми-же, милый человѣкъ, что силища то ихъ вся въ насъ-же, мужикахъ. Ихъ что́ — горсточка: плюнуть да растереть. А насъ, мужиковъ, большіе милліоны. Ихъ войско-то откуда? изъ нашего же брата. Ихъ деньги-то откуда? изъ нашего-же кармана. Ну, а кабы мужичье-то за умъ хватилось — тогда вѣдь совсѣмъ другая пѣсня вышла. Кабы солдатики то, братья наши, стали на нашу сторону противъ своего офицерства да генеральства; кабы мы, мужики, имъ денежекъ-то платить не стали, да и то, что́ отнято у насъ да у нашихъ дѣдовъ этими кровопійцами, у нихъ бы отобрали? какъ ты думаешь, Андрей, много ли у нихъ осталось бы силищи-то? А что они всѣ за одно, такъ это еще бабушка на двое сказала. Они точно, почитай, всѣ противъ нашего брата, мужика, но промежъ собою у нихъ идетъ много воровства да прижиманья. Всякій тоже изъ нихъ наровитъ себѣ отхватить кусъ покрупнѣе да повкуснѣе. Всякі-той наровитъ поднадуть другаго да пообчистить ему карманы. И все-то царство русское держится на воровствѣ да на мошенничествѣ. Вся-то ихъ хитрая механика выросла изъ одного корня: никому не вѣрь; тащи, что сможешь; а совѣсть — къ чорту. Нѣтъ, братъ, коли собра-

лись вмѣстѣ воры естственные, такъ они за одно и быть не могутъ. А и то сказать: правильно твое слово, что знаютъ-то они больше нашего. Ну, да опять таки, коли разсудить, такъ оно и такъ и сякъ выходитъ; да и намъ-то отъ науки, пожалуй, еще помощь будетъ.

— Ну, ужъ это, братъ Степанъ, ты совсѣмъ не ладно говоришь. Всякая такая ихъ наука намъ, темнымъ людямъ, во вредъ будетъ. Это ужъ доподлинно.

— Э, милый человѣкъ, не такой чортъ страшнòй, какъ его малюютъ, да и палка-то о двухъ концахъ бываетъ. Отъ книгъ-то иныхъ и намъ, пожалуй, еще помощь будетъ...

— Какъ такъ? Я все въ толкъ не возьму...

— А такъ, братъ. Есть такія книжки, гдѣ все писано: и почему богатство на землѣ отъ неправды выросло, и отчего, значитъ, всегда такъ выходитъ, что гдѣ есть богатые, тамъ бѣднаго человѣка безпремѣнно нажимаютъ и обворовываютъ, да что безъ этого имъ и жить невозможно. А что короли да цари тамъ разные только тѣмъ и держатся, что беззаконію этому потворствуютъ, а для того большія войска содержатъ да уйму чиновниковъ разныхъ, чтобы народъ въ страхѣ да покорствѣ соблюдать. Ну, только книжекъ тѣхъ, гдѣ о правдѣ-то на прямки говорится, не много, потому особые чиновники отъ царя поставлены, чтобы крѣпко нà крѣпко смотрѣть за этимъ — боятся, значитъ, правды-то! чуть чтò — сейчасъ запретъ. Вотъ въ этихъ-то книжкахъ вся суть, вся настоящая наука и прописана. Потому-то я и говорю, что та наука, настоящая-то, намъ будетъ въ помощь...

— Эхъ, кабы и намъ ту науку — говорю; только мнѣ все какъ-то сумнительно, чтобы мы, мужичье, могли противъ этой силищи устоять и всю эту хитрую маханику на изнанку вывернуть.

— Ну, это, братъ, не совсѣмъ такъ, молвилъ Степанъ. Слыхалъ о Пугачѣ-то? Было это лѣтъ сто назадъ, въ царствованіе Екатерины великой, какъ проявился простой казакъ Емелька Пугачевъ. Объявилъ онъ себя императоромъ Петромъ третьимъ и зачалъ народъ бунтовать. Перво на перво обѣщалъ онъ всякія вольности уральскимъ казакамъ, которыхъ тогда царица притѣсняла, и пошли за нимъ всѣ казаки. Собралъ онъ ихъ и вышелъ противъ царицыныхъ войскъ, взялъ десятокъ крѣпостей, а самое войско въ сраженіяхъ разбилъ. И кликнулъ онъ тогда кличъ на всю Россію-матушку, что даруетъ онъ крестьянству волю съ землею, отъ податей освобождаетъ и всякія вольности даетъ, а собачій барскій родъ вовсе искоренить на Руси хочетъ. Заколыхалась Русь изъ края въ край, и повалилъ къ Пугачу охочій народъ. Собралось къ нему народу можетъ сколько сотъ тысячъ — ажъ всѣмъ ружей не хватило, нечѣмъ и войско кормить бѣло. И пошелъ тогда Емелька на Москву и по дорогѣ, почитай, четверть Россіи захватилъ! Взялъ онъ все Поволжье: Самару, Пензу, Саратовъ, — сжегъ Казань, а сколько мелкихъ городовъ покорилъ, — и счету нѣтъ. Много разъ онъ войска царицы разбивалъ, а баръ да купцовъ да чиновничье отродье, какъ сорную траву пололъ. Гдѣ пройдетъ, тамъ, значитъ, и духу барскаго да купецкаго не слыхать. Испугались тогда дворяне, испугалась и сама царица; и собрала она все войско, какое только

было у ней, и послала его противъ Пугача. Тутъ и сплоховалъ Пугачъ; войско его разбили, самого его захватили, въ Бѣлокаменной Москвѣ казнили, а пепелъ по вѣтру развѣяли, чтобъ самая слава его на Руси пропала. Пропалъ Пугачъ, да не пропала его слава. Такъ-то, Андрей! А и то сказать, что оттого все плохо, вышло, что все Емелькой однимъ держалось, все за нимъ только шло. Кабы сталъ народъ на томъ, что хочу вотъ этого, хочу, къ примѣру, взять себѣ земли да фабрики, не то бы было. Разбивши Пугача, не разбили бы народъ; потому народъ стоялъ бы не за Пугача, а за свои вольности да права, и нельзя бы было весь народъ разбить или вырѣзать. Нѣтъ той силы, чтобы съ народомъ помѣряться могла. Нѣтъ, братъ, какъ пошевелится народъ да подымется разомъ, да будетъ знать, что̀ ему доподлинно дѣлать надо, — тогда пойдетъ другая пѣсня....

— Оно точно. Одначе самъ же ты сказывалъ, что коли царя съ барами и чиновниками прогнать, такъ кулаки опять ту же механику заведутъ и опять все прежнее зло выростетъ. Какъ же отъ этого уберечься?

— А противъ того лѣкарство есть. Надо такіе порядки завести, чтобы не только не было богатыхъ, а чтобы они и проявиться-то не могли. Надо сдѣлать, чтобы земля была ни твоя, ни моя, а общая; чтобы фабрики были не хозяйскія, а артельныя. Небось, кабы земля да фабрики наши были, съумѣли-бы мы промежъ себя все дѣло съорудовать. И пошли бы у насъ дѣла такъ хорошо, какъ и не приснится теперь. Надо, чтобы весь людъ православный жилъ промежъ себя, что̀ братья родные; чтобы не было твоего

али моего, а все было общее — братское; чтобы и трудился-то всякій, не такъ какъ теперь, для себя одного, а со всѣми сообща, каждый по своей силушкѣ, а бралъ бы сколько каждому нужно; чтобы ни у кого ни излишества, ни недостатка не было. Я, къ примѣру, вдвое сильнѣе дяди Ивана, мнѣ и слѣдъ работать вдвое противъ него, а съѣмъ-то я немногимъ больше его, и рубахъ, что ему, что мнѣ — надо столько-же. Тогда нечего мнѣ думать о томъ, какъ бы съ барышомъ для себя свою силу продать, когда у меня есть все, что требуется, и никто не наровитъ моей силушкой попользоваться для своего барыша. Когда всѣ мы братья, то къ чорту барышъ. А если нѣтъ барыша, такъ никто не накопитъ и богатства, супротивъ другаго. Никто у другаго и воровать не станетъ. А безъ воровства — ни бариномъ не сдѣлаешься, ни кулакомъ не будешь, и разлетится тогда, какъ дымъ, все нынѣшнее зло. Одно слово, коли мы, мужики, установимъ промежъ себя братство, то будетъ правда между нами и не будетъ той правдѣ конца...

— Ну, а какъ же нынѣшніе бары, да кулаки да чиновники? они-то, вѣрно, въ то братство не попадутъ? Да ихъ, кажись, братьями-то считать не приходится?

— Нашихъ-то мучителей? Ну, ужъ это самособой. Кто для всѣхъ братьевъ трудился, тотъ намъ и братъ; а лежебоки, да дармоѣды непремѣнно наровятъ другихъ на себя работать заставить; какіе-же они братья? Когда придетъ часъ и подымется нашъ народъ православный, пошлетъ противъ насъ царь войска, станутъ бары съ чиновниками да съ богачами послѣдній рубль ребромъ ставить, чтобы насъ одолѣть да раздавить. Ну,

тогда пусть и отъ насъ пощады не ждутъ. И впервые познаемъ мы, что всѣ мы братья, когда всѣ грудью двинемся противъ нихъ, своихъ заклятыхъ враговъ. Одолѣютъ они, можедъ быть, и разъ и другой. Но напослѣдокъ мы таки возьмемъ свое, потому нѣтъ такой силы, чтобы могла всему народу противиться. А когда нашъ верхъ возьметъ, то очистимъ мы Русь-матушку отъ всѣхъ ея мучителей. Тогда свободно намъ будетъ установить наше крестьянское братство, гдѣ не будетъ ни моего, ни твоего, ни барыша, ни угнетенія, а будетъ работа на общую пользу и братская помощь между всѣми. Хитрой механики мы строить не будемъ — не наше крестьянское дѣло; да и къ чему намъ она? А неправду должно будетъ искоренить до тла, и правду постановить вѣковѣчную. — Такъ-то, Андрей!

Конецъ.

Сказка Говоруха.

I.

То не вѣтеръ воетъ по дубравушкѣ, то не дождь мочитъ зелену траву, то стонетъ русскій народъ отъ злыхъ вороговъ, то льетъ онъ свои слезы горькія!

Какъ не выходить всѣхъ путей-дорогъ, какъ не вычерпать океанъ-моря, такъ не вымѣрить злаго горюшка, что̀ гнетъ русскій народъ ко сырой землѣ!

И слышалъ я этотъ стонъ народный и видѣлъ я эти слезы. И камнемъ легли онѣ мнѣ на сердце, и не было мнѣ покоя отъ камня того ни днемъ, ни ночью, и все тяжеле и тяжеле давилъ онъ грудь мою.

И пошелъ я во зеленый лугъ и взмолился быстрой рѣченькѣ:

— Государыня, быстра рѣченька, снеси ты камень съ сердца моего!

И отвѣчала мнѣ быстра рѣченька:

— Не снести мнѣ камня съ тердца твоего, потому тѐкутъ во мнѣ слезы народныя.

И еще тяжеле сталъ давить камень грудь мою!

И пошелъ я во чисто поле и взмолился вѣтру вольному:

— Государь, вѣтеръ вольный, — сдуй ты камень съ сердца моего̀!

И отвѣчалъ мнѣ вѣтеръ вольный, покачавъ головою косматою:

— Не сдуть мнѣ камня съ сердца твоего, потому тяготятъ крылья мои стоны народные!

И еще тяжеле сталъ давить камень грудь мою.

И взялъ я посохъ и пошелъ я по путямъ-дорогамъ искать мудреца, который научилъ бы меня, какъ сдѣлать, чтобы замолкъ стонъ народный, чтобъ высохли слезы народныя. Ибо зналъ я, что тогда сдуетъ вѣтеръ камень съ сердца моего, снесетъ его быстра рѣченька.

И много дорогъ исходилъ я, много рѣкъ переплылъ я, но не нашелъ я, кого искалъ.

И вотъ я увидѣлъ вдали высокія горы, которыя поднимались выше облаковъ, и пошелъ я къ нимъ.

И поднялся я на вершины ихъ, гдѣ могучіе орлы вьютъ свой гнѣзда. И восхищенъ былъ взоръ мой, потому ярко сіяли снѣжныя поляны; чудно сверкали, какъ камни самоцвѣтные, ледяныя глыбы, когда солнечные лучи играли въ нихъ. Но не нашелъ я, чего искалъ, ибо живой души не было въ льдинахъ.

И сказалъ я самъ себѣ:

Всю землю исходилъ я и не нашелъ, чего искалъ. Нечего же искать мнѣ больше!

И точно ядомъ наполнилась душа моя, и опостылѣла мнѣ жизнь.

Вдругъ я увидѣлъ зіяющую пропасть, и повлекло меня къ ней.

И уже сѣлъ я на край пропасти и готовъ былъ броситься въ нее, но вдругъ чей то дивный голосъ остановилъ меня.

Я обернулся и увидѣлъ предъ собою женщину чудной красоты.

Я смотрѣлъ на нее и не могъ проговорить слова отъ восхищенія, ибо невиданной красоты была эта женщина.

И подошла она ко мнѣ и сказала:

— Встань и отойдй отъ этого мѣста!

Какъ покорный младенецъ повиновался я, ибо какая то невѣдомая сила была въ голосѣ ея.

— Чего ты ищешь здѣсь? спросила она меня.

— Ищу я правды, сказалъ я. Ищу человѣка, который научилъ бы меня, какъ должно жить народу русскому, чтобъ не мучиться вѣчной мукою. Но нигдѣ не могъ я найти такого человѣка. Много дорогъ исходилъ я, много рѣкъ переплылъ я и много слезъ пролилъ я. И вотъ теперь смертная тоска наполнила душу мою, и хотѣлъ я броситься въ эту пропасть.

Положила она руку свою на голову мнѣ и сказала:

— Будь мнѣ названный братъ, ибо я тоже плачу о страданіяхъ людей, дорогихъ сердцу моему.

И устремилъ я на нее взглядъ полный восторга и воскликнулъ:

— Чудная красавица! велико, должно быть, могущество твое. Никогда не видалъ я тебя, но лишь только подошла ты ко мнѣ, точно солнце, опустилось въ грудь мою. Никогда не видалъ я тебя, но скажи только мнѣ, и я съ радостью вложу руку свою въ пасть дикаго звѣря, брошусь въ пучину морскую, въ пропасть бездонную, чтобы только разгладить одну морщинку на челѣ твоемъ. Лишь только положила ты руку свою на голову мнѣ, какъ точно разверзлись очи мои, и сталъ я видѣтъ зорче сокола, и разверзлись уши мои, и сталъ я слышать, какъ растетъ полевая трава. Велико же должно быть могущество твое, чудная

красавица. Такъ научи же ты меня, ибо все должно быть извѣстно тебѣ!

И сказала она мнѣ:

— Дай мнѣ руку свою, и отведу я тебя къ брату моему. Онъ научитъ тебя тому, что хочешь знать ты, ибо онъ открываетъ всю правду до послѣдняго слова всякому, кого я приведу къ нему.

— Чѣмъ же мнѣ отблагодарнть тебя, чудная красавица! воскликнулъ я. Скажи мнѣ хоть, какъ зовутъ тебя, чтобъ могъ я прославить имя твое.

И отвѣчала она мнѣ:

— Много именъ у меня между людьми, ты же зови меня Любушей. Это мое любимое имя.

И взяла меня Любуша за руку и повела она меня черезъ густой дремучій лѣсъ.

Великъ былъ этотъ лѣсъ. Давно уже спустилась на землю ночная темнота, а мы все шли впередъ. Вдругъ яркій свѣтъ ударилъ въ глаза мнѣ.

— Сейчасъ мы придемъ къ жилищу брата моего, сказала мнѣ Любуша.

Прошли мы еще нѣсколько шаговъ, и увидѣлъ я передъ собою широкую поляну, всю залитую серебрянымъ свѣтомъ, какъ будто нѣсколько лунъ спустилось на нее.

Посреди поляны стоялъ огромный дубъ, какого я никогда не видывалъ. Высотою онъ былъ какъ колокольня Ивана Великаго, что стоитъ въ Москвѣ около Царь-Колокола. А чтобъ обхватить его, пятьдесятъ человѣкъ должны бы взяться за руки и только крайніе чуть коснулись бы концами пальцевъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ дуплѣ были дыры отъ старыхъ сгнившихъ вѣтвей, и изъ нихъ-то лился яркій свѣтъ, который освѣщалъ всю поляну.

Когда мы подошли къ дубу, Любуша провела пальцемъ вдоль коры его, и вдругъ въ немъ сдѣлалась длинная трещина, какъ будто какой нибудь богатырь разсѣкъ его мечемъ своимъ.

Притронулась она пальцемъ къ трещинѣ, и вдругъ она широко разступилась, какъ будто двѣнадцать богатырскихъ коней раздвинули ее въ стороны.

Ослѣпительный свѣтъ полился на насъ, и среди этого свѣта я увидѣлъ сѣдаго какъ лунь старика, съ бѣлою какъ снѣгъ бородою по самыя колѣна.

— Чего тебѣ нужно отъ меня, сестра моя, сказалъ онъ Любушѣ.

— Я привела тебѣ жаждущаго: напой его, сказала она.

— Хорошо, сказалъ старецъ, ибо нѣтъ у меня ничего завѣтнаго для тѣхъ, кого ты приводишь ко мнѣ.

И сказала мнѣ Любуша:

— Это братъ мой Наумъ, — иди за нимъ, и онъ откроетъ тебѣ все, что захочешь знать ты.

II.

Тогда ввелъ меня Наумъ въ жилище свое и закрылъ онъ щель, сквозь которую пришли мы.

Долго не могъ я открыть глазъ, ибо былъ я слѣпъ отъ яркаго свѣта, какъ отъ глубокой тьмы.

Тогдо Наумъ прикоснулся къ очамъ моимъ, и открылись они, и сталъ я видѣть все.

И велико было удивленіе мое, и не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда я въ превый разъ взглянулъ на жилище Наума.

Я помнилъ, какой дубъ я видѣлъ снаружи, а теперь мнѣ казалось, что стѣны его были изъ стекла, потому что ихъ совѣмъ незамѣтно было, и разныя картины были видны сквозь нихъ. Но когда я присмотрѣлся къ тому, что видно было сквозь стѣны, то еще удвоилось удивленіе мое: я помнилъ, что дубъ стоитъ среди темнаго лѣса, а сквозь стѣны я видѣлъ города, церкви, площади; видѣлъ незнакомыхъ мнѣ людей, которые копошились на этихъ площадяхъ. Видѣлъ дома; видѣлъ, что внутри самихъ домовъ дѣлается, потому казалось, что и стѣны ихъ стали стеклянными!

Тогда поднялъ я глаза на Наума и спросилъ его:

— Скажи мнѣ, отче, точно ли это все тамъ есть, или туманъ нашелъ на глаза мои?

И сказалъ онъ мнѣ:

— Изъ жилища моего я и всякій, кого я приму къ себѣ, видитъ все, что дѣлается во всемъ мірѣ. Вотъ смотри сюда и увидишь ты землю русскую.

И показалъ онъ мнѣ рукой, и сталъ я смотрѣть, куда показалъ онъ.

И увидѣлъ я тутъ всѣ муки народа русскаго. И слезы наполнили очи мои, и сказалъ я Науму:

— Видѣлъ я собственными очами муки народа русскаго и не за тѣмъ пришелъ я къ тебѣ. Покажи ты мнѣ, какъ другіе народы живутъ, чтобъ могъ я сказать народу русскому, какъ ему жить, чтобъ не мучиться вѣчною мукою.

Горько покачалъ головою старецъ, и слеза упала изъ очей его, и повелъ онъ меня къ другому мѣсту и указалъ рукой.

И сталъ я смотрѣть, куда онъ указалъ мнѣ, но ничего не могъ разглядѣть я, ибо туманъ покрывалъ очи мои. Видѣлъ я только, какъ летѣли отор-

ванныя руки, брызгала кровь, и казалось мнѣ, что слышу я чьи-то тяжелые стоны.

Тогда сказалъ мнѣ Наумъ:

— Пойдемъ, я поведу тебя къ дочери моей, и поможетъ она тебѣ разсмотрѣть то, что я показалъ тебѣ здѣсь.

И повелъ онъ меня къ двери и сказалъ: отворись! И отворилась она по слову его.

Взялъ онъ меня за руку и ввелъ онъ меня за собою въ эту дверь. И великія чудеса увидѣлъ я.

Предо мною была огромная пещера, высѣченная въ скалѣ. И не могъ я видѣть конца ея. Но удивительнѣе было то, что было въ этой пещерѣ.

Вся она поросла лѣсомъ, который походилъ на густой липовый лѣсъ позднею осенью когда всѣ листья пожелтѣли уже. Но странный блескъ исходилъ изъ этого подземнаго лѣса. Я присмотрѣлся и увидѣлъ, что всѣ деревья были желѣзныя, а листья на нихъ золотые! А на деревьяхъ тѣхъ сидѣло видимо-невидимо живыхъ бабочекъ съ большими бѣлыми крылышками въ черныхъ крапинкахъ. Онѣ безпрестанно жахали своими крылышками и перепархивали съ вѣточки на вѣточку.

— Это все дѣти мои, сказалъ Наумъ. Много у меня ихъ, хотя не всѣ, которыя называютъ меня своимъ отцомъ, дѣти мнѣ.

И удивился я еще больше, чѣмъ до сихъ поръ.

— Какъ могутъ быть дѣтьми у тебя бабочки? воскликнулъ я.

И сказалъ мнѣ Наумъ:

— Не всегда онѣ были бабочками. Волшебствомъ своимъ я придѣлалъ имъ крылышки, чтобъ могли летать онѣ по свѣту и учить людей уму-разуму. И много ихъ пустилъ я въ міръ,

потому уже много тысячъ лѣтъ живу я на свѣтѣ.

Еще больше удивился я, но не могъ спросить Наума, потому что онъ оставилъ меня и сталъ ходить между деревьями.

Долго онъ ходилъ и присматривался къ бабочкамъ. Наконецъ онъ выбралъ одну изъ нихъ и махнулъ ей рукой.

Она спорхнула съ вѣточки и сѣла ему на палецъ; тогда онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Это дочь моя — Мудрица. Довѣрься ей, и она покажетъ тебѣ, какъ живутъ всѣ другіе народы.

Низко поклонился я Мудрицѣ Наумовнѣ, но не успѣлъ я разогнуть спины, какъ она спорхнула съ пальца Наума, сѣла мнѣ на спину и уцѣпилась за меня своими лапками. Наумъ махнулъ рукой, и разступился вдругъ потолокъ пещеры надъ нашими головами.

— Съ Богомъ! сказалъ Наумъ.

И не успѣлъ я опомниться, какъ Мудрица Наумовна взмахнула крылышками, и мы стрѣлой взвились подъ облака.

Отъ страха я обомлѣлъ. Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ, что несемся мы надъ безконечнымъ моремъ, и страшно шумитъ оно, и не видно ничего кругомъ, кромѣ неба и воды. Я весь затрепеталъ и показалось мнѣ, что вотъвотъ, я полечу въ море и хотѣлъ я схватиться руками за крылышки Мудрицы Наумовны.

— Не шевелись, говоритъ она мнѣ, не то я уроню тебя.

Я замеръ и висѣлъ межъ небомъ и землей ни живъ, ни мертвъ.

— Не бойся, говоритъ она мнѣ, мы сейчасъ прилетимъ.

И сталъ я смотрѣть передъ собою и увидѣлъ вдали что-то окутанное бѣлымъ туманомъ.

— Это Англія, говоритъ мнѣ Мудрица Наумовна, сейчасъ мы спустимся на землю.

Тотчасъ я почувствовалъ, что мы спускаемся ниже, и черезъ нѣсколько минутъ я радостно вздохнулъ, потому ступилъ я на твердую землю.

Тутъ Мудрица Наумовно сказала мнѣ:

— Ступай ты на всѣ четыре стороны и увидишь ты собственными глазами, что ждетъ впереди русскій народъ, и что долженъ дѣлать онъ, чтобъ не мучиться вѣчной мукою. И дамъ я тебѣ даръ понимать ихъ языкъ и самому говорить на немъ. А я спрячусь въ дупло вонъ того дуба, а когда понадоблюсь я тебѣ опять, то ты прійди на это мѣсто, и я явлюсь тебѣ.

Сказала это Мудрица Наумовна, вспорхнула и скрылась въ широкомъ дуплѣ столѣтняго дуба, который стоялъ около насъ. А я остался одинъ.

III.

Я осмотрѣлся. Я стоялъ на взморьѣ, на берегу маленькаго ручейка. Кругомъ была глубокая темнота. Видно, Мудрицѣ Наумовнѣ понадобилось очень мало времени, чтобъ пролетѣть изъ Россіи въ Англію.

Нигдѣ не видно было ни души, не слышно было ни одного звука. Только море ревѣло, и волны бѣшено рвали берега, какъ будто злились на нихъ, что они не даютъ имъ простору. Да буйный вѣтеръ вылъ и стоналъ, какъ дикій звѣрь, посаженный въ желѣзную клѣтку.

Жутко стало мнѣ, и не зналъ я, куда идти, но тутъ я увидѣлъ за пригоркомъ какой-то огонекъ и пошелъ я на него. Я сталъ всходить на пригорокъ, а число огней все росло и росло, и не было этому конца.

Когда я взошелъ, наконецъ, на верхушку пригорка, то предо мною открылось огромное поле, усѣянное безчисленнымъ множествомъ огней, какъ бываетъ усыпанъ лугъ густою ромашкой.

Я очень обрадовался. Это городъ, подумалъ я, да еще веселый, должно быть, коли въ такую глубокую ночь у нихъ не потушены огни.

Я быстро пошелъ на ближайшій огень и, подойдя къ первому домику, постучался въ окно.

— Добрые люди, сказалъ я, пустите переночевать прохожаго человѣка.

Долго никто не отзывался, наконецъ въ окнѣ показался хозяинъ.

Онъ очень удивился, когда узналъ, чего я прошу, а потомъ какъ закричитъ:

— Пошолъ вонъ отсюда! Много васъ тутъ шатается!

Опустилъ я голову и пошелъ къ другому дому. Тамъ меня еще хуже встрѣтили:

— Ахъ ты такой, сякой! убирайся скорѣи, пока цѣлъ!

Не посмѣлъ я проситься въ третій домъ, а пошелъ по улицѣ. Она была освѣщена двумя рядами фонарей, и было свѣтло на ней, какъ днемъ.

Но ни души не слышно было. Только шаги мои звучно отдавались по каменной плитной мостовой, да тѣнь перебѣгала отъ одного фонаря къ другому.

Однако нужно было подумать объ ночлегѣ, потому что глаза мои слипались отъ усталости.

Я все шелъ, куда глаза глядятъ; вдругъ споткнулся о что-то мягкое. Нагнулся, вижу — подъ заборомъ спитъ скорчившись какой-то человѣкъ.

— Ну, думаю, нечего дѣлать; видно, и мнѣ придется такую же ночевку сдѣлать.

Примостился я къ забору и скоро заснулъ. Но не долго намъ удалось проспать, потому по улицамъ не дозволяется тутъ валяться, чтобъ не обезпокоить честныхъ людей.

Городовой растолкалъ насъ ногою и закричалъ:

— Что вы тутъ валяетесь, сукины дѣти! Чтобы духу вашего не было! Слышите?

Нечего было дѣлать. Пришлось уходить.

Тутъ только я взглянулъ на своего товарища. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, блѣдный и худой, какъ мертвецъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то капотъ, но до того изорванный, что старикъ походилъ на охапку тряпокъ, перевязанную веревкою.

— Ну чтожъ, говоритъ старикъ, кудажь намъ теперь идти?

У меня и руки опустились.

— Какъ куда? говорю. Вѣдь ты здѣшній, тобѣ и знать, а я почемъ знаю! Я только сегодня въ вашъ городъ пришелъ.

— А, такъ ты изъ деревни, сказалъ старикъ. Видно, круто пришлось? и онъ о чемъ то задумался.

Ну, такъ и быть, говоритъ, сведу я тебя на квартирку; есть у меня неподалеку отличная: и сухо, и компанія веселая. Маленько продуваетъ; ну, да это и къ лучшему.

Мы пошли по освѣщеннымъ улицамъ и часто наталкивались на людей, которые спали подъ заборами, подъ навѣсами крылецъ, подъ памятниками.

Старикъ спокойно переступалъ черезъ нихъ, какъ черезъ колоды. Видно, привыченъ былъ онъ къ этому.

Но тяжелая дума закралась мнѣ въ душу.

— Не валяются люди подъ заборами тамъ, гдѣ хорошо живется! подумалъ я.

Но не успѣлъ я спросить старика, неужели у нихъ такъ плохо живется, потому что въ это время мы подошли къ каменному мосту, перекинутому черезъ оврагъ, и старикъ, вмѣсто того, чтобы идти на мостъ, свернулъ въ сторону и сталъ спускаться на дно оврага. Удивился я, зачѣмъ это ему вздумалось переходить оврагъ не такъ, какъ всѣ люди; однако пошелъ за нимъ, не говоря ни слова.

Когда мы спустились въ оврагъ, старикъ вдругъ повернулъ подъ мостъ, остановился да и говоритъ мнѣ:

— Ну, вотъ мы и пришли на свою квартиру. Хороша? А вотъ и компанія — превеселый народъ! сказалъ онъ и указалъ на нѣсколько крысъ, которыя юркнули было въ норы, когда мы пришли, но потомъ опять выбѣжали и начали возню.

Отъ долгой ходьбы я такъ усталъ, что мнѣ было не до разговоровъ. Я выбралъ подъ сырыми балками мѣсто посуше, легъ и заснулъ, какъ убитый.

IV.

Когда я проснулся съ утреннимъ холодомъ, то замѣтилъ, что подъ мостомъ уже не мы одни.

За ночь, какъ видно, народу понабралось, потому квартира вольная — иди кто хошь.

Товарищи мои тоже попросыпались, потому утренній холодъ не давалъ имъ слишкомъ залеживаться. Ихъ было трое, не считая моего старика.

Два было среднихъ лѣтъ.

Одинъ длинный и худой, какъ кощей безсмертный. На немъ былъ надѣтъ кафтанъ до того излатанный, что нельзя было узнать, изъ какой онъ матеріи сдѣланъ. Онъ все время сидѣлъ, понуривъ голову, и молчалъ.

Другой былъ приземистый, рябой съ сѣрымъ, какъ земля, лицомъ, какое бываетъ отъ собачьей жизни. Одѣтъ онъ былъ въ толстую суконную куртку, изъ подъ которой видно было голое тѣло, потому не было на немъ рубашки. Но онъ былъ, какъ видно, человѣкъ веселаго нрава и очень разговорчивый.

Третій былъ мой ровесникъ. Чѣмъ больше смотрѣлъ я на него, тѣмъ больше влекло меня сердце къ нему. Никогда я не видѣлъ лица добрѣе и умнѣе. Карiе глаза его свѣтились, какъ свѣчка и много было въ нихъ ума и доброты.

Мы скоро разговорились съ нимъ, потому онъ тоже видно замѣтилъ меня и подсѣлъ ко мнѣ.

Онъ спросилъ, какъ меня зовутъ, откуда я родомъ, гдѣ работалъ?

Я сказалъ, что я дальній, пришелъ работать въ столицу (потому отъ старика я узналъ, что попалъ въ Лондонъ, столицу Англіи).

— А что, братцы, вѣдь какъ нибудь промыслить надо, говоритъ рябой. Авось сегодня счастливѣе будемъ!

— Братцы, радостно вскричалъ младшій, Николай, — вѣдь вѣтеръ-то, кажись, попутный сегодня!

Всѣ трое быстро вскочили, сорвали нѣсколько сухихъ листьевъ съ бурьяна, который росъ подъ мостомъ, и пустили его по вѣтру.

Оказалось, что вѣтеръ точно попутный. Обрадовались они, будто кладъ открыли.

— А вы, почтенные, видно ждете родныхъ изъ за моря? сказалъ я.

Они такъ и покатились со смѣху.

— Да ты совсѣмъ воробей, ла еще съ заѣдами, сказалъ мнѣ Николай. Видишь ли что: наше брюхо — мельница, а руки — крылья. Когда вѣтеръ дуетъ, такъ машутъ наши крылья, и есть что молоть брюху. А нѣтъ вѣтру, стоятъ наши крылья и не мелетъ мельница! Хитро вѣдь?

Подивился я, но ничего не могъ понять.

— Ну, вотъ пойдемъ съ нами, такъ увидишь, говоритъ Николай. Вѣдь небось у тебя никого нѣтъ здѣсь, потому колибъ былъ, такъ не пришелъ бы ты ночевать сюда.

— Нѣтъ, говорю, нѣтъ никого.

— Ну, такъ пойдемъ.

Пошли мы. Только ужъ больно ѣсть хотѣлось намъ. А денегъ ни у кого не было.

Я снялъ съ себя сапоги, потому всѣ трое товарищей моихъ были босикомъ, и отнесъ въ лавочку.

Намъ дали нѣсколько фунтовъ хлѣба. Мы поѣли и пошли.

Долго мы шли по пустыннымъ улицамъ города, наконецъ пришли на пристань. Кораблей и барокъ

тутъ стояло видимо-невидимо. Точно густой лѣсъ росъ на взморьѣ.

Тутъ грузили и разгружали корабли со всякими товарами.

Работа кипѣла, потому подулъ попутный вѣтеръ, и хозяева торопились нагрузить свои корабли.

Толпы рабочихъ таскали тяжелые мѣшки и тюки подчасъ больше себя, какъ муравьи свои яйца.

Подошли мы, и во всю жизнь не забыть мнѣ того, что я увидѣлъ. Всѣ были въ лохмотьяхъ, почти всѣ босикомъ, у немногихъ были рубахи. Господи! что это были за лица! страшно было смотрѣть: блѣдныя, худыя, со впалыми глазами, посинѣлыми губами. Точно мертвецы встали изъ гробовъ и пришли сюда работать! Таковы были первые англійскіе рабочіе, которыхъ я увидѣлъ.

Опустилъ я голову и сталъ молча таскать тюки. Николай тоже работалъ рядомъ со мною, и смерть какъ жалко было мнѣ этого парня. Силенки, видно, мало, а таскай такіе мѣшки. Подсоблялъ я ему всячески, а на сердцѣ все чернѣй да чернѣй становилось. Потому больно было смотрѣть на худыхъ, дряхлыхъ стариковъ, какъ надрывались они надъ непосильной работой.

Часовъ 8 пропаботали мы, однако подъ конецъ я такъ замаялся, что чуть ноги не подкашивались.

Мигомъ разсчитали насъ.

Воть взялъ я деньги и стою, этакъ понурившись: тяжелыя думы были у меня въ головѣ.

Николай замѣтилъ, видно, что со мной дѣлается, положилъ мнѣ руку на плечо, да и говоритъ:

— Что, братъ, не ждалъ ты небось такихъ красавцевъ увидѣть?

— Да что это они, нешто всѣ изъ больницы только повыходили? спросилъ я.

— Да, изъ больницы, говоритъ Николай. Зовется та больница — безработицей, а болѣзнь ихъ — голодомъ. Только сегодня всѣ эти люди заняты, потому что вѣтеръ попутный дуетъ, такъ вотъ купцы и спѣшатъ нагрузить корабли. А нѣтъ вѣтру — сиди безъ работы да гложи землю, потому больше то вѣдь нечего. Вотъ какова наша доля!

Когда мы вышли на улицу, насъ обступила цѣлая толпа разнощиковъ съ разною ѣдою.

Всѣ кинулись на нее, какъ голодныя собаки.

Мы также подошли къ нимъ. Николай вынулъ изъ кармана мѣшечекъ, отложилъ туда нѣсколько копѣекъ, а на остальныя купилъ ѣды.

Я также отложилъ, потому думаю: нужно, значитъ, хотя колибъ всѣ деньги проѣсть, то и то было-бъ мало. Я видѣлъ, какъ многіе не только все проѣдали, но даже забирали въ долгъ.

— Куда-же мы теперь пойдемъ? говоритъ Николай.

Я молчалъ.

Подумалъ Николай, наконецъ говоритъ:

— Постой, у меня есть знакомый ткачъ. Тѣсновато у него, ну да ничего, я сведу тебя къ нему.

— Ну, а ты то самъ куда?

— А у меня квартира просторная, всюду мѣсто есть, сказалъ онъ съ веселымъ смѣхомъ и махнулъ рукой на городъ.

— Нѣтъ, говорю, ужъ коли идти, такъ идти обоимъ, а одинъ я не хочу.

Ласково посмотрѣлъ на меня Николай и говоритъ:

— Ну, ладно, и я съ тобой пойду.

Мы пошли съ толпой рабочихъ по улицамъ. Теперь я не узналъ города. На улицахъ была точно ярмарка. По панелямъ двигались сплошной

стѣной разряженные баре, купцы, барыни. Никогда не видывалъ я такого богатства. Однихъ золотыхъ серегъ да жемчугу съ бриліантами хоть мѣрками мѣряй. Они брезгливо сторонились отъ оборванной и грязной толпы, которая возвращалась съ работы, чтобъ она какъ нибудь не замарала ихъ.

Вдругъ Николай остановилъ меня. — Смотри, говоритъ, вонъ нашъ хозяинъ!

Я посмотрѣлъ и увидѣлъ блестящую коляску, запряженную парой чудныхъ лошадей. Сзади стояли два высокихъ лакея, всѣ обшитые золотыми галунами. На козлахъ сидѣлъ третій. А въ колескѣ, развалившись на бархатныхъ подушкахъ, сидѣлъ самъ хозяинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, но рожа у него была блѣдная, истасканная, какъ у старика. Бѣлой рукой, усыпанной дорогими каменьями, онъ гладилъ маленькую собаченку, такую же паршивую, какъ и онъ самъ, и съ презрѣніемъ посматривалъ на насъ. Около него сидѣла какая то разряженная барыня въ бархатной шубкѣ.

Вдругъ онъ притронулся тросточкой къ спинѣ кучера. Кучеръ быстро повернулъ лошадей въ переулокъ прямо на насъ. Мы едва успѣли отскочить. Съ ногъ до головы насъ обдало грязью. Стиснувъ зубы, я смотрѣлъ вслѣдъ за экипажемъ.

— Что, видѣлъ, для кого мы маялись? сказалъ мнѣ Николай.

Я посмотрѣлъ на него. Онъ вытиралъ грязь со лба. Лицо его было немного блѣдно.

— Помни же, говоритъ онъ, что мы и вонъ вся эта толпа, всѣ эти старики, которые ему въ отцы годятся, мучились, чтобы онъ наряжалъ эту стерву да катался съ ней на бархатныхъ подушкахъ, да плевалъ на насъ.

Онъ замолчалъ и быстро пошелъ впередъ.

Мы подошли къ огромному дому, величиной съ дворецъ. Тутъ были главные магазины.

Я остановился и нѣсколько минутъ не могъ проронить ни слова. Чего-чего тутъ не было! Кажись, и во снѣ не увидѣть такихъ богатствъ, какія на яву здѣсь были.

— Все, что ты видишь вдѣсь, говоритъ Николай, — все это сдѣлано нашими руками для нашего хозяина и для такихъ какъ онъ. А тѣ, которые работали все это, живутъ такъ, какъ и мы!

Мы прошли нѣсколько шаговъ, и онъ снова остановилъ меня.

— Видишь — говоритъ — этотъ магазинъ? и онъ указалъ мнѣ на огромный магазинъ разныхъ матерій.

Бархатъ, шелки съ узорчатыми цвѣтами, кисея и всякія другія матеріи точно на картинкѣ красовались въ окнахъ. Толпа расфуфыренныхъ барынь кишѣла въ немъ. Прикащики въ бѣлыхъ галстухахъ не успѣвали отмѣривать.

Давши мнѣ насмотрѣться, Николай сказалъ:

— А вотъ сейчасъ ты увидишь, какъ живутъ тѣ самые рабочіе, которые работаютъ на хозяина этого самаго магазина.

V.

Мы свернули въ ускій, грязный переулокъ и нѣсколько минутъ шли молча.

Пройдя квартала два, Николай вошелъ во дворъ и остановился передъ темной ямой, изъ которой торчали концы лѣстницы. Нагнувшись въ яму,

онъ что-то крикнулъ; вдругъ изъ этой ямы показалась голова ребенка. Тутъ только я догадался, что здѣсь люди живутъ.

— Дома отецъ? спросилъ Николай.

— Нѣтъ, нѣту. Да вы подождите, онъ будетъ радъ.

Мы спустились за ребенкомъ и вошли въ квартиру ткача.

Ребенокъ вздулъ свѣчу, вставленную въ бутылку, и поставилъ на столъ. Медленно разгоралась она и освѣщала сырыя стѣны, которыя казались покрытыми стекломъ, потому что онѣ были совсѣмъ мокрыя, и вода ручейками сбѣгала съ нихъ. Со двора стекалъ дождь и всякія нечистоты, такъ что земляной полъ превратился въ настоящее болото. На полу валялось нѣсколько сноповъ мокрой соломы, а на ней спало нѣсколько маленькихъ дѣтей.

Пока я разсматривалъ комнату, ребенокъ успѣлъ уже вскарабкаться на колѣни къ Николаю. Одной рукой онъ обнялъ его за шею, а другой — теребилъ его за жидкую бороденку. Они, видно, были старые знакомые и большіе пріятели.

Николай разспрашивалъ ребенка объ отцѣ, и тотъ все обстоятельно разсказалъ ему. Разсказалъ онъ, какъ недавно его прогнали съ фабрики, потому что хозяинъ завелъ машину. Какъ они голодали, какъ потомъ хозяинъ опять взялъ его, но уже не соглашался давать прежнюю плату.

Разсказалъ онъ, какъ заболѣли двое его младшихъ братишекъ, и какъ отецъ заложилъ подушку и позвалъ доктора, и какъ докторъ сказалъ, что нужно перемѣнить квартиру, потому въ этой сыро и холодно. Какъ отецъ засмѣялся, а мать заплакала, потому имъ скоро нужно будетъ нанимать худшую. Какъ потомъ умерли ребята, и какъ они всѣ плакали.

Много еще разсказывалъ ребенокъ Николаю, а я все слушалъ.

Было ужъ совершенно темно, когда вдругъ ребенокъ вскочилъ съ колѣнъ, закричалъ:

— Мамка идетъ! — и побѣжалъ по лѣстницѣ.

Вскорѣ онъ вернулся, а за нимъ и все семейство. Оно состояло изъ отца, матери и троихъ дѣтей. Старшей дѣвочкѣ было лѣтъ 10, а младшему пареньку лѣтъ 8. Всѣ они работали цѣлый день.

Андрей, — такъ звали хозяина, — ласково поздоровался съ нами и, когда узналъ, что Николай пришелъ къ нему ночевать, сказалъ:

— Милости просимъ! Ты вѣдь знаешь, что съ тобой я всѣмъ дѣлиться радъ!

Потомъ они стали разговаривать о своемъ житьѣ-бытьѣ. Андрей разсказалъ тоже, что и ребенокъ разсказывалъ:

Хозяинъ завелъ машину и прогналъ было половину своихъ рабочихъ, а потомъ, когда они успѣли намориться голодомъ, велѣлъ сказать имъ, что онъ согласенъ принять ихъ опять, коли они вмѣсто 13-ти согласятся 15-ть часовъ работать, да еще плату сбавилъ. Разумѣется, рабочимъ пришлось согласиться.

— Вотъ теперь и маешься, какъ на каторгѣ, сказалъ Андрей, да еще всѣхъ дѣтей и жену таскаешь за собой. За то хозяинъ какой магазинъ открылъ на главной улицѣ! Видѣлъ, небось?

Онъ замолчалъ, но по лицу его я видѣлъ, какая злоба кипитъ въ его сердцѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока; онъ совершенно не похожъ былъ на Николая: онъ былъ ниже его ростомъ, но шире въ плечахъ и, должно быть, былъ очень силенъ. Густые черные волосы до половины закрывали его

лобъ. Изъ подъ широкихъ бровей сверкали черные глаза. Злая усмѣшка играла подъ часъ не его губахъ.

Вскорѣ мы кое-какъ размѣстились и хозяинъ потушилъ свѣчу. Однако, я долго не могъ заснуть, не смотря на свою усталость. Неужели, думаю, всѣ работники такъ живутъ? Неужели всѣ мужчины, женщины и маленькія дѣти работаютъ по 15 часовъ и заработываютъ такъ мало, что должны жить въ такихъ помойныхъ ямахъ?

Я рѣшилъ разспросить объ этомъ Николая на другой же день.

Когда я проснулся, на столѣ стоялъ уже завтракъ изъ картофеля съ водой. Андрей никакъ не хотѣлъ отпустить насъ на работу натощакъ.

Вся семья сидѣла уже за столомъ.

Тутъ я въ первый разъ посмотрѣлъ на дѣтей, потому вчера я заслушался того, что говорилъ Николай съ Андреемъ и не обратилъ на нихъ вниманія.

Сердце сжалось у меня отъ боли.

Они были худыя, блѣдныя, ни кровинки въ лицѣ. Работа, видно, такъ утомляла ихъ, что они и рукой двигали и головой поворачивали медленно-медленно, какъ будто все имъ было въ тягость. Глаза не блестѣли у нихъ, они ни разу не порѣзвились, ни разу не засмѣялись громко.

— Что ты такъ жалостно смотришь на нихъ? спрашиваетъ Андрей.

— Да ужъ больно изморены работой-то, говорю.

— То ли еще увидишь, говоритъ Андрей. У насъ вѣдь не то десятилѣтнія, а семилѣтнія работаютъ, и не по 15, по 18 часовъ въ сутки! Да, братъ, не изъ одного шелку да бумаги ткутся дорогія матеріи, а и изъ дѣтской крови! Не

одно золото и серебро течетъ въ сундуки къ хозяевамъ, течетъ туда и дѣтская кровь и материнскія слезы!

Онъ стиснулъ зубы и замолчалъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ тихо, какъ будто про себя, заговорилъ:

— Вонъ у меня былъ паренекъ, старшій самый. Когда ему было семь лѣтъ, я таскалъ его на спинѣ на фабрику. Работалъ онъ по 16 часовъ въ сутки и не смѣлъ ни на минуту отдохнуть. Когда его покормить нужно было, я становился на колѣни и подавалъ ему. Онъ бралъ одной рукой и ѣлъ, а другой рученкой и въ это время долженъ былъ вертѣть колесо!

Не долго онъ прожилъ. На восьмомъ году онъ умеръ. За то какой славный ситецъ соткалъ онъ я потомъ нарочно ходилъ смотрѣть его. Онъ былъ выставленъ въ окнѣ магазина. Я видѣлъ, какъ расфуфыренная барыня купила его.

Слеза прошибла меня, но Андрей былъ совершенно спокоенъ. Только глаза его блестѣли немного больше обыкновеннаго. Онъ всталъ изъ за стола и сказалъ:

— Ну, дѣти, пойдемъ теперь и мы ткать ситецъ для нашего благодѣтеля!

Онъ сказалъ на прощанье Николаю:

— Приходи, другъ, коли негдѣ будетъ переночевать. Его тоже приводи, прибавилъ онъ указывая на меня.

Мы вышли. Я долго не могъ проговорить ни слова. Николай тоже былъ сумраченъ. Наконецъ я сказалъ:

— Скажи ты мнѣ по правдѣ истинной, неужели у васъ всѣ такъ живутъ?

— Да какъ тебѣ сказать, отвѣчалъ онъ, иной пожалуй и лучше живетъ. Есть у иного конура

гдѣ нибуть на чердакѣ, глѣ ихъ набито, какъ сельдей въ бочкѣ.

Иной одѣвается и ѣстъ получше, да только мало такихъ. А главное, что не приходится долго блаженствовать-то нашему брату! Ни одинъ не можетъ сказать, что завтра его не прогонятъ съ работы, и не придется ему тогда совсѣмъ околѣть съ голоду, да ночевать подъ мостами да заборами. А иные вѣдь и хуже живутъ.

— Да неужели бываетъ хуже? воскликнулъ я.

— А вотъ сейчасъ покажу, коли хочешь. Онъ вошелъ во дворъ, который со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ каменными домами, а сверху прикрывался деревянной крышей, какъ наши скотные дворы.

— Ну, видишь? говоритъ онъ.

— Вижу, такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? да вѣдь тутъ рабочіе живутъ.

— Да быть не можетъ! говорю. Вѣдь тутъ только скотинѣ ночевать можно, а не людямъ жить.

— А вонъ смотри — ребятъ сколько. Взрослые-то на работу ушли, а ребята остались.

Присмотрѣлся я и точно увидѣлъ по угламъ въ соломѣ кучи ребятишекъ. Няньчили ихъ шести и пяти-лѣтніе сестренки и братишки, которыхъ нельзя было взять на работу.

И сталъ тутъ Николай говорить, отчего мучится народъ. Разсказалъ, какъ его обираютъ всячески хозяева; какъ заставляютъ они его голодомъ идти работать за какую угодно плату; какъ съ каждымъ годомъ все крѣпче и крѣпче жмутъ они его.

Подъ конецъ онъ сказалъ, что пока работники будутъ работать по найму у хозяевъ, — такъ всегда будетъ. Только тогда рабочіе будутъ жить

хорошо, когда сами станутъ хозяевами, когда будутъ владѣть артелью тѣми фабриками и заводами, гдѣ работаютъ.

Правду истинную говорилъ Николай, да только не могъ я еще тогда понять всего, что говорилъ онъ. И сказалъ я ему, что хорошо бы это, да только не можетъ этого быть.

— Подумай, сказалъ Николай.

VI.

По знакомымъ улицамъ мы дошли до пристани. Но то, что мы увидѣли, совсѣмъ не походило на вчерашнее. Вѣтеръ перемѣнился, грузки было мало, поэтому бо́льшая часть рабочихъ осталась безъ работы. И вотъ они толпились у воротъ и умоляли дать работу, какъ нищіе кусокъ хлѣба.

— Пойдемъ отсюда, поищемъ работы въ другомъ мѣстѣ, сказалъ Пикокай. Тутъ всѣ почти семейные, стыдно отбивать у нихъ!

Мы пошли на рынокъ, куда собирались всѣ рабочіе, которымъ безъ работы приходилось оставаться.

Цѣлая толпа стояла ихъ тамъ. Мы стали въ сторонѣ и смотрѣли.

Тутъ только я понялъ, что работники всегда должны остаться въ рабствѣ у тѣхъ, кто можетъ по своей волѣ заставлять ихъ голодать. Стоило показаться прикащику, какъ къ нему со всѣхъ ногъ кидалась толпа и умоляла дать работу, не спрашивая о цѣнѣ, о работѣ, объ условіяхъ. Да и какъ могло быть иначе? Вѣдь у бо́льшей части были семьи, а по ихъ измореннымъ лицамъ, по отрепьямъ, въ

которыя они были одѣты, можно было судить, каково живется имъ!

Мы стояли въ сторонѣ и ждали. Когда самые здоровые и сильные были уже разобраны, къ намъ вдругъ подошелъ какой-то молодецъ и говоритъ:

— Согласны тяжелую работу работать?

Мы отвѣчали: согласны!

— Ну, такъ ступайте за мною.

Онъ повелъ насъ въ контору. Тамъ уже стояло человѣкъ десять другихъ рабочихъ, и намъ велѣли идти на кирпичный заводъ, который былъ верстахъ въ 50-ти отъ города.

Мы потребовали, чтобъ намъ за два дня деньги выдали на проходъ. Хозяинъ отказалъ на отрѣзъ.

Тогда поднялось вся артель. Всѣ они думали, что имъ выдадутъ, но узнавши, что не дадутъ ничего, — всполошились, потому оказалось, что ни у одного не было гроша за душой.

Тогда хозяинъ согласился дать намъ на проходъ, какъ будто за работу.

Мы взяли деньги и ушли, чтобъ пообѣдать передъ дорогой. Николай вынулъ прежде всего свой мѣшочекъ и опять отложилъ туда, кажись, четверть того, что получилъ.

Тутъ ужъ меня раздумье взяло. Не таковскій, думаю, человѣкъ Николай, чтобъ деньги копить, а самому у другихъ хлѣбъ ѣсть. Видно, на какое дѣло собираетъ. Хорошо, думаю, коли-бъ сказалъ. Я тоже сталъ бы отдавать ему.

Вотъ и спрашиваю я его:

— Скажи ты мнѣ, другъ, на какое дѣло ты деньги собираешь?

Усмѣхнулся онъ, да и говоритъ:

— Погоди. Много будешь знать, скоро состаришься. Прійдетъ время — скажу. Можетъ, и ты одкладывать станешь.

Такъ ничего я у него и не добился.

Пообѣдавши, мы отправились въ путь, чтобъ на другой день поспѣть на заводъ. Мы прошли шумныя городскія улицы, потомъ и предмѣстья, и вышли въ поле.

Хлѣбъ былъ еще не убранъ, и не могъ я налюбоваться на него. Никогда я не видывалъ такого хорошаго хлѣба.

— Можетъ быть, только въ городахъ плохо живется, подумалъ я, а деревенскіе, должно быть, хорошо живутъ, коли такой хлѣбъ у всѣхъ.

Сказалъ я объ этомъ Николаю. Грустно покачалъ онъ головою и говоритъ:

— Коли-бъ въ деревняхъ хорошо жилось, то кто-бы гналъ народъ въ города? Значитъ, въ деревняхъ еще хуже живется, коли каждый день все идутъ, да идутъ изъ деревень на каторжную городскую работу.

— А что-жь, говорю, хлѣба такіе хорошіе?

— Хлѣба! Да вѣдь тутъ нѣтъ ни одного мужицкаго снопа! Вся земля-то вѣдь у насъ до послѣдней полоски, до послѣдняго клочка помѣщичья. У насъ нѣтъ совсѣмъ мужицкой земли. Мужики всѣ работаютъ батраками у помѣщика, а многихъ и помѣщики не берутъ, ну, и идутъ они тогда на каторгу въ города. Вотъ, братъ, что̀ гонитъ ихъ изъ родимой сторонушки въ лапы къ городскимъ піявицамъ.

— Вотъ оно что, подумалъ я. Такъ вотъ отъ чего хлѣбъ-то такъ хорошъ!

— Погоди, заночуемъ въ ближней деревнѣ, говоритъ Николай. Увидишь самъ, каково живется здѣсь.

Была уже почти полночь, когда мы подошли къ деревнѣ. Однако въ всѣхъ окнахъ былъ свѣтъ. Мы постучались въ нѣсколько избъ, но нигдѣ насъ не пускали: самимъ тѣсно, говорили. Наконецъ, въ одной насъ пустили за нѣсколько копѣекъ.

Мы вошли въ горницу, и вотъ, что я увидѣлъ: Вся горница была биткомъ набита бабами и дѣтьми. Хотя она была всего шаговъ 5 въ длину и ширину, однако въ ней сидѣло нѣсколько бабъ и 14 дѣтей. Дѣти были малъ-мала меньше. Были тутъ не только семилѣтніе, но даже шести и пятилѣтнія крошки, которыхъ туть отъ полу было видно. Никогда не повѣрилъ бы я, что могутъ заставлять работать такихъ малолѣтокъ. А что это была за работа! Здѣсь плели изъ тонкой соломы шляпы для барынь, какія они обыкновенно носятъ лѣтомъ. Острая солома безпрестанно рѣзала дѣтямъ пальцы и губы, потому что они смачивали ее слюною. Однако они ни на минуту не пріостанавливали работы. Даже 5-ти лѣтнія дѣти работали съ такимъ вниманіемъ, что больно было смотрѣть. Но при мнѣ одинъ малютка выронилъ изъ рукъ шляпку и тотчасъже заснулъ отъ усталости. Хозяйка взяла плетку и подошла къ нему. Взвизгнула плетка и ударила по голымъ плечамъ бѣднаго ребенка. Онъ слабо вскрикнулъ, но не смѣлъ заплакать. Проворно схватилъ онъ работу, и быстро забѣгали его маленькіе пальчики. Я видѣлъ только, какъ слезы крупными паплями капали на нихъ.

— Ея это ребенокъ? тихонько спросилъ я у дѣвочки лѣтъ 12-ти, которая сидѣла рядомъ со мною и тоже плела шляпку.

— Нѣтъ, чужой, отвѣчала она. Къ ней матери присылаютъ дѣтей, коли у самихъ слишкомъ тѣсно.

— А рано начинается такая мука у васъ?

— Да часовъ съ 8-ми, а иногда съ 6, и до 10, либо до 12 ночи.

— Господи, да вѣдь это по 18 часовъ въ сутки! Неужто и пятилѣтніе ребята по стольку работаютъ?

— Да, работаютъ. Инда жалко смотрѣть, какъ у такого пузыря глаза слипаются, а хозяйка хлещетъ его!

— Что ты тамъ разболталась? Работай! Рады отлынивать! крикнула хозяйка на дѣвочку.

Она замолчала. Я тоже не посмѣлъ распрашивать ее, чтобъ не досталось и ей изъ за меня.

Когда пробило на стѣнныхъ часахъ 12, хозяйка отпустила дѣтей. Мы легли спать, но долго мнѣ мерещился ребенокъ, котораго прибила при мнѣ хозяйка, и слышалъ я, какъ душилъ онъ свои рыданія; видѣлъ, какъ у него капали на работу слезы изъ глазъ.

Мы встали часовъ въ 8, комната была уже набита дѣтьми, которыя работали. Когда мы проходили, ни одинъ изъ нихъ не поднялъ даже головы, чтобъ не пріостановить работы.

Когда мы вышли на улицу, Николай спросилъ меня:

— Ну что, хорошо живутъ у насъ въ деревняхъ?

Я молчалъ.

— Вотъ что дѣлается съ народомъ оттого, что землей владѣютъ помѣщики! сказалъ Николай.

И сталъ онъ мнѣ объяснять, что пока земля не будетъ крестьянской, до тѣхъ поръ народъ всегда будетъ мучиться въ такой кабалѣ.

Я подумалъ о русскомъ народѣ и сказалъ:

— Правду истинную говоришь ты. Да только какъ горю-то пособить?

— Какъ пособить? началъ Николай и посмотрѣлъ на меня.

Я ждалъ, что онъ будетъ говорить, но онъ вмѣсто того сказалъ:

— Подумай самъ! и замолчалъ.

— Да что это, говорю, ты точно дразнишь меня! Поднесешь кусокъ къ самымъ губамъ, а чутъ я ротъ открою, ты сейчасъ назадъ!

— Смотри вонъ на того человѣка, сказалъ Николай, и онъ указалъ мнѣ на садовника, который поливалъ деревья, посаженныя вдоль дорожки, потому мы въ это время подошли къ барскому саду.

— Ну, чтожь, говорю, садовникъ деревья поливаетъ!

— Такъ! Да только всѣ-ли подъ рядъ?

Я присмотрѣлся.

— Нѣтъ, говорю, онъ прежде смотритъ на листья; коли сухіе, не поливаетъ.

— То-то же, говоритъ Николай. Смекни-ка теперь, что къ чему.

Только потомъ я догадался, а тогда ничего я не понялъ.

VII.

Къ обѣду мы пришли на заводъ и тотчасъ-же явились въ контору. Иотомъ мы пошли искать гдѣ бы поселиться и обѣдать, потому здѣсь у рабочихъ все должно быть отъ себя.

Долго мы искали, потому всюду было биткомъ набито. Дѣло въ томъ, что здѣсь тому, на чьей

землѣ домъ построенъ, приходится особую подать платить. А какъ вся земля тутъ помѣщичья, то помѣщики и запрещаютъ строить для рабочихъ дома около заводовъ и фабрикъ. Вотъ и приходится рабочимъ нанимать углы по деревнямъ у мужиковъ и оттуда ходить на работу, часто верстъ за 6, за 7. Такъ же точно пришлось и намъ.

На другое утро, чуть свѣтъ, мы поднялись и пошли на работу. Мы пришли какъ разъ къ сроку, потому что рабочіе уже собрались и сейчасъ должны были идти на работу. Мы стали въ свой десятокъ, и я началъ разсматривать своихъ товарищей. Я уже зналъ, каково живется здѣсь рабочимъ, и потому ждалъ, заранѣе, что увижу людей въ лохмотьяхъ, изморенныхъ работой. Но все таки я ужаснулся, когда увидѣлъ своихъ товарищей, такъ они были изморены, болѣзненны, тщедушны.

Потомъ насъ повели на работу. Это была не работа, а сущая каторга. Работали мы по 15 часовъ въ сутки, а коли сосчитать, сколько на проходъ уйдетъ, такъ выходили всѣ 18. Однако у насъ считался рабочій день сокращеннымъ: на сосѣдскомъ заводѣ работали по 16 и 17 часовъ въ день. Работа была каторжная какъ есть. Приходилось таскать такія тяжести, возить такія тачки, что иногда искры изъ глазъ сыпались.

А работали не одни мужики, но и бабы и дѣти. Жалко было смотрѣть на нихъ, въ особенности на дѣтей. Тутъ были 8-ми, 7 и 6-лѣтніе мальчики и дѣвочки, которые должны были работать по стольку-же часовъ, какъ и большіе. Имъ приходилось таскать кирпичи и носить глину изъ ямъ. Несчастныя дѣти карабкались за непосильною тя-

жестью по скользкимъ скатамъ ямъ, скользили, падали вмѣстѣ съ грузомъ, снова подымались и опять тащили, изогнувшись въ три погибели. И такъ мучились они по 15 часовъ!

Къ концу работы я такъ замаялся, что руки и ноги стали у меня точно чужія. Поздно вечеромъ мы пошли домой.

Вотъ дорогой я говорю Николаю:

— Видѣлъ я муки парода вашего. Видѣлъ я, какъ живется народу въ городѣ и думалъ тогда, что горше этого ничего въ вѣкъ не увидѣть мнѣ. А въ деревнѣ я увидѣлъ еще горше! Опять подумалъ я, что худшаго не увижу, а на заводѣ увидѣлъ еще худшее! Скажи-же мнѣ, неужто этому не будетъ конца? Неужто еще худшее доведется увидѣть мнѣ?

— Не знаю, доведется ли тебѣ увидѣть худшее, сказалъ Николай. А что народу доведется дожить до худшаго, такъ это вѣрно.

— Господи, что-же это будетъ! воскликнулъ я.

— Слушай, я разскажу тебѣ, что будетъ! сказалъ Николай.

Ты видѣлъ, какъ у насъ работаютъ. Видѣлъ, что не одни большіе, а и маленькія дѣти такъ работаютъ. А вѣдь коли скотину заставлять работать, пока она растетъ, да кормить въ проголодь, такъ потомъ, какъ ее ни корми, она все хилой останется. А вѣдь этимъ-то до старости никогда сытно поѣсть не удастся. Вотъ отчего и выходятъ изъ нихъ чахоточные, больные люди, которые въ 25 лѣтъ кажутся настоящими стариками. А что будетъ дальше? Дальше будетъ еще хуже! Отъ хилыхъ отцовъ родятся такія-же хилыя дѣти. А этимъ дѣтямъ опять прійдется съ шести лѣтъ нести ту-же каторгу. И вотъ, во всемъ народѣ мало но малу

пропадетъ сила и здоровье, а вмѣстѣ съ ними пропадетъ и умъ, и смѣлость! Уже во многихъ губерніяхъ у насъ это началось, и недалеко то время, когда весь народъ сдѣлается болѣе похожъ на хилую рабочую скотину, чѣмъ на людей. Будутъ ѣздить на немъ богатые, будутъ бить его, будутъ мучить, а онъ, какъ забитая кляча, будетъ тащить ихъ на своей спинѣ, понуривъ голову. Вотъ, что ждетъ впереди народъ!

Николай кончилъ.

Ужасъ охватилъ мою душу, потому вспомнилъ я тутъ слова Мудрицы Наумовны: „Увидишь ты своими глазами, что ждетъ впереди русскій народъ!“

— Такъ вотъ, что ждетъ его! подумалъ я и закрылъ лицо руками. Слезы, какъ крупный дождь, закапали у меня изъ глазъ.

— Чего ты плачешь? тихо, спросилъ меня Николай.

— Плачу я о народѣ своемъ, который я люблю, сказалъ я. Плачу о томъ, что и его ждетъ тоже самое, потому и онъ въ кабалѣ у богатыхъ! Горе, горе ему! Горе и мнѣ, потому что я могу только плакать о немъ!

Николай подошелъ ко мнѣ, отвелъ руки мои и сказалъ:

— Не плачь!

Я поднялъ голову, потому что что-то невѣдомое было въ его голосѣ.

— Нѣтъ! не погибель ждетъ народа, сказалъ онъ, потому что онъ можетъ спастись отъ своихъ мукъ. Не плакать о немъ, а помочь ему долженъ ты. Пойдемъ, и я все открою тебѣ.

VIII.

Мы пошли по дорогѣ, освѣщенной полнымъ мѣсяцемъ.

И разсказалъ мнѣ Николай, какъ послѣ долгихъ мукъ, рабочіе поняли наконецъ, что не будетъ конца ихъ мученіямъ, коли не соединятся они и не поднимутся противъ враговъ своихъ. Какъ рѣшили они составить союзъ, куда вошлибы рабочіе всего міра, потому что у всѣхъ рабочихъ одни и тѣже враги — цари, помѣшики, купцы, одна и таже цѣль — избавиться отъ всѣхъ ихъ.

Расказалъ онъ мнѣ, какъ росъ не по днямъ, а по часамъ этотъ союзъ. Какъ подобно громадному дереву развѣтвлялся онъ все шире и шире, и все глубже и глубже пускалъ онъ корни свои. Какъ среди всѣхъ народовъ есть уже участники его, и какъ свѣтъ расходится отъ нихъ, подобно свѣту отъ звѣздъ, разсѣянныхъ по темному небу.

И разсказалъ онъ мнѣ, какъ ужасомъ наполнились сердца злодѣевъ, потому почувствовали они, что приближается ихъ конецъ Какъ стали они гнать и преслѣдовать участниковъ этого союза, потому знали злодѣи, сколько злобы накопили они противъ себя въ сердцахъ народа.

И разсказалъ онъ мнѣ, какъ хватали распространителей этого союза, какъ судили они ихъ судомъ неправеднымъ, какъ сажали они ихъ въ тюрьмы, гдѣ не видѣли они свѣту бѣлаго, какъ ссылали ихъ въ безлюдныя страны, гдѣ самый воздухъ пропитанъ былъ смертью, куда и звѣри боятся забѣгать, куда и птицы не смѣли залетать.

Но не закрыть свѣта солнечнаго малой тряпицей!

Не удержать вѣтра буйнаго хворостиннымъ плетнемъ!

Не усидѣть ребенку малому на степномъ конѣ!
Не связать богатыря гнилыми лыками!

Уже просыпается богатырь и уже чуетъ онъ, что оковы на рукахъ его. И разорветъ онъ ихъ въ дребезги, лишь махнетъ руками богатырскими!

И горе тогда злодѣямъ, которые связали его, когда спалъ онъ непробуднымъ сномъ! —

Замолчалъ Пиколай, а я все слушалъ. И казалось мнѣ, что свѣтомъ небеснымъ озарились очи мои, и воскликнулъ я:

— Братъ мой возлюбленный! научи же ты меня, что долженъ я дѣлать, чтобы помочь вашему великому дѣлу? я жизнь радъ отдать за него!

И отвѣчалъ онъ мнѣ:

— Что должна дѣлать свѣча, когда огонь прикоснулся къ свѣтильнѣ ея? Она должна свѣтить всѣмъ находящимся въ комнатѣ. То же дѣлай и ты. Открывай глаза братьямъ своимъ, объясняй имъ, отчего происходятъ ихъ муки, показывай, гдѣ враги ихъ. — Пусть будетъ для тебя потеряннымъ тотъ день, когда не удалось тебѣ открыть глаза ни одному изъ братьевъ твоихъ. Пусть не будетъ у тебя ни одной думы, кромѣ этой!

— Хорошо, сказалъ я ему. Клянусь тебѣ, что исполню все то, что сказалъ ты мнѣ. Но скажи мнѣ, что же нужно еще?

И отвѣчалъ онъ мнѣ:

— Поклянись, что ни огонь, ни желѣзо, ни голодъ, ни жажда не заставятъ тея открыть того, что я скажу тебѣ.

И снялъ я съ груди мѣдный крестъ, которымъ благословила меня передъ смертью мать моя, и поклялся я на этомъ крестѣ великою клятвою, что не повернется языкъ мой, когда будутъ жечь меня медленнымъ огнемъ, когда будутъ рвать мое тѣло

раскаленными клещами. Поклялся я, что собственною рукою вырву языкъ свой, если хоть одно слово промолвитъ онъ. Поклялся, что готовъ умереть въ пыткахъ за великое дѣло освобожденія народа.

— Такъ будь же нашимъ товарищемъ! сказалъ мнѣ Николай. Великое и опасное дѣло задумали мы, но не страшно и голову сложить за него. Смотри на эту березу: уже пожелтѣли листья на ней и готовы упасть, но не успѣетъ она покрыться новыми листьями, какъ страшный пожаръ запылаетъ по всей странѣ.

Не успѣетъ замерзнуть этотъ ручей, какъ кровь широкимъ потокомъ устремится въ него и выйдитъ онъ изъ береговъ своихъ; потому приближается страшная смертельная борьба между рабочимъ людомъ и утѣснителями его.

Уже по всей странѣ разыпались наши друзья и товарищи; уже повсюду точатъ они въ тихомолку ножи и раздуваютъ фитили.

И скоро поднимется весь народъ на злодѣевъ своихъ: на всѣхъ помѣщиковъ, хозяевъ, чиновниковъ, отъ которыхъ нѣтъ ему просвѣта. Рѣкой польется кровь, огненнымъ моренъ запылаютъ пожары. Но, какъ ржавое желѣзо очищается въ горнѣ, такъ обновится и міръ послѣ этой борьбы.

IX.

Прошло нѣсколько недѣль. Работа потянулась у насъ день за днемъ. Цѣлый день намъ приходилось работать какъ каторжнымъ. Однако для Николая и это время не пропадало даромъ. Не

успѣли мы проработать и трехъ дней, какъ Николай зналъ уже всѣхъ товарищей. Мало того, онъ успѣлъ уже передружиться со многими, потому не видывалъ я человѣка, который скорѣе его умѣлъ бы дружиться съ людьми.

Во время работы онъ всегда перекидывался словцомъ съ тѣмъ, либо съ другимъ изъ своихъ товарищей, то насчетъ работы, то насчетъ житья, то насчетъ чего другаго. А самъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Потомъ я вилѣлъ, какъ подходилъ онъ то къ тому, то къ другому и толковалъ съ нимъ.

Разъ Николай сказалъ мнѣ: Въ воскресенье мы пойдемъ на сосѣдній заводъ. Тамъ живетъ нѣсколько нашихъ товарищей, которыхъ я покажу тебѣ.

Не могъ я дождаться, когда придетъ этотъ день, потому — ни о чемъ не могъ я думать кромѣ этого.

Заводъ, куда мы должны были идти, былъ верстахъ въ 15. Чуть свѣтъ поднялся я, разбудилъ Николая, и мы пошли. Когда мы подходили къ заводу, то я замѣтилъ, что онъ топится и на немъ работаютъ.

— Да неужто, говорю, у нихъ и праздниковъ нѣтъ?

— Да какъ же имъ быть-то? говоритъ Николай. Вѣдь тогда пришлось бы печи снова растоплять въ понедѣльникъ, а отъ этого печи портятся. А о томъ, что здоровье рабочихъ портится — объ этомъ некому думать.

У входа въ заводъ намъ встрѣтился одинъ рабочій. Онъ взглянулъ на насъ, и я невольно отскочилъ назадъ. — Я видѣлъ однажды человѣка, который отравился сѣрными спичками. Мнѣ показалось, что это онъ стоитъ передо мной. Лицо

старика было все посинѣлое. Губы отвисли, челюсти дрожали. Зубовъ не было ни одного, а изъ десенъ текъ гной.

Я остановился какъ вкопанный.

— Чего ты испугался? говоритъ Николай.

— Мертвый, отравленный!

— Да гдѣ?

— Вонъ — старикъ!

— А, вотъ что! сказалъ Николай. Да только какой онъ старикъ! Ему двадцать пять лѣтъ всего. Я его знаю, а что онъ на отравленнаго похожъ — такъ и не мудрено: вѣдь на работѣ они отравливаются по немногу каждый день.

Мы вошли на самый заводъ, и тутъ только я понялъ, какъ хозяева медленно отнимаютъ жизнь у своихъ рабочихъ.

Около печи стояло нѣсколько большихъ котловъ, а въ нихъ кипѣла сѣра и фосфоръ, которыми намазываютъ головки спичекъ. Отъ этихъ то котловъ поднимался ядовитый, вонючій паръ, отъ котораго духъ захватывало. Около котловъ стояли рабочіе и макали туда кончики спичекъ, которыя вставлены были въ дырочки большихъ досокъ. Между рабочими были женщины и дѣти 7 и даже 6-ти лѣтъ.

— Здѣсь по 16 часовъ работаютъ даже дѣти, сказалъ Николай. Ѣдятъ тоже здѣсь — значитъ, все время вдыхаютъ ядовитые пары и медленно отравляются. Вотъ почему въ 25 лѣтъ они становятся ходячими мертвецами.

Мы спросили, гдѣ Матвѣй. Намъ сказали, что онъ перешелъ на стеклянный заводъ, и указали, гдѣ онъжи ветъ.

Вскорѣ мы подошли къ дому, гдѣ жилъ Матвѣй, и взобрались на самый чердакъ. Тамъ у него

была коморка въ одно окошечко, гдѣ онъ жилъ съ двумя товарищами. Когда мы вошли, онъ что-то писалъ, но замѣтивши Николая, онъ быстро всталъ и радостно поздоровался съ нимъ. Это былъ старикъ лѣтъ пятидести.

— Вотъ новый товарищъ нашъ, сказалъ Николай.

Глубокой радостью засвѣтилось суровое лицо старика, и крѣпко обнялъ онъ меня, не говоря ни слова.

Николай ушелъ повидать другихъ товарищей и обѣщалъ привести кого нибудь изъ нихъ, а мы остались вдвоемъ съ Матвѣемъ.

Много говорили мы съ нимъ, но всего памятнѣе мнѣ то, что онъ говорилъ про русскій народъ.

Онъ сталъ распрашивать меня, откуда я родомъ. Я сказалъ, что не изъ ихней я стороны, а изъ далекой, чужеземной, а пришелъ я къ нимъ, чтобы посмотрѣть, какъ у нихъ живется рабочему люду, потому у насъ — плохо.

— Да только вижу я, что у васъ еще хуже.

Онъ спросилъ, какъ же живется у насъ?

Я отвѣчалъ: Велика и обильна земля наша, широки наши рѣки безбрежныя, хороши наши луга поемные, высоки наши лѣса дремучіе, да и острогъ хорошъ, а скверно жить въ немъ острожникамъ.

И разсказалъ я ему, какъ всѣмъ завладѣли у насъ помѣщики, и какую муку безъисходную терпитъ отъ нихъ народъ. Разсказалъ, какую волю далъ ему царь. Задумался Матвѣй, — наконецъ спросилъ.

— Ну, такъ значитъ теперь, у васъ весь народъ долженъ идти наниматься въ батраки къ

тѣмъ же помѣщикамъ, либо поступать на фабрики и заводы къ купцамъ?

— Да, онъ долженъ, отвѣчалъ я, потому безъ этого онъ перемеръ бы съ голоду.

И сказалъ мнѣ Магвѣй:

— Горе же, горе народу вашему!

— Отчего? спросилъ я.

— Страшныя муки ждутъ дѣтей его. Волосы встали бы дыбомъ у тебя, если бы ты увидѣлъ ихъ! Какъ охотнику, который уже совсѣмъ измучился въ борьбѣ съ волкомъ, не устоять, коли медвѣдь кинется на него, такъ и вашему народу, который уже доведенъ до теперешняго рабства помѣщиками, не устоять, когда богатые вцѣпятся ему въ горло.

И прочиталъ онъ мнѣ изъ старыхъ книгъ, какъ жилось англійскому народу встарину, когда онъ только что началъ работать по найму на богатыхъ. И узналъ я изъ этихъ книгъ, что не было тогда народа богаче и свободнѣе англичанъ. Не болѣе восьми часовъ работали они и заработывали столько, что всего 4 дня въ недѣлю работали, а остальные 3 дня гуляли, потому всего имъ въ волю было. А о женской и дѣтской работѣ тогда и помину не было!

— Съ тѣхъ поръ прошло менѣе 70-ти лѣтъ, сказалъ Матвѣй, и въ эти 70 лѣтъ богатые закабалили насъ такъ, какъ никогда никакіе помѣщики закабалить не могли. Работаемъ мы не по 8, а по 16-ти часовъ въ день. Не 4 дня, а подчасъ и всѣ 7 дней въ недѣлю, да и не одни, а съ женами и малыми ребятами. А что мы заработываемъ! Скатина у самаго сквернаго хозяина живетъ лучше, чѣмъ мы живемъ!

— Скажи же мнѣ, какимъ колдовствомъ богатые въ 70 лѣтъ довели до этого народъ?

— Не колдовствомъ, а голодомъ, сказалъ Матвѣй. Коли народъ вольный, да нечего ему ѣсть, такъ онъ тоже, что конь, съ котораго сбросили узду, да накинули ему на шею арканъ; богатые голодомъ держатъ его въ такой же неволѣ, какъ держали помѣщики палкой. Да только та разница, что какъ арканъ съ каждой минутой все туже и туже душитъ шею коня, такъ и богатые — голодомъ забираютъ народъ все въ горшую и горшую неволю.

Есть предѣлъ грабительству самыхъ жадныхъ помѣщиковъ — это ихъ собственная выгода. Коли помѣщикъ заморитъ своихъ крѣпостныхъ непомѣрной работой, то онъ самъ раззорится, потому что весь свой доходъ онъ получаетъ отъ работы своихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Онъ не можетъ обмѣнить ихъ на новыхъ, свѣжихъ. А коли теперь помѣщикъ или фабрикантъ нанимаетъ рабочихъ и голодомъ заставляетъ ихъ согласиться работать столько, что они въ нѣсколько лѣтъ потеряютъ силу и здоровье, то отъ этого ему кромѣ выгоды ничего не будетъ. Онъ прогонитъ заболѣвшихъ и слабыхъ, а на ихъ мѣсто найдетъ сотни охотниковъ, которые изъ за куска хлѣба пойдутъ на какую хочешь каторгу. Вотъ почему нѣтъ предѣла кровопійству богатыхъ. Вотъ почему они пользуются несчастіемъ народа и голодомъ заставляютъ его нести такую муку, какую ты у насъ, видишь. А вѣдь то, до чего они доведутъ васъ, еще страшнѣй того! Горе же, горе народу твоему! Горе отцамъ, которые радуются на дѣтей своихъ! горе матерямъ, которыя кормятъ и лелѣютъ младенцевъ своихъ!

Ужасны муки народа нашего, а о томъ, до чего доведутъ они васъ, даже и подумать страшно! Откройте же глаза и взгляните на пропасть, передъ которою стоите! Вы избавились отъ кабалы помѣщичьей, а ждетъ васъ еще худшая кабала — купеческая. Все отнимутъ у васъ купцы, какъ у насъ отняли. Будутъ они замаривать васъ на своей проклятой работѣ, какъ насъ замариваютъ. Потеряете вы силу и здоровье на ней, какъ мы потеряли. Поднимитесь же, пока не поздно, пока купцы не насосались вашей крови, пока не окрѣпли они какъ у насъ, потому тогда трудно будетъ справиться съ ними. Поднимитесь, пока не отняли они у васъ силы и здоровья, которыя еще остались отъ помѣщиковъ, потому тогда уже не подняться вамъ.

Умолкъ Матвѣй, а я подумалъ: Правду истинную сказалъ онъ. Вернусь же я къ народу русскому и скажу я всю правду братьямъ моимъ.

Но тутъ подумалъ я о темнотѣ народа русскаго и сказалъ я:

— Правдивы слова твои, но не сказалъ я тебѣ про величайшее несчастье народа нашего: Опутали злодѣи умъ его. И слушаетъ онъ ихъ, и покорно, какъ волъ несетъ онъ ярмо свое!

— Нѣтъ народа, который былъ бы глухъ къ словамъ правды, сказалъ Матвѣй, какъ нѣтъ человѣка, который не захотѣлъ бы пить чистую воду, когда ему дадутъ ее вмѣсто грязной. Много вѣковъ затемняли народъ попы, чиновники и всякіе лжецы и лицемѣры. Но во вѣки не затемнить имъ его въ конецъ, потому что противъ нихъ правда, которая живетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Тысячу лѣтъ попы твердили народу, что господа, чиновники и богатые должны жить въ

свое удовольствіе, а народъ долженъ терпѣть для этого вѣчную муку; что народъ долженъ работать хуже скотины, чтобы господа могли ничего не дѣлать; что народъ долженъ голодать, чтобы они могли объѣдаться.

Что же, развѣ народъ повѣрилъ имъ?

Нѣтъ. Если бы они еще тысячу лѣтъ твердили объ этомъ народу, то и тогда, въ глубинѣ души, онъ никогда не повѣрилъ бы. Сердце народа — это родникъ, который засорился. Копни его раздругой лопатой, и чистая струя брызнетъ изъ него и сама собой снова очиститъ его. Не очищать, а только копнуть приходится всякому, кто проповѣдуетъ народу истину.

— Но мало у насъ людей, которые пошли бы открывать народу правду, сказалъ я.

— Но когда же, и гдѣ же ихъ было много? отвѣчалъ Матвѣй. Вѣдь и у тѣхъ народовъ, которые поднимаются противъ враговъ своихъ, такихъ людей не много. Всегда и повсюду немного. Всегда и повсюду немного насъ, но велика наша сила. Много нужно людей согнать, чтобъ вскатить камень на высокую гору, а съ горы и одинъ человѣкъ скатитъ его. Много нужно поповъ да лгуновъ разныхъ, чтобы обморочить народъ, потому что противъ нихъ правда, скрытая въ сердцѣ каждаго человѣка. Намъ же не нужно много, чтобы открыть народу то, что и безъ насъ онъ чувствуетъ уже, чтобы разорвать на глазахъ его пелену, которая уже сама надтреснута. Мы — искры, брошенныя въ скирду соломы. Одна искра зажигаетъ цѣлый стогъ, а отъ него загорается все поле.

Въ это время сзади насъ послышался шорохъ. Я обернулся и увидѣлъ, что въ комнатѣ былъ

Николай, а съ нимъ еще два человѣва. Они, какъ видно, уже давно вошли, но мы не замѣтили ихъ. Они поздоровались со мной, какъ съ роднымъ и сѣли за столъ. Мы начали разговаривать.

Я спросилъ, много ли ихъ? Они сказали, что человѣкъ двѣнадцать.

— Гдѣ же другіе, спросилъ я.

— На сосѣдніе заводы разошлись повидать своихъ знакомыхъ, отвѣчали они.

И разсказали они, какъ быстро ростетъ ихъ союзъ; какъ жадно слушаетъ вась придавленный людъ ихъ слова.

— Но приближается время, когда мы еще не то увидимъ, сказалъ Матвѣй.

И разсказалъ онъ намъ, что недавно царь объявилъ войну сосѣднему царю, чтобъ увеличить свою землю и свою власть.

— Но въ гордости своей онъ не видитъ, что идетъ къ собственной погибели, сказалъ Матвѣй. Страшная это будетъ война. Много крови и денегъ будетъ она стоить народу. Никогда еще не приходилось ему нести такого бремени, какое онъ несетъ черезъ нее. И горе всѣмъ богатымъ и власть имѣющимъ, которые налагаютъ на народъ эту послѣднюю тягость. Какъ вѣсы отъ послѣдняго фунта падаютъ къ землѣ; какъ быкъ отъ послѣдняго удара теряетъ терпѣніе и взбрасываетъ на рога своего вожатаго, — такъ и народъ не вынесетъ наконецъ всѣхъ мукъ своихъ.

— Великія дѣла, быть можетъ, увидимъ мы, сказалъ Матвѣй.

Много еще говорили мы, и давно уже прокричали пѣтухи, когда мы ушли отъ Матвѣя.

Почти цѣлую ночь шли мы до завода и не пошли уже ночевать домой, а легли подъ стогомъ, чтобы соснуть часа два передъ работой. Но никогда не помню я такой хорошей ночи!

На другой день мы встали на работу проспавши всего часа полтора, но никогда не было у меня такъ легко не сердцѣ!

X.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Слова Матвѣя начали сбываться, какъ нельзя больше.

Началась страшная война. Рекрутовъ все набирали да набирали. Для войны забирали у мужиковъ лошадей и скупали по казенной цѣнѣ хлѣбъ, такъ что начался уже въ нѣкоторѣхъ мѣстахъ голодъ. Волненіе росло съ каждымъ днемъ. Повсюду: въ кабакахъ, на площадяхъ слышались самые бунтовскіе разговоры:

— А будь они прокляты со своею войною, говорили въ одномъ мѣстѣ.

— Самихъ-бы перерѣзать, чтобы не губили попусту народъ.

Въ другомъ мѣстѣ говорилось:

— Вишь подлое отродье! Небось не продаютъ своихъ каретъ да золотыхъ вещей, а у насъ послѣднюю лошаденку, послѣдній кусь хлѣба отнимаютъ. Ну — да погодите! Отзовутся кошкѣ мышкины слезы!

— Ну, будетъ каша, говаривалъ Николай, слушая такія рѣчи.

Понятно, что нашъ союзъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Не прошло и мѣсяца послѣ того, какъ

мы поселились на заводѣ, а у насъ было уже человѣкъ 10 товарищей, на которыхъ можно было положиться, какъ на каменную гору. Однако легко можно было набрать и втрое больше, но Николай и прочіе товарищи всегда говорили мнѣ:

— Пусть лучше будетъ меньше, да надежныхъ. Одинъ можетъ испортить все дѣто своею неумѣлостью, либо болтовней.

— Да вѣдь зачѣмъ-же терять другихъ-то отвѣчалъ бывало я.

— Кто-жъ тебѣ говоритъ, что мы ихъ теряемъ. Коли нашелъ ты человѣка, что не труситъ, а пойдетъ за правое дѣло, не теряй его. Веди съ нимъ знакомство. Держи его на примѣтѣ. Но коли онъ либо болтаетъ зря, либо пьяница, либо не твердъ въ мысляхъ — сегодня одно, завтра другое, такъ не говори ему ничего до поры до времени. Держи его на готовѣ. А какъ настанетъ время, открой ему. Тогда ты не только ничего не потеряешь, а выиграешь: эти люди — что солома: вспыхнетъ сразу и загорится, за то скоро и потухнетъ. Нельзя зажигать солому прежде времени. Въ нашемъ союзѣ должны быть люди, похожіе на раскаленное желѣзо: одинъ кусокъ зажжетъ не только стогъ соломы, а и костеръ самыхъ сырыхъ дровъ.

Подумавши, я тоже сознался, что они правду говорятъ.

Разъ Николай сказалъ намъ:

— Время приближается. Нужно собраться со всѣми силами. Пошлемъ за Андреемъ. Пусть онъ поступитъ на прокатный заводъ, что недалеко отъ насъ. Въ городѣ и безъ него много нашихъ. А на прокатномъ нѣтъ никого. А коли онъ туда поступитъ, такъ черезъ нѣсколько недѣль будутъ десятки — я знаю его.

Всѣ мы согласились и рѣшили послать Андрею сколько нужно на проѣздъ изъ общественныхъ денегъ, что составились изъ тѣхъ, что каждый складывалъ, потому у него самого ничего не было.

Черезъ недѣлю Андрей уже былъ на прокатномъ заводѣ.

XI.

Прошло мѣсяца полтора. Разъ Николай сказалъ намъ, что Андрей прислалъ сказать ему, — пусть приходитъ: пора, молъ; Николай пошелъ и взялъ меня съ собой.

Заводъ былъ верстахъ въ 30-ти. Когда мы пришли, начало уже смеркаться. Андрей, какъ видно, ждалъ насъ, потому что, поспѣшно поздоровавшись, онъ вышелъ.

— Пойду къ своимъ, сказалъ онъ. Черезъ часъ зайду за вами. Подождите.

Черезъ часъ онъ дѣйствительно вернулся и сказалъ:

— Пойдемъ!

Мы вышли, и молча пошли за Андреемъ по извилистымъ и темнымъ переулкамъ. Наконецъ онъ остановился передъ одной избой и тихо шепнулъ:

— Здѣсь.

Пройдя черезъ темный дворъ, мы вошли въ избу. Въ ней уже сидѣло человѣкъ пятнадцать рабочихъ.

Тусклый свѣтъ сальной свѣчи освѣщалъ ихъ суровыя лица. Тутъ были и сѣдые старики, но больше молодыхъ и среднихъ лѣтъ. Лица были суровыя, закоптѣлыя отъ дыма, но смѣлыя и рѣшительныя. Особенно поразилъ меня одинъ чело-

вѣкъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять, но глаза горѣли какъ у юноши. Огромная голова его была покрыта всклокоченными сѣдыми кудрями.

— Это тоже изъ вашихъ? спросилъ я Андрея.

— Нѣтъ, его прислали рабочіе съ сосѣдняго литейнаго завода. Зовется Ѳомой Косымъ.

— Всѣ-ли? спросилъ хозяинъ дома.

— Всѣ! отвѣчали изъ толпы.

Тогда поднялся съ своего мѣста Андрей и началъ:

— Братья и товарищи! Каждому изъ васъ говорилось, за чѣмъ мы соберемся сегодня. Теперь я повторю это всѣмъ. Не за тѣмъ собрались мы, чтобы говорить о мукахъ нашихъ — онѣ написаны на нашихъ лицахъ, на нашихъ отрепьяхъ. Не за тѣмъ собрались мы, чтобы говорить объ обидахъ, которыя мы терпимъ отъ нашихъ хозяевъ — онѣ написаны въ памяти у каждаго. Собрались мы, чтобы рѣшить — будемъ ли мы еще терпѣть ихъ, или же попытаемся сбросить съ шеи хомутъ, который надѣтъ на насъ, — попытаемся подняться съ земли, на которую повалили насъ, и взглянемъ въ лице злодѣямъ? Уже соединились братья наши, чтобы встать на враговъ нашихъ, и вотъ теперь зовутъ они насъ стать за одно съ ними. И прислали они одного изъ среды своей, чтобы онъ принесъ намъ ихъ зовъ. Такъ выслушаемъ же, что они скажутъ и рѣшимъ потомъ, какъ намъ поступить.

Тогда всталъ Николай и сказалъ:

— Да, мы соединились, чтобы подняться противъ хозяевъ и помѣщиковъ, которые грабятъ насъ, и противъ властей, которыя защищаютъ ихъ, и мы зовемъ васъ — будьте съ нами за одно! Соединимся противъ враговъ нашихъ, чтобы от-

нять у нихъ землю и все, что добыто нашими трудами и отняго у насъ, — чтобы отнять у нихъ волю нашу, которой они лишили насъ, — отнять счастье, да котораго они одни не допускаютъ насъ.

Всякая тварь божья радуется вольной волею, у насъ однихъ отняли ее хозяева, помѣщики, да царь съ виновниками. Пташки вольныя гдѣ хотятъ собираютъ зернушки, и ни одна не скажетъ другой — эти зерна мои, и ты не смѣй брать ихъ. А помѣщикъ говоритъ: этотъ хлѣбъ, который ты добылъ своими трудами, и до котораго я пальцемъ не дотронулся — мой, и ты не смѣй брать его, а кормись изъ моихъ рукъ и за это будь рабомъ моимъ. Гдѣ хотятъ вьютъ гнѣзда птицы, гдѣ хотятъ роютъ норы звѣри, а намъ помѣщикъ говоритъ: это земля, до которой я не коснулся пальцемъ своимъ, этотъ лѣсъ, въ которомъ я ни одного деревца не посадилъ, — мои, и ты не смѣй строить избы для себя и дѣтей своихъ, а выпрашивай ее у меня и за это будь рабомъ моимъ. Нѣтъ у насъ земли, не на чемъ намъ жить съ дѣтьми нашими. И вотъ, бѣжимъ мы въ города, чтобы жить тамъ честнымъ трудомъ рукъ своихъ. Но изъ огня попадаемъ мы въ полымя. Изъ лапъ помѣщика попадаемъ мы въ лапы къ купцу. Работаемъ мы какъ каторжные, а всѣми богатствами, что дѣлаемъ мы своими руками, владѣютъ хозяева, а намъ бросаютъ сухую корку, чтобъ мы не померли съ голода — потому тогда некому было бы работать на нихъ. Когда же приходитъ старость, то и сухой корки не даютъ они намъ, потому не нужны уже мы имъ. Тогда за всю трудовую жизнь околѣвай съ голоду подъ заборомъ, какъ собака! Братцы! Да гдѣ-же

послѣ этого правда? Развѣ мы не такіе же люди, какъ они? Развѣ справедливо, чтобы весь народъ не зналъ ни отдыха, ни радости для того, чтобы кучка богатыхъ бездѣльничала, да издѣвалась надъ нимъ? Нѣтъ, братцы, довольно уже терпѣли мы надъ собою всякую неправду. Самая смирная скотина начинаетъ лягаться, когда слишкомъ сильно бьешь ее. А надъ нами издѣваются хуже, чѣмъ надъ всякой скотиной! Поднимемся-же, братья, на нашихъ мучителей: Ложью и неправдою наполнили они всю землю. Очистимъ-же землю отъ нихъ! Съ ними вмѣстѣ пропадетъ вся дожь и неправда. Не будетъ ни обмана, ни корысти, ни насилія, потому нѣтъ ихъ въ сердцѣ рабочаго народа. Все это отъ нихъ происходитъ, — отъ нищеты и темноты, въ которой они держатъ народъ. Такъ соединимся-же, братья, коли не хотите вы дольше терпѣть надъ собой неправды. Соединимся, потому только въ союзѣ можемъ мы одолѣть.

— Правда, правда! заговорили въ толпѣ.

— Довольно терпѣть! Натерпѣлись!

— Ужъ всѣ семь шкуръ содрали съ насъ.

— Самое тѣло ужъ рвутъ! Довольно имъ въ зубы смотрѣть!

Тогда снова заговорилъ Андрей.

— Ну, братцы, коли всѣ согласны, такъ нечего тянуть. Давайте потолкуемъ, какъ намъ поскорѣе за дѣло приняться, потому время теперь такое, какого не дождаться намъ.

— Вѣрно не дождаться, сказалъ Алексѣй, молодой парень изъ прокатчиковъ; народъ — что котелъ на огнѣ кипитъ.

— Такъ за дѣло, братцы — заговорили прокатчики, — нечего тянуть!

Тутъ поднялся Ѳома, тотъ самый, про котораго я Андрея спрашивалъ.

— Дайте слово молвить, братцы; — сказалъ онъ.

— Говори, говори!

— Хорошо то, что говорили Николай съ Андреемъ, началъ онъ; еще лучше, что вы хотите ихъ послушать. Да только вотъ что я скажу вамъ: не выходи зря на медвѣдя; подумай прежде, по тебѣ ли охота, и тогда уже иди. Худо, коли, завидѣвши его, ты скажешь! зачѣмъ я пошелъ? Тогда уже поздно будетъ ворочаться-то. Я, братцы, первый разъ васъ вижу и, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, не знаю, что вы за охотники. Вотъ почему я спрашиваю васъ, подумали ли вы? Не шуточное дѣло бунтъ, нельзя зря идти на него. Лучше не начинать, чѣмъ, начавши, оглядываться да пятиться. Такъ подумайте же теперь, точно ли нѣтъ вамъ другаго спасенія? Отъ хозяевъ да помѣщиковъ нечего ждать пощады, но, можетъ быть, царь защититъ насъ; можетъ быть, онъ только не знаетъ нашихъ мукъ, а какъ узнаетъ, такъ уйметъ нашихъ грабителей? Такъ не послать ли намъ къ нему ходоковъ?

Громкій хохотъ прокатился по всему собранію.

— Вишь, что выдумалъ! говорили прокатчики. Шутникъ, право слово! Дуракомъ прикидывается! Точно не знаетъ, сколько нашихъ ходоковъ по острогамъ сидитъ.

Другіе даже обозлились, потому, видно, за живое задѣло.

— У меня два сына въ ходокахъ были; — сказалъ старый сѣдобородый прокатчикъ Лука. До самого царя доходили. Взялъ бумагу да генералу своему передалъ. А потомъ сыновъ-то моихъ въ

острогъ! и теперь сидятъ. Вотъ больше ничѣмъ и не послужили міру честному. Нечего, братцы, болтать зря. Ну его!

— Нѣтъ, погодите, братцы, сказалъ Алексѣй; дайте слово молвить.

— Чудной ты человѣкъ, Ѳома, началъ онъ, когда всѣ пріумолкли; — коли ты думаешь, что охотникъ побоится на медвѣдя идти, такъ послалъ бы ты его хоть волковъ бить, а ты говоришь ему: не хочешь ли, другъ, въ пеньки пострѣлять! Коли бабѣ молоко нужно, да не можетъ она корову завести, такъ ты присовѣтывалъ бы ей завести хоть козу, а ты говоришь: не хочешь ли, милая, козла подоить! Неужто ты думаешь, что мы не знаемъ, что не дождаться намъ отъ царя спасенья, какъ отъ козла молока? Ты говоришь, царь, можетъ быть, уймётъ нашихъ грабителей. Да какъ ихъ унять? Одно только есть: отнять у нихъ землю и капиталы. Коли земля да капиталы ихними останутся, такъ вѣдь, самъ ты полѣзешь къ нимъ въ кабалу и еще кланяться станешь, потому безъ этого прійдется тебѣ помирать съ голоду.

Такъ намъ ждать, значитъ, что царь отниметъ у помѣщиковъ землю, а у купцовъ капиталы, да раздастъ намъ? Да вѣдь это то же, что ждать, что волкъ загрызетъ волчатъ своихъ за то, что они овецъ дерутъ!

Али кому невѣдомо, что искони вѣковъ цари только и думали, какъ бы утѣснить народъ, да помирволить своимъ друзьямъ, барамъ. Искони земля была нашей. А кто отнялъ ее, да отдалъ помѣщикамъ? — Царь. Искони народъ вольнымъ былъ, а кто закрѣпилъ его? — Царь. Кто пустилъ его по міру и отдалъ въ новую кабалу купцамъ

да тѣмъ-же помѣщикамъ? — Царь. Кто наложилъ на него тяжкія подати, какихъ платить онъ не въ силахъ? — Царь. Кто отнимаетъ у него сыновей, чтобы заставить служить себѣ? — Царь. Кто шлетъ противъ насъ войско когда намъ не въ моготу терпѣть и мы соединяемся противъ хозяевъ, либо помѣщиковъ? — Царь! Такъ чего же ждать отъ него, коли искони вѣковъ кромѣ зла ничего мы отъ него не вѣдаемъ? Чего слать къ нему ходоковъ?

— Вотъ это ладно сказано. Нечего болтать про ходоковъ; — заговорила толпа.

— Вѣстимо нечего; — сказалъ другой парень. — Зачѣмъ царю наши ходоки? Чтобы повѣстить его о неправдѣ, которую терпимъ мы? Онъ, вишь, не знаетъ, что насъ грабятъ помѣщики да хозяева. Не знаетъ вѣрно, что и подати мы же ему платимъ. Да и недоимки, что вымучиваютъ у насъ, тоже не знаетъ, откуда берутся. Ничего онъ вѣрно не знаетъ. Коли узнаетъ, что мы терпимъ, такъ отдастъ намъ перво на перво помѣщичью землю. Потомъ, можетъ, и капиталы купеческіе. А то можетъ и подати собирать не станетъ и казну свою раздастъ, а самъ станетъ своимъ трудомъ жить? Такъ что ли? Вся бѣда, что ничего онъ не знаетъ про наши муки?

Слыхалъ я пословицу: шила въ мѣшкѣ не утаишь, а тутъ быка завязали въ мѣшокъ. Мечется онъ да ревѣтъ, а царь держитъ веревку, да увѣряетъ, что ничего онъ не слышитъ!

Нѣтъ, братцы, и безъ насъ онъ все знаетъ, потому правда, что вода: набери воды въ пригоршню и держи какъ хочешь крѣпко, все она прольется сквозь пальцы. Не можетъ того быть, чтобъ не зналъ царь про наши муки. Ужъ не

первый годъ, какъ мучимся мы, а все ничего отъ царя, кромѣ новыхъ утѣсненій, не видимъ. Значитъ, онъ либо не хочетъ, либо не можетъ помочь намъ. Такъ нечего ужъ намъ надѣяться на него: нечего молить дубъ, чтобъ вмѣсто желудя онъ выростилъ сладкія груши, молить сухой песокъ, чтобъ вмѣсто ковыля онъ выростилъ пшеницу. Искони вѣковъ ростутъ на дубѣ горькіе желуди и до скончанія вѣка будутъ они рости на немъ, потому на то онъ и дубъ. Искони вѣковъ ничего кромѣ бурьяна не росло на сыпучемъ пескѣ, не выростетъ и по вашей мольбѣ.

Тогда снова поднялся Ѳома и сказалъ.

— Все, что говорили вы, братцы, какъ есть вѣрно. А все таки, я скажу — подумайте, потому не все еще обдумали вы. Знаете ли вы, что такое бунтъ? Я разскажу вамъ это.

Когда мнѣ было десять лѣтъ, я помню, какъ наша деревня отказалась платить подати. Нѣсколько дней было на деревнѣ необыкновенно тихо. Наконецъ въ субботу (никогда не забуду я этого дня) утромъ насъ разбудилъ страшный шумъ. Я вскочилъ, подумавши, что должно быть пожаръ. Отецъ тоже проснулся. Взглянулъ въ окно и крикнулъ: солдаты! Я ничего не понималъ. Отецъ схватилъ что-то въ руки, заперъ насъ въ чуланъ и выбѣжалъ на улицу. Мы сидѣли ни живы, ни мертвы. Шумъ и крики все усиливались. Потомъ сразу стало все тихо, точно всѣ внезапно умерли. Еще страшнѣй стало намъ отъ этой тиши. Вдругъ раздался страшный трескъ, отъ котораго нѣсколько стеколъ разбились въ дребезги. А за нимъ послышались стоны и топотъ, какъ отъ бѣгущей толпы.

Вдругъ мнѣ показалось, что я услышалъ стонъ отца. Тутъ пропалъ мой страхъ. Я вырвалъ пробой, выбѣжалъ на улицу да такъ и обомлѣлъ. Я увидѣлъ отца, который лежалъ на землѣ посреди лужи крови. Изъ груди его ключемъ била красная кровь. Голова была раскроена какъ будто топоромъ, и все лицо было залито кровью. Около него не было никого; одна собака жалобно выла надъ нимъ потому что всѣ бѣжали отъ солдатъ, а они гнались за бѣгущими и стрѣляли имъ въ догонку.

Я видѣлъ, какъ падали на землю старики женщины, молодые парни, а солдаты топтали нхъ ногами.

Что было дальше — не знаю; потому тутъ выбѣжала изъ чулана моя старшая сестренка. Она схватила меня за руку, и мы убѣжали съ ней въ лѣсъ.

Три дня скитались мы по лѣсу ничего не ѣвши, а все не смѣли вернуться въ деревню. Наконецъ, на четвертый день голодъ заставилъ насъ прійти. Но что мы увидали! Вся деревня была выжжена! Весь хлѣбъ истоптанъ или съѣденъ конями. Всю скотину угнали или зарѣзали. Не было семьи, гдѣ бы не было убитаго или раненнаго!

Вотъ, братцы, что такое бунтъ. Пойдете ли вы на это?

Слова Ѳомы подѣйствовали на многихъ, — многіе опустили головы.

Тогда быстро поднялся Андрей. Лицо его было блѣдно, глаза горѣли, губы дрожали отъ гнѣва.

Онъ посмотрѣлъ на Ѳому и сказалъ:

— Что ты намъ глаза отводишь? что ты намъ жалостныя слова говоришь? Да, бунтъ страшное дѣло, а развѣ покорство не страшнѣй того?

Разскажу я тоже тебѣ одинъ случай, я ты ужъ сообрази, чей пострашнѣе будетъ.

Въ нашемъ уѣздѣ было много болотъ и много народу мерло отъ нихъ, потому никогда не переставала у насъ холера и другія болѣзни. Вотъ и рѣшили у насъ высушить эти болота. Ну, хорошо, высушили. Только вдругъ оказывается, что народъ сталъ умирать еще пуще прежняго. Отчего бы это, думали. Вотъ позвали мы человѣкъ пять докторовъ, чтобъ они сказали, въ чемъ дѣло. Пріѣхали, осмотрѣли все, какъ слѣдуетъ. Какъ ты думаешь, что они сказали намъ? Отчего мерло у насъ столько народу? Да оттого, что, какъ осушили болота, такъ завели у насъ фабрики и заводы. Отъ работы на нихъ меръ народъ пуще, чѣмъ отъ холеры и другихъ болотныхъ болѣзный!

Вотъ что такое фабричная работа! А вѣдь такъ работаютъ повсюду. Вѣдь во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ есть у насъ фабрика и во всѣхъ ихъ такая же работа. А развѣ батракамъ, что у помѣщиковъ работаютъ, легче живется?

Да, братцы! Нигдѣ рабочій человѣкъ не доживаетъ и половины вѣка, потому голодъ и нужда сводятъ его въ раннюю могилу. А развѣ легче умереть отъ голода, холода и чрезмѣрной работы, чѣмъ отъ пули? Нѣтъ; такая смерть много мучительнѣй! А вѣдь такъ гибнутъ каждый годъ сотни тысячъ нашихъ братьевъ! Вѣдь каждый годъ умираетъ отъ нужды половина всѣхъ дѣтей рабочихъ! Это пишутъ сами враги наши въ своихъ книгахъ. Гибнутъ, гибнутъ наши дѣти и братья безславно и безполезно, во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, въ домахъ и фабрикахъ, въ лѣсу и въ полѣ, чтобъ добыть барышъ для своихъ злодѣевъ!

Мать сыра земля, коли-бъ вернула ты всю нашу кровь, что невидимо пролита на тебѣ, то залила бы она всѣ города и села, наполнила бы всѣ рѣки и озера, и стала бы въ нихъ вмѣсто воды кровь человѣческая!

Ни одинъ бунтъ не погубитъ столько народу, сколько гибнетъ каждый годъ отъ каторжной работы на нашихъ злодѣевъ. Такъ нечего же намъ бояться бунта! Лучше бунтъ, чѣмъ покой!

Не больше насъ погибнетъ. А коли и больше, такъ вѣдь не даромъ! Не барышъ, а смерть злодѣямъ нашимъ принесетъ наша гибель. Такъ пойдемъ смѣло на такую гибель! Тонуть, такъ тонуть въ ихъ крови! Сгорѣть, такъ сгорѣть вмѣстѣ съ ними, поджигаючи своей рукой домъ, въ которомъ пируютъ они! Поднимемся-же, братья! Довольно мучили насъ! Довольно пили нашу кровь! Зальемъ теперь и мы всю землю кровью нашихъ злодѣевъ!

Андрей кончилъ свою рѣчь, какъ бы не человѣкъ говорилъ. Глаза его налились кровью. Голосъ былъ какъ ревъ дикаго звѣря. И всѣхъ насъ какъ огнемъ прожгло его слово.

Тогда поднялся Николай. Лицо его было печально.

— Нѣтъ, не на то зовемъ мы васъ, братья, тихимъ голосомъ началъ онъ: не крови злодѣевъ жаждемъ мы, а жаждемъ мы правды. Но не будетъ никогда правды на землѣ, пока цари, помѣщики да хозяева живутъ на ней. Ненависть же ихъ всѣмъ сердцемъ, потому это значитъ, что ты ненавидишь ложь и насиліе; но помни, что ты поднимаешься не для того, чтобъ пролить ихъ кровь и упиться ею, а для того, чтобы освободить отъ нихъ родъ человѣческій. Вотъ почему, братья,

соединимся! Только когда побѣдимъ мы враговъ нашихъ, враговъ рода человѣческаго; только тогда очистимъ отъ нихъ всю землю нашу.

Велика сила враговъ. Много разъ побѣждали они народъ, когда поднимался онъ противъ нихъ. Но отчего побѣждали они его? Развѣ оттого, что мала сила народная передъ ихнею? Нѣтъ! Насъ во сто разъ больше! Оттого побѣждали они, что не соединенъ былъ народъ. Онъ поднимался сегодня въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ. А враги всегда дѣйствовали дружно. Со всѣхъ концовъ царства собирали они солдатъ, когда не могли побѣдить народъ ближними войсками. Вотъ почему всегда побѣждали они. Въ союзѣ вся ихъ сила. Такъ соединимся-же, братья, и мы, чтобъ подняться какъ одинъ человѣкъ. И соединимся поскорѣе, потому никогда не было такого удобнаго времени. Не пропустимъ-же его, потому не вернется оно. Велико волненіе въ народѣ, а войска далеко. Враги не ждутъ ничего. Мы захватимъ ихъ врасплохъ, какъ ночной пожаръ, какъ землетрясеніе. Теперь должны мы подняться или никогда не подняться намъ. Теперь должны мы освободить себя, или никогда не освободиться намъ. Такъ неужели у насъ не хватитъ мужества? Неужели мы, какъ рабочая скотина, до самой смерти будемъ носить ярмо свое, чтобы передать его дѣтямъ? Братья! дѣти и внуки проклянутъ насъ за муки свои, потому скажутъ: они могли освободить себя и насъ, но не сдѣлали этого! Скажите-же: хотите ли вы воли, хотите ли счастья для себя и для дѣтей своихъ? или уже все, все и самую храбрость отняли у васъ ваши притѣснители?

Николай кончилъ.

Велико было дѣйствіе его рѣчи.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не хотимъ больше терпѣть! Мы поднимемся по нервому слову! — закричали всѣ какъ одинъ человѣкъ.

— Поднимемся; — тихо сказалъ одинъ сѣдой прокатчикъ. И если погибнемъ мы, то дѣти наши будутъ свободны и будутъ поминать они мучениковъ, что погибли за ихъ волю! Поклянемся-же, братья, что забудемъ мы себя и отдадимъ послѣднюю каплю крови за правое дѣло.

Какъ одинъ человѣкъ встали со своихъ мѣстъ всѣ и поклялись они подняться за свободу свою и дѣтей своихъ; поклялись стоять дружно; поклялись, что жизнь готовы сложить за правое дѣло!

— Клянусь и я за себя и за своихъ товарищей! прогремѣлъ чей то голосъ. Всѣ посмотрѣли: то былъ Ѳома. Но его нельзя было узнать теперь, потому казалось, что это другой человѣкъ. Онъ заговорилъ, и голосъ его гремѣлъ какъ труба.

— Да, мы съ вами за одно! Я говорилъ вамъ, что я видѣлъ, когда вернулся изъ лѣсу въ выжженную деревню. Но не все сказалъ я вамъ. Я не сказалъ вамъ, что поклялся отомстить злодѣямъ за смерть отца, за раззореніе семьи. Поклялся всю жизнь отдать на то, чтобъ поднять противъ нихъ народъ, чтобы истребилъ онъ ихъ съ лица земли! И вотъ теперь насталъ желанный часъ! Я вижу теперь, что скоро, скоро придетъ воздаяніе за всѣ муки народныя, за всѣ злодѣйства, что совершали надъ нами. Да, братья, всѣ мы поднимемся какъ одинъ человѣкъ! Всѣ мы пойдемъ на бой противъ злодѣевъ! У меня трое

дѣтей, которыхъ поведу я въ битву. И если убьютъ всѣхъ насъ, то я умру спокойно, потому что еще есть у меня трое, которые еще не могутъ держать топора, не могутъ поднять вилъ; они останутся и отомстятъ за насъ!

Поднимайтесь-же, братья! О насъ же не сомнѣвайтесь. Въ переднихъ рядахъ будемъ биться, и не увидатъ нашей спины враги наши, потому что скорѣе падемъ мы всѣ до послѣдняго, чѣмъ на шагъ отступимъ мы. Идите-же по заводамъ, по фабрикамъ, селамъ и городамъ и зовите другихъ, какъ насъ звали. Но будьте осторожны въ выборѣ, потому опасно дѣло наше. Испытайте товарищей прежде чѣмъ открываться имъ. А еще осторожнѣе соединяйтесь вы съ цѣлыми артелями. Еще тщательнѣе испытывайте ихъ. Не хорошо, когда между стропилами попало хоть одно гнилое бревно, потому что отъ него одного можетъ обрушиться крыша. Но горе, если цѣлый уголъ построенъ изъ гнилыхъ бревенъ, которыя не устоять при первомъ напорѣ вѣтра. Обрушится вашъ домъ и погубитъ онъ всѣхъ живущихъ въ немъ. Такъ будемъ-же смѣлы, какъ орлы, и осторожны, какъ дикія козы. Только тогда доведемъ мы до конца свое великое и опасное дѣло!

Велика была радость наша, когда мы услышали слова Ѳомы.

Радовало насъ то, что такой умный и твердый человѣкъ на нашей сторонѣ; еще больше радовало, что къ намъ вдругъ прибавилось столько повыхъ союзниковъ, которые стояли за нимъ.

Но всего радостнѣе было, что нѣтъ у насъ разногласія и что всѣ мы имѣемъ одинъ умъ и одно сердце.

— Не страшны намъ враги, коли всегда будемъ такъ дѣйствовать, думалъ про себя каждый изъ насъ.

Послѣ этого сейчасъ-же мы начали обсуждать, слѣдуетъ ли ждать, пока нашъ союзъ раскинется по всему царству, или подняться съ тѣми силами, какія у насъ есть.

Нѣкоторые хотѣли еще подождать, но бо́льшая часть была противъ того. Особенно стояли, чтобы не откладывать, Ѳома и Андрей.

Ѳома говорилъ:

— Хорошо, коли-бъ можно было сразу подняться всей землей, да только нельзя дожидаться намъ этого! Когда хозяинъ сушитъ хлѣбъ свой на полѣ, то онъ убираетъ его какъ только можно скорѣе. Онъ радъ бы оставить его еще посохнуть, но не дѣлаетъ этого. Почему? Потому знаетъ, что птицы расклюютъ его, пойдутъ дожди и помочать его, и тогда весь хлѣбъ пропадетъ. Точно также, братцы, съ нами! Опасно наше дѣло и каждую минуту можетъ погибнуть все, потому зорко смотрять за нами враги наши. Не тогда слѣдуетъ подниматься намъ, когда всѣ силы собрали мы, а когда у насъ собралось столько силы, что мы можемъ надѣяться на побѣду!

Братцы, нашихъ силъ довольно для этого! Мы успѣемъ продержаться противъ тѣхъ войскъ, которыя въ нашей губерніи. А пока враги соберутъ войска изъ дальнихъ концовъ, насъ уже будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, потому велико волненіе во всей землѣ; на него наша надежда. Такъ нечего же намъ медлить и откладывать, потому ничего добраго не дождаться намъ!

Тѣ, кто былъ на собраніи, порѣшили, что откладывать нечего и назначили оповѣстить объ

этомъ всѣ артели, чтобы каждая обсудила это дѣло и прислала отъ себя выборнаго. Срокъ и мѣсто, гдѣ собраться выборнымъ, назначены были тутъ же.

XII.

До срока оставалось очень мало. Это время всѣмъ намъ нужно было работать за четверыхъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше. Мы почти не ходили на работу, потому не о штрафахъ было думать. Каждый день приходилось навѣдываться по окрестнымъ деревнямъ, фабрикамъ и заводамъ, чтобы уговориться о разныхъ нужныхъ вещахъ съ нашими товарищами, и заводить какъ можно больше знакомствъ. Дѣло кипѣло у насъ. Всѣ были бодры и мужественны. Никто не падалъ духомъ. Откладывать почти никто не хотѣлъ. А волненіе народа все росло и росло. Наши ловко умѣли подливать масла въ огонь при удобномъ случаѣ. Но всѣ они были осторожнѣе, чѣмъ когда либо. Ни одинъ изъ постороннихъ и не подозрѣвалъ, что̀ готовится, потому никто ни единымъ словомъ не выдалъ себя. Рѣшено даже было не ходить по кабакамъ, хотя тамъ очень ловко было народъ мутить. Боялись, чтобъ за стаканомъ вина кто не проболталъ чего лишняго.

Наконецъ пришелъ назначенный день. Чуть свѣтъ Николай ушелъ, не сказавши мнѣ куда. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся, но уже не одинъ. Съ нимъ былъ высокій парень лѣтъ тридцати, одѣтый въ черный армякъ. Я зналъ всѣхъ друзей Николая, но этого никогда не видалъ, хотя по разговору сейчасъ видно было, что они давно и хо-

рошо знакомы. Забыть-же я его не могъ, потому что лицо его стоило разъ увидѣть, чтобы никогда не забыть. Оно было такое смѣлое и безстрашное, и я готовъ былъ биться объ закладъ, что этотъ человѣкъ во всю жизнь не зналъ, что такое страхъ.

— Онъ тоже пойдетъ съ нами? спросилъ я, отведя Николая въ сторону.

— Да, — отвѣчалъ онъ. — Это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Что же ты ничего не говорилъ мнѣ о немъ? спросилъ я.

— Я берегу его пуще глаза: нѣтъ человѣка полезнѣе его, и нѣтъ человѣка, которому было бы опаснѣе чѣмъ ему; потому зорко слѣдятъ за нимъ враги.

— Но кто же онъ? — воскликнулъ я.

— Не спрашивай, — отвѣчалъ Николай. Когда придетъ время, узнаешь. А до времени я ничего не скажу. Отведи этого человѣка въ горницу и смотри, чтобы никто де видѣлъ его. Побудь съ нимъ, а я соберу позавтракать.

Удивился я; однако сдѣлалъ все, что сказалъ мнѣ Николай.

Скоро онъ принесъ намъ въ горницу хлѣба съ квасомъ; мы позавтракали и пошли въ путь. Парень надѣлъ высокую шляпку на самыя уши и закуталъ лицо азямомъ, такъ что его совсѣмъ не было видно. У воротъ дома Семена Безпалова, гдѣ назначено было собраться намъ, встрѣтили мы Матвѣя, того самаго, который работалъ на стекляномъ заводѣ; мы поздоровались; онъ тоже спросилъ Николая, кто этотъ парень въ черномъ армякѣ, котораго онъ никогда не видалъ. Николай и ему не сказалъ.

Когда мы вошли въ квартиру Семена Безпалаго, то тамъ уже былъ Ѳома Косой и о чемъ то спорилъ съ хозяиномъ.

— Говорю тебѣ; — увѣрялъ хозяинъ, — парень хоть пьяница, а не выдастъ.

— Да все же на бога надѣйся, а самъ не плошай; — отвѣчалъ ему Ѳома. — Лѣшій его знаетъ, что онъ покажетъ; а хоть и не покажетъ, то все на слѣдъ наведетъ.

— Что у васъ тутъ? — спросилъ Николай.

Ѳома разсказалъ, что третьяго дня въ кабакѣ взяли Анчутку. Онъ невѣдомо какъ провѣдалъ что-то про Безпалова и пьяный болталъ при сотскомъ:

— Бытъ вамъ отъ Безпалова не только безъ пальца, но и безъ головы.

Сотскій сталъ ругать его, а онъ его еще пуще; разодрались. Анчутку посадили въ кутузку и третій день не выпускаютъ.

Ѳома говорилъ, что слѣдуетъ перейти на другую квартиру. Оказалось, что такой нѣтъ по близости; тогда онъ совѣтовалъ отложить на слѣдующую недѣлю, но почти всѣ были противъ этого.

— Довольно откладывать; куй желѣзо, пока горячо. Эка важность, что Анчутка пьяный наболталъ вздору; извѣстно пьяный, что съ него взять; а держутъ его, знамо, за то, что сотскаго прибилъ.

Порѣшили не откладывать; вскорѣ всѣ собрались. Тогда выборные по очереди вставали и говорили, какъ наказала имъ артель: откладывать или нѣтъ. Всѣ почти рѣшили не откладывать; было нѣсколько артелей, что хотѣли отложить, но когда они узнали, что всѣ другіе не хотятъ, то сказали, что съ радостью пойдутъ съ товарищами.

Тогда поднялся Ѳома и сказалъ:

— Братья и товарищи! Наступилъ самый счастливый часъ въ нашей жизни. Всю жизнь работали мы, чтобы дождаться этого часа. И вотъ теперь онъ наступилъ. Наконецъ то собрались мы, чтобы начать настоящее дѣло. Разсудимъ-же здѣсь все, что нужно, чтобы дѣлать все, какъ одинъ человѣкъ. Первое дѣло: когда начать? Потому начало самое важное.

— Послушайте, братцы, что я вамъ скажу; — началъ говорить Николай.

Всѣ пріумолькли.

— Никогда не дождаться намъ такого удобнаго времени какъ теперь, — продолжалъ Николай.

А въ этомъ времени самое лучшее, это — день рекрутскаго набора. Уже объявлено по волостямъ о наборѣ. Въ пятницу повезутъ рекрутовъ сдавать въ городъ. Вотъ этотъ-то день и слѣдуетъ намъ выбрать. Когда около рекрутовъ соберутся всѣ родные и друзья, когда начнется плачъ и рыданіе, мы кинемся на сдатчиковъ и отнимемъ рекрутовъ. Народъ навѣрно насъ поддержитъ. Всѣхъ рекрутовъ мы отнимемъ. Всѣхъ сдатчиковъ съ командой мы прогонимъ. Живо схватится весь народъ за топоры и вилы. А ужъ коли онъ разъ поднялся, такъ уже наше дѣло будетъ растолковать ему, что не удержать ему у себя дѣтей, коли всѣхъ враговъ не искоренитъ онъ.

— Вѣрно, вѣрно! Молодецъ! — загудѣло въ толпѣ.

— Какъ есть правда. Лучшаго дня не дождаться. Вѣрно!

— Кто противъ того, что говорилъ Николай, поднижись; — сказалъ Ѳома.

— Никого, никого! — загудѣло въ толпѣ.

Ѳома переждалъ; никто не поднимался.

— Ну, такъ значитъ, всѣ рѣшили выбрать рекрутскій наборъ?

— Да, да! — загудѣла толпа.

— Такъ теперь нужно рѣшить, кому подниматься первыми, — сказалъ онъ.

— Всѣмъ, всѣмъ разомъ; — загудѣла толпа.

— Хорошо бы это — говорилъ Ѳома, — да нельзя. Вѣдь наборъ то не въ одинъ день, а въ разные. Нельзя, чтобъ начали тѣ, у кого у первыхъ начнется наборъ, потому начало самое трудное. Нужно, чтобы оно навѣрное удалось. Значитъ, нужно крѣпко призадуматься, кому начинать первыми.

Всѣ пріумолкли, погому чувствовали, какое трудное дѣло рѣшить надо. Наконецъ поднялся Андрей.

— Намъ начинать; — сказалъ онъ. — Насъ много и недовольство большое. А народъ смѣлый и храбрый, какъ старые солдаты, что въ двадцати сраженіяхъ перебывали. Ни одинъ не испугается ни ружей, ни пушекъ, потому каждый день онъ на работѣ стоитъ подъ огнемъ хуже ружейнаго. Каждый день онъ для хозяйскаго барыша ходитъ бокъ о бокъ съ самой смертью. Неужто онъ испугается ея, когда поднимется за свое счастіе, за своего отца, за своихъ дѣтей? Намъ подниматься, братья.

— Нѣтъ, — сказалъ Николай. Ты правду сказалъ, Андрей, но вѣдь и у насъ народу не мало, и у насъ не трусы. А кромѣ того у насъ есть еще то, чего нѣтъ у васъ: у насъ есть оружіе. Въ пяти верстахъ отъ нашего завода стоитъ оружейный складъ, гдѣ хранится оружіе на много тысячъ людей. Прежде чѣмъ успѣютъ глаза про-

тереть наши враги, все это будетъ наше. Намъ начинать, братья!

— Близокъ локоть, да не укусишь; — сказалъ Андрей. Неужто забылъ ты сколько около васъ войска? Прежде чѣмъ ты успѣешь раздать оружіе, они уже нагрянутъ на васъ и истребятъ, а мы не успѣемъ придти къ вамъ на помощь.

Тогда Николай обернулся къ высокому парню въ черномъ армякѣ, котораго онъ привелъ съ собой и сказалъ:

— Ну, теперь твой чередъ; говори!

Парень спокойно всталъ. Вышелъ впередъ и распахнулъ свой армякъ. Подъ нимъ былъ солдатскій мундиръ съ свѣтлыми пуговицами и бѣлый кожаный поясъ, на которомъ висѣлъ короткій тесакъ съ мѣдной ручкой.

— Я — солдатъ, сказалъ онъ. Въ нашемъ полку двадцать человѣкъ, которые готовы головы положить за правое дѣло. Есть не мало нашихъ и въ сосѣднихъ полкахъ. Но еще больше наберется такихъ, которые пойдутъ за правду, но не годятся для долгой работы. Имъ мы ничего не говорили. Но когда поведутъ насъ, мы скажемъ имъ, и они перейдутъ на нашу сторону.

Такъ нечего же вамъ бояться насъ. Солдаты всѣ пойдутъ на васъ противъ воли. Ни одному не охота убивать своихъ родныхъ и земляковъ. Они идутъ, потому что боятся не послушаться командировъ. Мы же начнемъ съ того, что перестрѣляемъ всѣхъ командировъ. Тогда некому будетъ натравливать солдатъ на народъ. Они перейдутъ на нашу сторону, а тѣ, которые и не перейдутъ, ничего не сдѣлаютъ. Безъ приказа командировъ они не посмѣютъ стрѣлять. Они, какъ

глупыя овцы безъ пастуха, собьются въ кучу и не будутъ знать, что дѣлать.

Такъ пусть же поднимутся кирпичники. Пусть захватятъ они оружіе. Мы не помѣшаемъ имъ. Мы присоединимся къ нимъ и наши силы увеличатся въ десятеро. Поки успѣютъ враги собрать новыя войска, уже разольется бунтъ по всей странѣ. Да и пойдутъ ли войска противъ насъ, когда увидятъ, что начался не бунтъ отъ злобы, а возстаніе за правду, за счастіе всѣхъ людей?

Трудно сказать, что сдѣлалось вдругъ со всѣмъ собраніемъ. Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, стали обнимать солдата, Николая, друга, друга, потому что всѣмъ казалось такимъ близкимъ освобожденіе.

Вдругъ, въ эту самую минуту вбѣгаетъ въ горницу жена Безпалова.

Она дрожала, какъ осиновый листъ. На ней лица не было.

— Солдаты! крикнула она.

Всѣ такъ и обмерли.

— Гдѣ солдаты? — спросилъ Безпалый.

— На задворкахъ; окружаютъ избу.

— Много ихъ? — спросилъ нашъ солдатъ.

— Десятковъ пять.

— Ну чтожъ ребята! Насъ тридцать. Вынимайте ножи и что у кого есть. Пробьемся! Теперь темно; можно.

Онъ спокойно застегнулся, чтобъ не видно было мундира и вынулъ изъ поженъ свой тесакъ.

Но тутъ оказалось, что, по безпечности, никто почти не взялъ съ собой оружія. Только у Ѳомы да еще у шесчи, семи были ножи за голенищами.

— Сплоховали вы, ребята; — сказалъ солдатъ. — Ну, нитего. Берите что подъ руками и за мной!

Всѣ похватили топоры, ножи, дубины, что было у хозяина. Я взялъ тяжелый ломъ.

Николай ничего не взялъ.

— Не хочу — говоритъ — потому у другихъ ничего нѣтъ.

— Готовы? — спросилъ солдатъ.

— Готовы! — отвѣчали всѣ.

Тогда онъ толкнулъ ногой дверь. Она распахнулась настежъ, и мы бросились на улицу.

Изба была оцѣплена солдатами.

— Вали на проломъ! — крикнулъ солдатъ и бросился впередъ.

— Пали! — загремѣло изъ темноты.

Грянули ружья, и вслѣдъ затѣмъ раздался страшный стонъ и крикъ. То были наши раненные, которые повалились на землю.

Густой дымъ на минуту покрылъ все.

— Братцы, за мной! — крикнулъ солдатъ.

Нѣсколько человѣкъ, а съ ними и Ѳома бросились за нимъ. Они прыгнули въ глубокую канаву и прошли по ней въ поле передъ самымъ посомъ солдатъ, потому дымъ закрывалъ ихъ, и солдаты не подумали бы о такой смѣлости. Это были первые, которые спаслись.

Между тѣмъ, дымъ разсѣялся.

Около насъ лежало нѣсколько человѣкъ, а съ ними Матвѣй. Грудь его была пробита насквозь. Онъ страшно хрипѣлъ и метался въ предсмертныхъ мукахъ.

— Изверги! — крикнулъ Николай и бросился впередъ, выхвативши топоръ изъ рукъ умирающаго Матвѣя.

Всѣ бросились на солдатъ и стали бить ихъ чѣмъ попало и вырывать у нихъ ружья.

Я тоже кинулся за Николаемъ, чтобъ защитить его. Солдатъ замахнулся на него прикладомъ, но въ тотъ же мигъ я раздробилъ солдату голову своимъ ломомъ. Не вскрикнувши, онъ повалился какъ снопъ. Трое кинулись на насъ. Я хватилъ одного ломомъ по ногамъ. Онъ упалъ. Другому Николай разрубилъ грудь топоромъ. Но съ третьимъ онъ не могъ справиться. Солдатъ занесъ надъ нимъ штыкъ, и я видѣлъ уже, какъ штыкъ касался Николая. Но вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался выстрѣлъ. Солдатъ вскрикнулъ и повалился. Это Андрей убилъ его, выхвативши ружье у другаго солдата. Андрей кинулся намъ на помощь. Онъ былъ страшенъ какъ разъяренный звѣрь. По самую шойку всаживалъ онъ штыкъ. Какъ пахарь вскидываетъ снопы, такъ онъ вскидывалъ враговъ.

— На проломъ! за мной! крикнулъ онъ намъ. Николай схватилъ ружье у убитаго солдата, и мы бросились за нимъ.

Нѣсколькими ударами мы разчистили себѣ дорогу. Андрей, который былъ впереди, перескочилъ черезъ заборъ и скрылся въ темнотѣ. Мы не успѣли сдѣлать этого, потому самъ командиръ съ нѣсколькими солдатами кинулся, чтобъ загородить намъ дорогу.

— Сдавайтесь! — крикнулъ онъ.

Николай вмѣсто отвѣта пырнулъ его штыкомъ, но не задѣлъ тѣла, а прокололъ только шинель. И не успѣлъ онъ выдернуть штыка, какъ офицеръ изъ всей силы ударилъ его саблей по головѣ. Красная струя брызнула по ней и повалился Николай на земь, какъ колосъ валится отъ удара косы.

Въ глазахъ помутилось у меня. Что сталось со мной, я и самъ не знаю. Какъ дикая медвѣдица, у которой убили дѣтенка, кинулся я на злодѣевъ. Однимъ ударомъ я раздробилъ какъ глиняный горшокъ голову убійцѣ Николая и началъ косить своимъ ломомъ на право и на лѣво. На меня посыпались удары сабель и прикладовъ, по я ничего не чувствовалъ. Я сталъ точно богатырь и сила у меня стала богатырская. Какъ булавой косилъ я своимъ ломомъ.

Солдаты побѣжали.

Я бросилъ ломъ, схватилъ Николая на плечи, какъ черезъ малую канавку перескочилъ черезъ плетень и бросился бѣжать.

— Держи, держи его! онъ убилъ командира! кричали за мной солдаты, которые успѣли уже оправиться и бросились за нами въ погоню.

Несмотря на свою тяжелую ношу, я побѣжалъ очень скоро. Нѣсколько огородовъ перебѣжалъ я; черезъ нѣсколько враговъ и плетней перескочилъ. Погоня все отставала, потому въ темнотѣ имъ меня не видно было и они гнались на угадъ. Мнѣ показалось, что они сбились съ дороги, потому что я пересталъ слышать ихъ голоса. Я остановился, чтобы отдохнуть. Я былъ весь въ поту. Ноги мои дрожали. Голова кружилась. Вдругъ я опять услышалъ громкіе голоса, какъ будто надъ самымъ ухомъ. Я вскочилъ, какъ ошпаренный, взвалилъ на плечи свою ношу и бросился бѣжать. Но я чувствовалъ, что ноги мои подкашиваются, что я спотыкаюсь на каждомъ шагу. А голоса слышны были все ближе и ближе.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

Куда дѣваться? подумалъ я.

Вдругъ я увидѣлъ изъ огорода переулочекъ къ воротамъ. Я быстро свернулъ въ него. Выбѣгу на улицу, — подумалъ я — они собьются.

Пробѣжалъ я переулокъ; подбѣгаю къ каликѣ; дергаю за скобу — заперто!

Волосы стали у меня дыбомъ. Загнанъ какъ въ капканъ! Назадъ бѣжать — наскочишь на погоню. Звать, чтобъ отворили — покажешь гдѣ ты. Я схватилъ огромный камень и изо всей силы ударилъ въ калитку, чтобы сразу выломать ее. Но она не подавалась. Я еще крѣпче ударилъ въ другой разъ. Верхняя перекладина сломалась, но средняя и нижняя были изъ свѣжаго дуба и остались цѣлы. Я поднялъ камень въ третій разъ, но съ ужасомъ кинулъ его на землю: шагахъ въ тридцати я увидѣлъ кучку солдатъ съ офицеромъ. Они искали меня.

У нихъ былъ фонарь. Они осматривали землю.

— Здѣсь онъ. Я видѣлъ, какъ онъ шмыгнулъ куда то, проклятый.

— Слѣдъ крови! — громко крикнулъ офицеръ. — Вотъ брызги!

Онъ направилъ фонарь на землю и тихо сталъ подходить по слѣдамъ. Во мнѣ все замерло. Я чувствовалъ, что мнѣ не избѣжать смерти и мнѣ только хотѣлось, чтобы поскорѣе все кончилось. Я готовъ былъ крикнуть имъ: здѣсь я, бейте же меня! Когда они подошли къ самому переулку, вдругъ за калиткой послышался стукъ. Офицеръ направилъ туда фонарь и свѣтъ ударилъ прямо въ лицо мнѣ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — злобно закричалъ онъ. — Ну, теперь попался. — Онъ бросилъ фонарь, выхватилъ саблю и всѣ кинулись на насъ. Я остервенился какъ волкъ.

— Подходите! — крикнулъ я и схватился за перекладину калитки чтобы оторвать ее совсѣмъ. Вдругъ перекладина неожиданно подалась. Калитка отворилась. На порогѣ показался хозяинъ, который, очевидно, пришелъ на мой стукъ.

Онъ былъ нашимъ спасителемъ. Еще секунда и было бы поздно. Я схватилъ Николая и проворно шмыгнулъ въ калитку.

— Вали, вяжи его, сукина сына! — кричали за мной.

Они, видно, хозяина приняли за меня. У меня отлегло отъ сердца. — Пока разъяснится ошибка, — подумалъ я, — мы успѣемъ скрыться. — Я на ходу оторвалъ кусокъ рубахи и перевязалъ голову Николаю, чтобы по крови не могли они напасть на слѣдъ, и быстро побѣжалъ по улицѣ.

За предмѣстьемъ шелъ густой лѣсъ. Мы вошли въ него и я сталъ кружиться по кропинкамъ, чтобы запутать погоню. Однако я чувствовалъ, что съ каждой минутой все слабѣю и слабѣю. Долго идти съ своей ношей нечего было и думать. Вдругъ мнѣ послышались голоса. То была погоня. Кровь застыла у меня въ жилахъ. — Куда дѣваться? подумалъ я.

Около насъ было много дуплистыхъ деревьевъ. Я легко могъ спрятаться самъ, но куда дѣвать Николая?

Вдругъ, въ темнотѣ что то сверкнуло. Я присмотрѣлся; это былъ медвѣдь, который вылѣзъ на порогъ своей берлоги.

— Чтожъ, — думаю, — можетъ быть, звѣрь добрѣе людей.

И звѣрь оказался добрѣе людей!

Онъ не тронулъ меня, когда я вошелъ въ пещеру; онъ спасъ насъ.

Какъ только я успѣлъ примоститься, снова услышалъ надъ своей головой шаги, а потомъ голоса.

— Говорилъ я тебѣ, что не сюда онъ побѣжалъ, — сказалъ одинъ голосъ. — Всю рощу мы обыскали.

— Пойдемъ поскорѣй; еще не поздно, — сказалъ другой. — Полемъ не убѣжитъ онъ далеко!

— А вонъ пещера, не тутъ ли они? — сказалъ первый.

Они подошли ближе, но, увидѣвши медвѣдя, съ крикомъ бросились бѣжать.

Когда не стало слышно ихъ шаговъ, я вышелъ изъ пещеры. Ничего не слышно было кругомъ. Мѣсяцъ вышелъ изъ за тучъ и на полянкѣ было свѣтло какъ днемъ. Я вынесъ Николая. Все лицо его было залито кровью. Глаза были закрыты. Но когда я приложилъ ухо къ его груди, то услышалъ что сердце его бьется. Я обрадовался, какъ никогда.

Однако нужно было добыть гдѣ нибудь воды, чтобы омыть его и вывести изъ безчувствія. Я взялъ Николая и сталъ спускаться по скату оврага. Вскорѣ дошелъ до чистой рѣченьки, которая протекала по немъ. Когда я обмылъ Николаю лицо и голову, то замѣтилъ, что рана на головѣ очень глубока. Я сталъ прыскать ему свѣжей воды на грудь, на голову и къ великой радости своей замѣтилъ, что онъ начинаетъ дышать все глубже и глубже. Я еще усерднѣе сталъ брызгать и черезъ нѣсколько времени онъ очнулся и сталъ припоминать.

— Гдѣ я? — спросилъ онъ.

— Въ лѣсу. Не бойся ничего. Теперь уже не прійдутъ.

— А другіе?

Я опустилъ голову и ничего не отвѣчалъ.

— Всѣ убиты? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ — говорю. Андрей съ солдатомъ убѣжали, а съ ними еще кое-кто.

— А Ѳома?

— Ѳома тоже убѣжалъ.

— Ну, такъ не все еще пропало! — сказалъ онъ. Эти люди соединятъ тѣхъ, которые остались, и они будутъ умнѣе насъ. Я умираю спокойно.

— Братъ мой возлюбленный, не говори этого; воскликнулъ я, припадая къ его груди.

Слезы градомъ покатились у меня изъ глазъ.

Онъ положилъ руку на голову мнѣ и тихо сказалъ:

— Не плачь. Лучшей смерти не можетъ быть для человѣка. Уже близокъ конецъ мой. Я чувствую, какъ слабѣетъ мой голосъ. Такъ выслушай же, что я скажу тебѣ.

Не приходи въ унынiе. Наше дѣло не можетъ погибнуть, потому на нашей сторонѣ правда, а на сторонѣ враговъ — ложь. Правда — что солнце: заволокли его черныя тучи, но не скрыть имъ его. Подуетъ вѣтеръ и разгонитъ ихъ, и ярко засвѣтитъ оно на радость и веселiе всякой твари.

Иди же и проповѣдуй то, что мы проповѣдывали; и если ты будешь умирать вдали отъ людей, какъ я, то знай, что колибъ ты прожилъ до глубокой старости, то не дожить тебѣ до лучшаго часа.

Какъ изъ сѣмени, брошеннаго въ землю, выростаетъ новый хлѣбъ, такъ изъ крови твоей выростутъ новые бойцы. Напрасно возрадуются

враги. Чѣмъ больше будутъ свирѣпствовать они, тѣмъ быстрѣе увидятъ свѣтъ всѣ бродящіе во тьмѣ, тѣмъ быстрѣе будетъ расти наше святое воинство! И скоро, скоро придетъ день, когда народъ поднимется по зову нашему, и какъ гроза, какъ буря разноситъ въ щепки гнилую лодочку, такъ и онъ размечетъ враговъ своихъ. Я чую уже, я вижу этотъ великій день!

Тутъ голосъ его сталъ какъ голосъ пророка.

— Я вижу огромное поле, а на немъ двѣ несмѣтныя рати: то наши братья и наемные разбойники богатыхъ! Я вижу всадника на бѣломъ конѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Онъ скачетъ передъ нашими рядами. Вотъ затрубили трубы. Наши идутъ впередъ! Вотъ сошлись! Боже! какой огонь льется на нихъ! Падаютъ, падаютъ наши... Дымъ покрылъ все. Не вижу... Разсѣялся!

Красныя знамена вьются по всему полю. Бѣгутъ враги. Побѣда наша! — крикнулъ Николай и повалился навзничъ.

Я бросился къ нему; онъ былъ неподвиженъ. Я прижалъ его къ своей груди; сердце его не билось. Я схватилъ его голову; она была холодна какъ ледъ.

— Умеръ, умеръ! крикнулъ я и почувствовалъ, что и во мнѣ точно все замерло.

Я всталъ, чтобы уйти. Куда — я самъ не зналъ. Я чувствовалъ только, что здѣсь у меня ничего не осталось.

Я пошелъ по берегу, но ничего не видѣлъ, не слышалъ, не замѣчалъ. Крапива жгла мнѣ руки. Острые камни рѣзали ноги, сучья царапали лицо, но я ничего не чуствовалъ и все шелъ. Я не рыдалъ. Ни одной слезинки не проронилъ я. Я

даже не думалъ о своей потерѣ. Я какъ будто ни о чемъ не думалъ. Вижу камень; думаю: вотъ камень. Вижу елку: думаю: вотъ елка. Въ душѣ у меня стало какъ будто пусто.

Только когда я вышелъ на взморье и холодный вѣтеръ пахнулъ на меня, я немного очувствовался и понялъ, что я потерялъ.

Упалъ я подъ дерево, которое росло на берегу и тутъ въ первый разъ зарыдалъ какъ ребенокъ, припавъ лицомъ къ землѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ надъ моей головой и шепталъ онъ мнѣ: — Не плачь, не рыдай, добрый молодецъ; не умеръ другъ твой! Я принялъ слова его, и разнесу я ихъ по всему свѣту, и во всякаго, кто вдохнетъ меня, перейдетъ его духъ.

И журчала мнѣ быстрая рѣченька:

— Не плачь, не рыдай, добрый молодецъ, не умеръ другъ твой! Я понесу кровь его, которая капала въ меня, и во всякаго, кто напьется воды моей, перейдетъ его духъ!

Вдругъ я почувствовалъ, какъ будто нѣжная рука прикоснулась къ моимъ волосамъ, и чье-то легкое дыханіе шевелило ихъ. Я поднялъ голову и увидѣлъ свою Мудрицу Наумовну — ту самую, которая принесла меня въ Англію.

Самъ того не зная, я пришелъ на то самое мѣсто, подъ тотъ самый дубъ, куда ступилъ въ первый разъ.

И сталъ я упрекать Мудрицу Наумовну: — Зачѣмъ, — говорю — ты такъ надсмѣялась надо мной? Ты обѣщала показать мнѣ, какъ другіе народы живутъ, чтобъ я могъ повѣдать русскому народу, какъ ему жить, чтобы не терпѣть одной муки. Зачѣмъ же ты обманула меня? Зачѣмъ наполнила ты ядомъ сердце мое?

— Не я обманула тобя, а ты самъ себя обманулъ; — отвѣчала мнѣ Мудрица Наумовна. Нѣтъ на свѣсѣ народа, который жилъ бы счастливо, потому что у всѣхъ народовъ есть помѣщики, хозяева, власти. А при нихъ не можетъ быть счастья. Не могла я показать тебѣ счастливаго народа. Я могла только показать, что долженъ дѣлать русскій народъ, чтобы освободиться отъ своихъ утѣснителей и сдѣлаться счастливымъ.

И не повѣрилъ я ей, что всѣ народы земные мучатся какъ и русскій народъ, и что всѣмъ имъ одно спасеніе — бунтъ противъ своихъ злодѣевъ.

Тогда сказала мнѣ Мудрица Нармовна:

— Сейчасъ ты узнаешь это.

XIII.

Мы снова понеслись черезъ моря, поля, луга и рѣки.

Наконецъ, я увидѣлъ огромный городъ, и мы стали спускаться.

— Это городъ Брюссель; — сказала Мудрица Наумовна, когда мы ступили на землю. — Здѣсь собираются выборные отъ всѣхъ рабочихъ, которые составляютъ между собою международный союзъ. Вотъ домъ гдѣ собираются они. Я сяду на плечо тебѣ, и ты войдешь повсюду, потому никто не увидитъ тебя.

Мы вошли въ огромную комнату. Въ ней сидѣло кругомъ стѣнъ человѣкъ триста рабочихъ. Посреди стоялъ помостъ, а на немъ сидѣлъ высокій, сѣдой какъ лунь старецъ съ умнымъ и пламенныхъ какъ у юноши взоромъ.

— Зачѣмъ мы собрались здѣсь, выборные отъ всѣхъ народовъ земныхъ? — громко сказалъ старецъ.

И выборные отвѣчали ему:

— Мы собрались повѣдать другъ другу о нашихъ нуждахъ и обсудить сообща, какъ помочь имъ.

— Истинно! — сказалъ старецъ. — Повѣдайте-же, выборные отъ народовъ Сѣвера, каковы нужды вашихъ народовъ?

Тогда поднялся одинъ изъ сидѣвшихъ въ сѣверной стороны.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ русыми волосами и голубыми глазами.

Громкимъ, ровнымъ голосомъ онъ заговорилъ:

— Велики богатства земли нашей! Растутъ на ней лѣса дремучіе и полны они дорогимъ пушнымъ звѣремъ. Текутъ по ней широкія рѣки и кишатъ онѣ скусной рыбой. Но тяжка доля народа на сѣверѣ! Съ утра до ночи работаетъ онъ. Рубитъ онъ лѣсъ и бьетъ звѣря и ловитъ онъ рыбу. Но у самого нѣтъ ни лѣсу, чтобы построить избу, ни шкуры, чтобы сшить одежду, ни рыбы, чтобы поѣсть.

Все отнимаютъ у насъ помѣщики, купцы и властители, потому и землей и лѣсами и водами владѣютъ они, и народъ долженъ работать на нихъ.

Нѣтъ у насъ житья народу чрезъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей!

И всѣ выборные отъ народовъ сѣвера повторили:

— Нѣтъ у насъ житья народу черезъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

Старецъ, что сидѣлъ по серединѣ, снова поднялся и сказалъ:

— Выборные отъ народовъ Юга, повѣдайте намъ о нуждахъ народа вашего.

Тогда поднялся одинъ изъ выборныхъ, сидѣвшихъ со стороны юга. Дицо его было смугло. Густыя, черныя кудри покрывали его голову. Глаза его горѣли какъ уголья.

— Всѣхъ дочерей убираетъ мать, когда ведетъ ихъ подъ вѣнецъ; сказалъ онъ. Но любимицу свою она уберетъ лучшими цвѣтами изъ сада своего, надѣнетъ на нее ожерелье изъ камней самоцвѣтныхъ, усыплетъ волосы ея золотымъ пескомъ.

Наша сторона — любимая дочка матушки сырой земли. Всѣмъ она убрала нашу родину, всѣмъ изукрасила. Пташки вольныя изъ за дальнихъ морей, изъ зи высокихъ горъ прилетаютъ къ намъ, потому нигдѣ такъ ярко не свѣтитъ солнышко, нигдѣ такъ не таровата землякормилица. — Эхъ, закройся тучами солнце красное! Изсуши грудь свою, мать земля сыра! Однихъ враговъ народа осыпаете вы своими дарами! Одну муку даете вы своимъ дѣткамъ-работникамъ! Тяжка доля народа нашего! Пашетъ онъ землю, и родитъ она сторицею наливное какъ янтарь зернышки. Самъ же онъ не имѣетъ сухой корки, чтобы утолить голодъ, потому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители.

Пасетъ онъ стада быковъ круторогихъ и овецъ тонкорунныхъ, а у самого нѣтъ куска мяса, нѣтъ одежи, чтобы прикрыть наготу свою, потому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители. Разводитъ онъ виноградъ и дѣлаетъ изъ него сладкія вина; самъ же, когда отъ тяжкой работы на жарѣ пересохнетъ у него горло, не имѣетъ ничего выпѣть, кромѣ прѣсной воды, по-

тому все отнимаютъ у него помѣщики, купцы да властители.

Нѣтъ у насъ житья отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

— Нѣтъ у насъ житья отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей! — повторили всѣ выборные отъ народовъ Юга.

И опять поднялся старикъ, что сидѣлъ по серединѣ и сказалъ:

— Выборные отъ народовъ Востока Запада, повѣдайте намъ, таковы ли нужды народовъ вашихъ?

— Таковы-же! — отвѣчали выборные отъ народовъ Востока и Запада. — Нѣтъ и у насъ житься народу отъ помѣщиковъ, купцовъ да властителей!

Тогда старецъ сказалъ:

— Выборные отъ всѣхъ народовъ земныхъ! Разсудите-же и повѣдайте, какъ избавиться народу отъ мукъ своихъ.

И поднялся одинъ изъ выборныхъ и сказалъ:

— Помѣщики первые злодѣи народа. Всегда народъ будетъ жить въ нищетѣ, пока останутся на землѣ помѣщики. Народъ не можетъ жить безъ хлѣба. А хлѣбъ не родить безъ земли. И вотъ помѣщики, которые присвоили себѣ общую кормилицу, заставляютъ народъ жить въ проголодь, а все остальное отдавать себѣ за то, что позволяютъ ему работать на своей землѣ. И народъ соглашается, потому безъ того онъ премеръ-бы съ голоду. Такъ было и будетъ, пока не истребитъ народъ помѣщиковъ и не отниметъ у нимъ землю и все, что они неправедно присвоили себѣ. Такъ пусть-же будетъ нашимъ первымъ рѣшеніемъ: смерть помѣщикамъ!

— Смерть, смерть помѣщикамъ! повторили всѣ выборные.

И поднялся другой выборный и сказалъ:

— Страшный врагъ — помѣщики, но купцы еще страшнѣе. Помѣщики — это волки, купцы — это змѣи. Какъ змѣи, купцы незамѣтно опутаютъ тебя по рукамъ и по ногамъ, такъ что не шелохнешся ты, и высосутъ они кровь твою до послѣдней капли. Хорошо отнять у помѣщиковъ землю, но мало этого! нужно отнять и и купцовъ ихъ фабрики и заводы, всѣ ихъ капитали и устроить такъ, чтобы не могли новые народиться. А для этого нужно, чтобы землей владѣли всѣ сообща, и что̀ выработаютъ — дѣлили поровну между всѣми. Если же этого не сдѣлать, если каждый будетъ владѣть своимъ клочкомъ, земли будетъ копить деньгу для себя и своего сына, то настанетъ еще горшее рабство, чѣмъ теперь. Одинъ разбогатѣетъ отъ разныхъ причинъ, другой раззорится. Богатый скупитъ у бѣднаго его клочекъ земли и сдѣлается вдвое богаче. А тотъ останется нищимъ съ дѣтьми своими. И народятся изъ самого народа повые помѣщики и новые купцы, и закабалятъ они его еще горше, чѣмъ прежде былъ онъ закабаленъ. И ужъ труднѣе будетъ сладить съ ними, потому будутъ то свои-мужики, а не баре-бѣлоручки да заплывшіе жиромъ купцы. И такъ пусть вторымъ нашимъ рѣшеніемъ будетъ: владѣть землей міромъ, владѣть фабриками и заводами тоже міромъ, и смерть всѣмъ купцамъ, хозяевамъ, нанимателямъ!

— Смерть, смерть всѣмъ купцамъ, хозяевамъ, нанимателямъ! — повторили всѣ выборные.

Тогда поднялся третій выборный и сказалъ:

— Еще одного врага надо искоренить. Это — властителей: чиновниковъ, правителей, а прежде всего царей, которые даютъ имъ власть. Если оставить царя и его слугъ, то все вернется къ старому. Царь и его чиновники напишутъ законы, чтобы обирать народъ. Они наберутъ солдатъ, чтобы притѣснять его и заставить повиноваться себѣ. И не пройдетъ и поколѣнія, какъ народъ будетъ обобранъ до нитки. Изъ слугъ царскихъ выйдутъ новые помѣщики и купцы, и опять прійдется народу подниматься на нихъ. Значитъ, напрасно проливалъ онъ свою кровь. Онъ перемѣнилъ только своихъ грабителей.

Весь теперешній порядокъ это — ядовитое дерево. Вѣтки на немъ — это купцы. Стволъ — это помѣщики. А корень — это царь. Не истребишь ты дерева, коли отрубишь одни вѣки, потому изъ ствола выростутъ новыя. Не истребишь ты дерева коли и самый стволъ срубишь, потому изъ корня выростетъ новый, который покроется новыми вѣтвями. Только тогда истребишь ты его, когда съ корнемъ вырвешь его изъ земли и сожжешь его до послѣдней вѣточки и развѣешь пепелъ на всѣ четыре стороны.

Такъ пусть же, братья, будетъ нашимъ послѣднимъ рѣшеніемъ: смерть всѣмъ помѣщикамъ, купцамъ и властителямъ!

— Смерть, смерть всѣмъ помѣщикамъ, купцамъ и властителямъ! — повторили всѣ.

Тогда снова поднялся старикъ, который сидѣтъ посрединѣ, и загремѣлъ голосъ его:

— Идите-же, братья, во всѣ концы земли къ пославшимъ васъ и поднимайте ихъ противъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей.

Скажите имъ, что страшный змѣй сосетъ кровь ихъ, и что три головы у того змѣя: помѣщики, купцы и властители. Скажите имъ, что тогда только освободятся они отъ змѣя, когда всѣ три головы срубятъ ему. Если-же хоть одну оставятъ они, то выростутъ и двѣ другія.

XIV.

— Вернемся назадъ въ Россію! — сказалъ я Мудрицѣ Наумовнѣ. — Теперь я все слышалъ, все видѣлъ и знаю, какъ избавиться отъ мукъ народу русскому.

И снова понеслись мы черезъ поля, луга, лѣса и рѣки.

Долго летѣли мы.

— Вотъ земля русская, — сказала мнѣ наконецъ Мудрица Наумовна.

И увидѣлъ я огромную пустыню, и спустились мы на средину ея.

— Я сдѣлала для тебя все, что могла — сказала Мудрица Наумовна. — Больше ни о чемъ не проси меня.

И она взмахнула крыльями и скрылась изъ глазъ моихъ.

Я остался одинъ среди голой степи.

Сѣлъ я на камень и сталъ думать:

— Теперь я знаю, что нужно дѣлать народу, чтобы избавиться отъ своихъ мукъ. Но кто покажетъ мнѣ, что будетъ послѣ того, какъ народъ поднимется и освободится отъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей?

Поднялъ я глаза и увидѣлъ золотую тучку, которая плыла по ясному небу. И взмолился я ей:

— Тучка золотая! Высоко плывешь ты надъ нашей землей и видишь ты всѣ царства земныя. Унеси-жъ ты меня въ такое царство, гдѣ нѣлъ ни помѣщиковъ, ни купцовъ, ни властителей, гдѣ люди живутъ какъ братья.

Смотрю: тучка остановилась и тихо стала спускаться ко мнѣ. Вдругъ я услышалъ знакомый голосъ. Такъ и есть! То была Любуша, моя названная сестра. Та самая, которая привела меня къ Науму.

Она спускалась ко мнѣ, окутанная золотистымъ покровомъ, сотканнымъ изъ солнечныхъ лучей, и пѣла она чудную пѣсню. Она пѣла о страданіяхъ рода человѣческаго и о томъ счастьи, которое могъ бы онъ имѣть, если-бъ захотѣлъ. И слезы и рыданья слышны были въ ея голосѣ, и плачъ матери, которая видитъ, какъ мучатъ ея единственное дѣтище!

Любуша спустилась на землю и подошла ко мнѣ.

— Ты хочешь видѣть будущее царство; — сказала она. — Это мое царство, но я не могу ввести тебя туда.

— О покажи мнѣ его, молю тебя, — сказалъ я; — тогда требуй отъ меня чего хочешь: я все сдѣлаю, что велишь ты.

— Трудно это, — сказала она и печально склонила голову.

— Сдѣлай это, молю тебя. Тебѣ все возможно; — сказалъ я.

Подняла она съ земли камень и сказала:

— Вотъ сердце твое. Если взойдетъ на немъ сѣмя, которое я посѣю, тогда увидишь ты будущее царство.

Вынула она горсть сѣмянъ, которыя лежали на груди ея, и посыпала на камень.

— Не всходятъ! — сказала Любуша, и заплакала она горькими слезами.

И одна слезинка упала на камень, и вдругъ все сѣмя взошло. Весь камень покрылся зеленой травкой, а корешки пробуравили его насквозь и выступили наружу.

Обняла меня Любуша и сказала:

— Теперь мы войдемъ въ будущее царство, потому корешки понесутъ тебя туда.

И обернула она меня въ маленькую букашку и пустила въ травку. Сама обернулась цвѣткомъ и сѣла на стебелекъ.

Тогда взмолился я къ корешкамъ:

— Корешки, корешечки, понесите меня въ Любушино царство!

Корешки захлопали, застукали, затопали и побѣжали въ Любушино царство.

Долго бѣжали они. Вдругъ передъ нами очутилась широкая рѣка.

И опять взмолился я къ корешкамъ: корешки, корешечки, перенесите меня черезъ эту рѣку!

Корешки побѣжали въ рѣку и выпили всю воду.

Вотъ бѣжимъ мы дальше. Вдругъ передъ нами огненный лѣсъ.

Опять взмолился я къ корешкамъ: корешки, корешечки, перенесите меня черезъ этотъ лѣсъ!

Корешки побѣжали въ него и стали выпускать изъ себя воду и тушить огонь. А сами все бѣгутъ. Подбѣгаютъ къ самому краю, а воды ужъ нѣтъ. А огонь такъ и палитъ.

Тогда взмолился я къ травкѣ:

— Травушка-муравушка, прикрой меня!

Травушка закрыла меня; сама вся высохла, а я остался цѣлъ.

Когда мы перебѣжали черезъ лѣсъ, то опять перекинулись людьми.

Тогда взошли мы па высокую гору, и подъ нашими погами разостлалось великое царство. И изощрила Любуша взоръ мой. И сталъ я видѣть все, что дѣлается тамъ, какъ будто оно было передъ моими глазами.

И великъ былъ восторгъ, когда я увидѣлъ будущее царство. И не зналъ я, гдѣ я, — на небѣ или на землѣ.

Три раза взошло и закатилось солнце, а я все смотрѣлъ, не отрываючи глазъ, и все не могъ наглядѣться.

И сталъ я молить Любушу:

— Позволь мнѣ войти въ самое царство, чтобъ увѣриться, что не обманываютъ меня глаза мои.

И отвѣчала мнѣ Любуша:

— Нѣтъ, не введу я тебя въ самое царство, потожу ослѣпнешь ты отъ свѣта, который разлитъ въ немъ.

Довольно ужъ видѣлъ ты и знаешь все, что тебѣ можно знать.

Иди-жъ ты и открой всему народу русскому то, что показала я тебѣ. Скажи ему, что я жду его, жду всѣ народы земные въ своемъ свѣтломъ царствѣ. Скажи ему, что безконечныя радости приготовила я для него, но скажи ему, что не войти ему въ мое царство, пока не освободится онъ отъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей.

Подымай же его противъ помѣщиковъ, купцовъ и властителей!

Если же ты не исполнишь приказа моего. Если ты испугаешься и замкнешь свои трусливыя уста, тогда горе тебѣ! Я прокляну тебя всѣми клятвами. Не будешь знать ты ни сна, ни покоя.

Отравлю я тебѣ всякую радость! Когда поднесешь ты хлѣбъ къ устамъ своимъ — изъ него закапаетъ кровь братьевъ твоихъ. Когда нальешь ты чашу сладкаго вина, чтобы утолить жажду свою — оно обратится въ кровь братьевъ твоихъ! И скроешься ты изъ глазъ человѣческихъ, и убѣжишь ты въ дикую пустыню. И пустыня не приметъ тебя! И будешь скитаться ты по всей землѣ, какъ Каинъ, убившій брата своего. И проклянешь ты мать свою за то, что родила она тебя на свѣтъ!...

Какъ оглушенный громомъ, упалъ я передъ ней на колѣни и воскликнулъ:

— Клянусь тебѣ, что готовъ умереть за братьевъ своихъ, но не подъ силу мнѣ приказъ твой! Какъ могу я разсказать все, что открыла ты мнѣ, народу русскому? Надорвется грудь моя, обобьется языкъ мой!

И выковала она мнѣ стальной языкъ и вложила въ уста мои и сказала:

— Иди и говори этимъ языкомъ! Не будетъ онъ знать усталости. Громко будетъ звенѣть онъ и разнесетъ вѣтромъ звонъ его во всѣ стороны и услышатъ его тѣ, кого ты никогда не видѣлъ, чьего имени даже ты не узнаешь никогда.

И если завтра же растерзаютъ тебя хищные звѣри и упьются они кровью твоею, то не замолкнетъ звукъ словъ твоихъ, ибо не сокрушить имъ языка твоего! Какъ набатный колоколъ будетъ гудѣть онъ и будетъ звать русскій народъ подняться противъ враговъ своихъ!....

Присказка.

Другъ читатель! Ты ждешь теперь, что я разскажу тебѣ про Любушино царство. Я дѣйствительно разскажу тебѣ это, но прежде дай мнѣ сказать тебѣ кое-что насчетъ сказки моей.

Ты слыхалъ вѣрно поговорку: „сказка — ложь, а пѣсня — быль“. Ну, а я прибавлю тебѣ другую: „Не всякому слуху вѣрь“. Не всякая, братъ, пѣсня — быль, да и не всякая сказка — ложь. Не затѣмъ, чтобъ забавлять тебя, написалъ я свою сказку. Я написалъ ее, чтобъ открыть тебѣ всю правду. Да только зналъ я, что коли стану я говорить тебѣ правду по просту, безъ затѣй, такъ не прочитаешь ты такой книжки и до половины. Вотъ почему, другъ, я разсказалъ тебѣ правду не просто, а притчей.

Любуша — это любовь къ братьямъ своимъ, скрытая въ сердцѣ человѣческомъ.

А Наумъ, къ которому она привела меня — это Разумъ рода человѣческаго.

Велико могущество разума. Чудны дѣла его. Прекрасны его творенія. Но не утолятъ они тебя, когда жажда правды загорится въ сердцѣ твоемъ, ибо безъ любви они мертвы, холодны и нѣмы, какъ ледяныя глыбы на вершинахъ горъ. Будетъ восхищенъ ими взоръ твой, но не найдешь ты въ

нихъ того, чего жаждетъ твое сердце, ибо живой души нѣтъ въ нихъ.

Но полюби братьевъ твоихъ и совершится великое чудо: оживетъ мертвое, заговоритъ нѣмое, ибо любовь вдохнетъ въ нихъ душу.

Полюби братьевъ твоихъ, и любовь дастъ крылья разуму твоему и приведетъ она тебя къ источнику вѣчной правды. Она изощритъ зрѣніе твое и слухъ твой, и откроется тебѣ то, по чемъ изнывала твоя душа!

Полюби братьевъ твоихъ, и отзовутся въ груди твоей всѣ муки, всѣ несчастія, всѣ горести рода человѣческаго. И когда сожмется отъ боли твое сердце, и скорбью наполнится душа, и сами слезы польются изъ глазъ, тогда полюбишь ты своихъ несчастныхъ, страждущихъ братьевъ новой безконечной любовью, какъ мать любитъ своего больнаго, страдающаго ребенка. И съ радостью готовъ ты будешь идти на муки и на смерть, чтобы хоть на каплю облегчить ихъ страданія. Тогда то поймешь ты всю силу любви въ сердцѣ человѣческомъ, и новый міръ откроетъ тебѣ любовь твоя. Ты увидишь во очію то царство правды, любви и счастія, котораго не видѣло еще ни одно человѣческое око, ибо отразится тогда это царство въ душѣ твоей!

И почувствуешь ты тогда въ груди своей силу богатырскую, и огнемъ загорится сердце твое, и какъ громъ загремитъ твоя рѣчь!

Вотъ кто такая Любуша, вотъ кто такой Наумъ.

Но кто жъ эти вѣщія дочки Наума? Кто эти бабочки съ бѣлыми крылышками, въ черныхъ крапинкахъ, которыхъ онъ пускаетъ въ міръ, чтобы учить людей уму разуму?

Подумай, пораскинь умомъ и самъ ты догадаешься.

Чѣмъ самые мудрые изъ людей просвѣщаютъ братьевъ своихъ? Чѣмъ открываютъ они братьямъ ту правду, да которой додумались?

Они открываютъ братьямъ правду своими книжками; они просвѣщаютъ ихъ книжками.

Вотъ онѣ то и есть тѣ вѣщія дочки Наума, тѣ вѣщія бабочки, которыхъ пускаетъ онъ въ міръ. И много уже пустилъ ихъ сѣдой Наумъ, и велики чудеса, которыя творятъ онѣ. Прислушайся къ ихъ мудрымъ рѣчамъ и онѣ откроютъ тебѣ всю глубину премудрости человѣческой. Довѣрься имъ и на своихъ волшебныхъ крылышкахъ онѣ перенесутъ тебя черезъ моря и рѣки, черезъ лѣса и горы, унесутъ тебя до предѣловъ земныхъ и покажутъ тебѣ все, что гдѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

Вотъ, съ кѣмъ я бесѣдовалъ. Вотъ, кто открылъ мнѣ всю правду.

Но которая же изъ книжекъ была моею Мудрицей Наумовной? Которая изъ нихъ перенесла меня въ Англію, которая показала мнѣ, какъ живется англійскому народу?

Это книжка, написанная однимъ изъ главныхъ распространителей того самаго международнаго союза рабочихъ, про который я говорилъ тебѣ не разъ.

Имя этому человѣку — Карлъ Марксъ, а называется это книжка: „Капиталъ“.

Вотъ она-то перенесла меня въ Англію, онато показала мнѣ, до какихъ мукъ довели богатые англійскій народъ. Но что еще важнѣе, она показала мнѣ, что такъ и должно было быть и что такъ будетъ повсюду, гдѣ есть бѣдные и богатые.

Изъ этой-то книжки я увидѣлъ, что никогда не избавиться народу отъ своихъ мукъ, пока есть надъ нимъ хозяева, помѣщики, цари; что одно только спасеніе рабочимъ — это подняться противъ нихъ, чтобы стереть ихъ съ лица земли.

Вотъ это-то я и показалъ тебѣ.

Когда я говорилъ тебѣ, до какой муки долженъ довести теперешній порядокъ всѣ народы и до какихъ онъ уже довелъ англійскій народъ, то я ничего не выдумалъ отъ себя, а говорилъ только то, что написано въ этой книгѣ. Я даже не все говорилъ, что могъ-бы сказать, потому что боялся, что не повѣришь ты мнѣ.

Въ Англіи работаютъ не только по 18, а иногда по 20 часовъ въ сутки. Въ Англіи часто заставляютъ рабочихъ работать до тѣхъ поръ, пока только они могутъ стоять на ногахъ. Въ Англіи часто рабочихъ прямо замариваютъ работой, какъ замариваютъ голодомъ. Въ Англіи работаютъ не только семилѣтнія, а даже и шестилѣтнія дѣти и работаютъ столько же, какъ и взрослые, т. е. по 15, 17 и больше часовъ сутки.

Вотъ каково живется англійскому народу!

А вѣдь 70 лѣтъ тому назадъ англичане дѣйствительно работали по 9 часовъ въ день, работали всего 4 дня въ недѣлю. Больше же они не хотѣли работать, потому что всего имъ было въ волю. Значитъ, въ какія нибудь 70 лѣтъ хозяева отняли все это у рабочихъ.

Чего же ждать послѣ этого тебѣ, русскій народъ? Вѣдь и теперь уже хозяева имѣютъ надъ тобой не меньше власти. Вѣдь и теперь они мучатъ тебя работой, морятъ голодомъ почти такъ же, какъ въ Англіи. А вѣдь дальше будетъ еще хуже, коли ты будешь еще терпѣть ихъ надъ собой.

Такъ довольно жъ тебѣ терпѣть! Неужели еще не натерпѣлся ты? Неужели ты хочешь, чтобы они довели тебя до того же, до чего довели англійскій народъ. Неужели ты хочешь, чтобы все, все, чѣмъ красна жизнь человѣческая, чтобъ самое здоровье и умъ отняли они у тебя?

Не хочешь! Такъ поднимись-же на нихъ, потому нѣтъ тебѣ другаго спасенія! Поднимись! Сбрось ихъ съ своихъ богатырскихъ плечъ, пока не приросли они къ тѣлу твоему, или горе, горе, горе тебѣ!

Русскій работникъ, къ тебѣ я взываю! Подумай о братьяхъ, своихъ, подумай о дѣтяхъ своихъ, подумай о мукахъ, которыя ждутъ ихъ впереди.

Если есть у тебя старикъ отецъ, старуха мать, которыхъ ты любишь и почитаешь, то знай, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такіе же отцы и матери будутъ околѣвать съ голоду подъ заборомъ, потому не нужны они будутъ хозяевамъ и не бросятъ хозяева имъ и сухой корки.

Если есть у тебя дѣти или маленькіе братья, которыхъ ты ласкаешь, когда они сидятъ на колѣняхъ твоихъ, то помни, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такія же дѣти не будутъ уже играть на колѣняхъ своихъ отцовъ и братьевъ, потому и они будутъ мучиться въ каторжной кабалѣ, добывающи барышъ для своего кровопійцы.

Если есть дѣвушка, которая тебя любитъ и которую ты любишь больше свѣта солнечнаго, то помни, что не пройдетъ и двухъ поколѣній, какъ такія же какъ она должны будутъ идти въ города и продавать себя для разврата своимъ грабителямъ.

Русскій работникъ! Если ты любишь своего отца и мать, если ты любишь братьевъ и дѣтей своихъ, если ты любишь сестеръ своихъ и невѣсту, то подумай о мукахъ, которыя ждутъ братьевъ твоихъ!

Спаси-же ихъ отъ этихъ мукъ, если не окаменѣло сердце твое, если ты не оглохъ къ стонамъ братьевъ своихъ.

Ты долженъ и ты можешь спасти ихъ, ибо приближается великое время, какого не видывала еще земля, время послѣдней борьбы всего рабочаго люда со всѣми утѣснителями его.

Уже заволокло небо черными тучами; уже слышны раскаты грома и дрожатъ всѣ богатые и власть имѣющіе, ибо чувствуютъ они, что начинаетъ прозрѣвать народъ; чувствуютъ, что близокъ страшный часъ, часъ расплаты за кровь, за муки, за слезы, за все, что вынесъ отъ нихъ народъ.

Иди-же, и куда-бы ни забросили тебя жизнь-прихотливица — въ городъ или деревню, на фабрику или на заводъ — всюду открывай глаза братьямъ своимъ. Говори имъ, что одно спасеніе имъ отъ своихъ мукъ — подняться противъ помѣщиковъ, хозяевъ и властей. Говори имъ, что только одна причина всѣхъ ихъ страданій — покорность помѣщикамъ, хозяевамъ и властямъ!

Когда-же соберется довольно силы, тогда поднимайся, русскій народъ, противъ своихъ исконныхъ враговъ! Очисти отъ нихъ землю русскую! съ тѣмъ вмѣстѣ очистится она и отъ лжи, которой они наполнили ее!

Наступитъ тогда новое царство, царство правды и любви, царство правды и справедливости.

Наступитъ такое счастье, какого не видѣло еще ни одно человѣческое око!

Иди-же и возвѣщай братьямъ своимъ, что приближается это царство!

Но скажи имъ, что не войти имъ въ него, пока не убьютъ они трехглаваго змѣя, который стоитъ у входа въ него.

Будущее Царство.

I.

Каково же это будущее царство? Чѣмъ отличается оно отъ теперешняго порядка?

Оно отличается только однимъ: надъ рабочими нѣтъ и не можетъ быть ни хозяина, ни помѣщика, ни чиновниковъ, которые отнимали бы у нихъ то, что они сработаютъ.

Работники сами себѣ господа и хозяева. Вотъ почему будущій порядокъ мы часто будемъ называть работницкимъ.

Какъ сдѣлать, чтобы не было ни хозяевъ, ни помѣщиковъ, ни властителей — я уже говорилъ. Для этого только одно средство — подняться и отнять у нихъ то, что они неправедно себѣ присвоили, потому охотно они никогда этого не отдадутъ. Но какъ же сдѣлать, чтобъ хозяевъ, помѣщиковъ и властей не только не было, но и быть не могло?

Для этого только одно средство: не дѣлить того, что будетъ отняго у нихъ, а владѣть всѣмъ сообща. Не дѣлать земли, а владѣть ею міромъ. Не дѣлить капиталовъ и фабрикъ, а владѣть ими міромъ, большими артелями, которыя на нихъ работаютъ. А то, что сработаютъ, дѣлить между всѣми поровну, чтобъ не могло быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Если этого не сдѣлать, если вмѣсто того, чтобъ владѣть міромъ и дѣлить поровну,

что сработаютъ, люди подѣлили бы землю между мужиками, а на фабрикахъ давали бы одному гривенникъ, другому рубль, тогда не прошло бы и нѣсколькихъ поколѣній, какъ не только все вернулось бы къ старому, но стало бы еще хуже. Одинъ разбогатѣлъ бы, другой сталъ бы бѣднымъ. А вѣдь бѣдность, въ особенности же богатство — тоже, что тяжелый камень, который столкнули съ вершины горы. Сначала онъ будетъ катиться медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, и уже ничѣмъ ты не остановишь его. Коли съ человѣкомъ какое несчастье приключилось: падежъ, пожаръ, неурожай, то онъ почти всегда все бѣднѣетъ и бѣднѣетъ. Трудно ему оправиться. А коли богатый пріобрѣлъ тысячу рублей, то пріобрѣсти вторую тысячу ему впятеро легче, чѣмъ первую. А коли у него уже капиталу тысячъ сто, такъ иной въ нѣсколько дней пріобрѣтетъ, пожалуй, и не одну тысячу.

Вотъ почему, если бы, отнявши землю, капиталы и фабрики, мужики не стали бы владѣть ими сообща, а подѣлили ихъ, то этотъ день дѣти наши не благословляли бы, а проклинали во вѣки вѣковъ. Не прошло бы и нѣсколькихъ поколѣній, какъ между ними стала бы такая точно разница въ богатствѣ, какъ и теперь. Вѣдь и теперь рѣдко капиталъ переходитъ ко внуку. Очень часто кулакъ начинаетъ свою жизнь простымъ работникомъ, а къ старости разными подлостями „наживетъ“, или — лучше — наградитъ себя капиталомъ въ сотни тысячъ. Такъ было бы, если бы отнявши землю, капиталы и фабрики, народъ подѣлилъ бы ихъ.

Вотъ почему не успѣли бы сойти въ могилу тѣ самые люди, которые поднимались на своихъ

грабителей, какъ изъ самого народа вышли бы новые грабители. Одни стали бы нищими, другіе награбили бы себѣ капиталы въ сотни тысячъ. Бѣдные продали бы свою землю богатымъ и изъ нихъ стали бы новые помѣщики. Сами же бѣдняки, чтобъ не умереть съ голоду пошли бы работать на фабрикахъ и заводахъ, либо на землѣ тѣхъ же богатыхъ. Опять кучка богатыхъ стала бы грабить и сосать кровь народную. А чтобы защитить себя отъ праведной мести за свое кровопійство, они выбрали бы царя, дали бы ему войско, чтобы онъ могъ кровью залить всякое народно возстаніе. И царь защитилъ бы ихъ отъ народа своимъ войскомъ. А чтобъ и себѣ не обидно было, наложилъ бы на народъ новыя подати. Онъ заставилъ бы платить ихъ, потому, войско было бы въ его власти.

И снова плачъ и рыданія наполнили-бы всю землю. Снова народъ сталъ-бы нищенствовать, какъ теперь, а богатые и власть имѣющіе сосали-бы его кровь и топтали-бы его ногами.

И уже трудно было-бы народу избавиться отъ новой кабалы, потому — врагами его были-бы свои же мужики, а не господа и купцы. Вотъ почему лучше остаться въ теперешней кабалѣ, чѣмъ подниматься, чтобы дѣлить то, что будетъ отнято.

Лучше два царя, лучше вдвое больше помѣщиковъ, чѣмъ подниматься, чтобы подѣлить все, что будетъ отнято.

Тотъ, кто проповѣдуетъ дѣлежъ, глупецъ, который не понимаетъ, что говоритъ. Онъ злѣйшій врагъ народа.

И такъ, при работникомъ порядкѣ не будетъ дѣлежа. Всѣмъ: и землей, и фабриками, и саво-

дами будутъ владѣть міромъ, артелью. То, что сработаютъ, будетъ дѣлиться поровну между всѣми, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ.

Но ты сейчасъ увидишь, что такъ будетъ только въ началѣ. Скоро придетъ время, когда люди будутъ владѣть всѣмъ, какъ братья владѣютъ своимъ добромъ: каждый будетъ дѣлать, сколько можетъ, а брать сколько ему нужно. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же повторяю: будущій работницкій порядокъ отличается отъ теперешняго тѣмъ, что надъ рабочими нѣтъ и не можетъ быть никого, кто отнималъ-бы у нихъ то, что они сработаютъ.

Вотъ все, чѣмъ отличается будущее работницкое счастье отъ теперешняго. Но отъ этого одного измѣняется все, родится такое счастье на землѣ, что мы и постигнуть не можемъ.

Покачаетъ кто головой и скажетъ:

— Бредни! Если бы даже и взаправду это все наступило, то развѣ много можетъ измѣниться отъ одного того, что надъ работниками не будетъ хозяина?

О, мудрецъ закоснѣлый! Возьми два зерна: яблочное и гречневое — много-ли разницы между ними? Одно гладкое, другое шаршавое, а какія разныя растенія выростаютъ изъ нихъ! Возьми два яйца — воронье и павлиное. Много разницы между ними? А какія разныя птицы вылупляются изъ нихъ!

II.

Самый страшный врагъ человѣка — бѣдность. Она-то прежде всего исчезаетъ въ работницкомъ порядкѣ. Я не буду говорить о томъ, на сколько разбогатѣетъ народъ черезъ то, что не будетъ царя, чиновниковъ и всѣхъ, кто отнимаетъ у него податями то, что онъ сработаетъ.

Я не буду говорить о томъ, на сколько онъ разбогатѣетъ черезъ то, что ему достанется все, что онъ можетъ сработать на фабрикахъ. Я разсчитаю только, на сколько онъ разбогатѣетъ черезъ то, что онъ сработаетъ на землѣ, значитъ, чрезъ одну свою лѣтнюю работу.

Теперь большею частью земель владѣютъ помѣщики, казна, монастыри, заводы, и т. п.

Только одна пятая часть всей удобной земли принадлежитъ крестьянамъ, такъ что на душу приходится круглымъ счетомъ всего по 3 десятины. Когда вся земля будетъ крестьянскою, тогда, значитъ, на душу придется не 3, а 15 десятинъ, т. е. въ 5 разъ больше земли, чѣмъ теперь, значитъ, отъ одного этого мужики разбогатѣютъ въ пять разъ.

Но всякій знаетъ, что крестьянамъ нарѣзали самой худшей земли. — Земля, что осталась у помѣщиковъ, у казны, у монастырей, гораздо лучше той, которую они понарѣзали крестьянамъ. Сосчитано, напримѣръ, что въ великорусскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ на помѣщичьей десятинѣ родится круглымъ счетомъ вдвое больше хлѣба, чѣмъ на крестьянской, хотя мужикъ на своей землѣ работаетъ, разумѣется, старательнѣе, чѣмъ на помѣщичьей по найму.

Значитъ, не въ пять, а въ девять разъ больше было-бы хлѣба у мужика, потому что на четырехъ доляхъ, которыя къ нему отошли-бы, родится столько, сколько на восьми теперешнихъ мужицкихъ родится.

Но я не буду брать этого, потому что урожаи разсчитаны только для помѣщичей, а не для всей земли, которою владѣютъ не мужики (а напримѣръ казна, заводы, монастыри). Я буду принимать, что земля, которую получитъ мужикъ, такая-же по плодородію, какъ и его теперешняя, и что, значитъ, онъ отъ этого разбогатѣетъ всего въ пять разъ. Но и то, если положимъ, что теперь мужицкая семья въ 5 человѣкъ проживаетъ круглымъ счетомъ полтину въ день или гривенникъ на человѣка, то и тогда она будетъ проживать пять полтинъ или 2 съ полтиной въ день, или близко около 1.000 рублей въ годъ.

Такъ разбогатѣетъ мужикъ отъ того только, что земли станетъ у него больше.

Теперь я разсчитаю, на сколько разбогатѣетъ онъ черезъ то, что земля станетъ обрабатываться лучше.

При работницкомъ порядкѣ землю не дѣлятъ на клочки, а владѣютъ и работаютъ на ней міромъ. Велики выгоды такой работы. Когда каждый хозяинъ владѣетъ своимъ клочкомъ земли, то невыгодно заводить какія нибудь машины. Въ одинъ день машиной онъ сдѣлаетъ все, что нужно, а потомъ машина будетъ стоять безъ пользы, а хозяинъ будетъ сидѣть, сложа руки. Когда же работаютъ міромъ, обществомъ на мірской землѣ, тогда машины заводить очень выгодно, потому въ оное время — каждая община владѣетъ многими тысячами десятинъ. А отъ машинъ выгода огромная.

Одинъ человѣкъ съ машиною сдѣлаетъ по крайней мѣрѣ въ 5 разъ больше, чѣмъ съ простымъ орудіемъ, какимъ теперь работаютъ.

Значитъ, чтобы обработать столько земли, сколько теперь обработывается, нужно будетъ въ 5 разъ меньше народу.

Значитъ, не только земля будетъ обработана лучше, потому — машинная обработка много лучше ручной, но и четыре пятыхъ всего народа будутъ свободны. Они употребятъ свой трудъ на расчистку новинъ, на осушеніе болотъ, на вырубку лѣсовъ, на увеличеніе скота и удобренія и т. п. А во сколько разъ больше хлѣба родится чрезъ это! Ученые сосчитали, что при хорошемъ хозяйствѣ земля могла бы родить въ 40, 50 разъ больше, чѣмъ теперь.

Но я не буду брать этого, потому что ты все-таки можешь не повѣрить мнѣ, а я возьму другое: извѣстно всѣмъ, что въ Англіи земля хуже, чѣмъ у насъ, а все-таки тамъ родится съ десятины въ 4 раза больше, чѣмъ у насъ, потому у тамошнихъ помѣщиковъ хозяйство, хотя и не самое лучшее, а все-же порядочное.

Значитъ, не въ 5, а по крайней мѣрѣ въ 20 разъ больше хлѣба получалъ-бы мужикъ съ земли; потому ужъ отъ одного того, что вся земля будетъ мужицкая, онъ получитъ въ 5 разъ больше хлѣба.

Значитъ, чрезъ одно земледѣліе народъ русскій разбогатѣлъ бы въ 20 разъ. Если теперь мужицкая семья въ пять человѣкъ проживаетъ въ день полтину, то, при работницкомъ порядкѣ, она могла бы проживать 20 полтинъ или 10 рублей въ день, или 3 съ половиною тысячи въ годъ!

Тебѣ не вѣрится? А вѣдь и это еще не все богатство, что даетъ работницкій порядокъ.

Я говорилъ только о двухъ причинахъ увеличенія богатства: о томъ, что земли у народа станетъ больше и обработывать ее будутъ лучше. Но есть еще третья, которая стоитъ обѣихъ первыхъ; и это та, что при работницкомъ порядкѣ измѣняется самый трудъ. Одинъ человѣкъ сдѣлаетъ столько, какъ теперь четверо или больше.

Этому причины двѣ. Первая, что при работницкомъ порядкѣ всѣ работаютъ на себя. Никто не работаетъ на помѣщика, либо арендатора. Значитъ, работа усерднѣе. А всякій работникъ знаетъ, что, напримѣръ, при поштучной платѣ, когда только часть выгоды дается работнику, онъ сдѣлаетъ въ 3, въ 4 раза больше, чѣмъ при поденной платѣ. А почему? потому что увеличивается усердіе.

Кромѣ того, при работницкомъ порядкѣ увеличивается самая сила рабочихъ, потому никто не надрывается надъ работой, всѣ ѣдятъ хорошую пищу, спятъ вволю. Тогдашняя баба уберетъ пятерыхъ теперешнихъ гвардейцевъ. Понятно, что болѣе сильный работникъ сработаетъ больше. Значитъ, отъ обѣихъ этихъ причинъ не въ 20 разъ увеличится богатство народа, а гораздо больше. Клади смѣло 40, клади 50 и навѣрно ты не ошибешься. Значитъ, не полтину, а 20, 25 рублей въ день и 7 тысячъ въ годъ, могло бы проживать тогда семейство рабочихъ!

Ты, можетъ быть, испугаешься такого числа. Тебѣ покажется это невозможнымъ. Ты скажешь, что при своемъ расчетѣ я должно быть преувеличилъ.

Ну чтожъ, прочитай мой расчетъ еще разъ и скажи, гдѣ я преувеличилъ.

Можетъ быть, въ землѣ? Нѣтъ, возьми книжки, гдѣ объ этомъ сказано, и ты увидишь, что дѣй-

ствительно мужики владѣютъ только одной пятой долей русской земли, а остальными четырьмя пятыми владѣютъ помѣщики и другіе кровопійцы, и что даже земля ихъ гораздо лучше мужицкой.

Можетъ быть, въ обработкѣ? Нѣтъ; возьми книжки, гдѣ объ этомъ говорится, и ты узнаешь, что въ Англіи дѣйствительно родится съ десятины въ 4 раза больше хлѣба, чѣмъ у насъ, а земля тамъ хуже.

Можетъ быть, въ усердіи и силѣ? Это дѣйствительно можетъ быть, хотя, по правдѣ, я и тутъ ничего не преувеличилъ. Но положимъ, что да. Ну такъ откинь ихъ, коли ты такой опасливый. Пусть мужикъ на своей землѣ будетъ работать такъ же, какъ и на помѣщичьей; пусть сельный человѣкъ сработаетъ столько-же, какъ и слабый. Все-таки ты получишь, что на семью придется десять рублей въ день или три съ половиною тысячи въ годъ. И это отъ одной лѣтней работы. А сколько онъ получитъ чрезъ зимнюю!

И такъ, вмѣсто страшной нищеты наступитъ неслыханное богатство. Вотъ самое первое и самое важное слѣдствіе работницкаго порядка.

Безъ него не могло бы быть ничего. Это несокрушимая скала, на которой строится все зданіе будущаго порядка.

Это ворота въ царство вѣчнаго счастья.

Теперь я попытаюсь провести тебя сквозь эти ворота и издали показать тебѣ хоть наружный видъ самаго царства.

III.

Трудно человѣку, который видѣлъ только дождевыя лужицы, описать море. Трудно человѣку, который видѣлъ только тусклый фонарь, описать солнечный свѣтъ. Также трудно и мнѣ, и всякому, кто живетъ при теперешнемъ порядкѣ, описать то счастье, которое ждетъ дѣтей нашихъ.

Когда ты выймешь изъ клѣтки лѣсную птичку и выпустишь ее на волю, то ты увидишь только, какъ она вспорхнетъ, взовьется подъ облака и скроется изъ глазъ твоихъ. Куда-же она полетитъ послѣ, — ты не можешь сказать. Ты знаешь только, что полетитъ она туда, гдѣ свѣжо, гдѣ цвѣты, гдѣ воля, и будетъ порхать она съ вѣтки на вѣточку, и будетъ пѣть чудныя пѣсни, какихъ никогда не пѣвала въ неволѣ.

Птичка, которая томится въ тѣсной клѣткѣ, это народъ, который томится въ горькой неволѣ.

Мы можемъ только намекнуть, какого рода перемѣны произойдутъ въ его жизни, когда расобьетъ онъ свои цѣпи. Описать же самыя эти перемѣны мы не можемъ.

Я разсчиталъ, какъ страшно увеличится богатство народа, когда наступитъ работницкій порядокъ.

Но человѣку не нужно такихъ огромныхъ богатствъ. Только развращенные теперешніе богачи никогда не могутъ быть довольны тѣмъ, что имѣютъ, и хотятъ все больше и больше. Посмотри, на что они тратятъ свои доходы. Развѣ на то, чтобы сдѣлать свою жизнь пріятнѣе? Нѣтъ, совсѣмъ не на то! А на то, чтобы показать свое богатство передъ другими, чтобы другіе завидовали

имъ. Развѣ рысакъ, который стоитъ три тысячи, бѣжитъ въ шесть разъ быстрѣе того, который стоитъ 500 рублей? Нѣтъ, онъ не бѣжитъ и въ полтора раза быстрѣе. Развѣ соболья шуба, которая стоитъ 10 тысячъ рублей, въ сто разъ теплѣе козьей, которая стоитъ сто рублей? Нѣтъ, она вовсе не теплѣе. Развѣ золотые часы ходятъ лучше серебряныхъ? Развѣ алмазы и камни самоцвѣтные красивѣе полевыхъ цвѣтовъ?

И такъ, не для того, чтобы сдѣлать свою жизнь удобнѣе и пріятнѣе, нужны богачамъ ихъ огромныя богатства, а для тщеславія.

При работницкомъ порядкѣ этого не можетъ быть, потому что всѣ будутъ равны, не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; самыя слова эти забудутся народомъ.

Тогда никого не будетъ пожирать ненасытная жажда къ богатству, поэтому народъ будетъ работать несравненно меньше, чѣмъ теперь. Если теперь онъ работаетъ пятнадцать часовъ, то тогда онъ станетъ работать пять часовъ, и все таки будетъ жить въ десять расъ лучше, чѣмъ теперь. Все же остальное время народъ будетъ свободенъ. Значитъ, не только не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но не будетъ ни ученыхъ, ни неученыхъ, потому никто не захочетъ быть ниже другихъ, а всякому будутъ доступны всѣ науки и искусства, которыми теперь овладѣли богатые.

Исчезнетъ навсегда темнота народная, исчезнутъ всѣ предразсудки и суевѣрія, ибо они разсѣеваются отъ знанія, какъ ночной туманъ отъ солнечнаго свѣта. Но мало того; люди создадутъ такую науку, передъ которой нынѣшняя показалась бы лепетомъ десятилѣтняго школьника.

Кто теперь поучаетъ народъ, кто идетъ въ ученые, въ писатели, въ художники? Развѣ самые умные и способные? Ничуть не бывало. Идетъ тотъ, у кого отецъ богаче и можетъ долго обучать его всему этому. Потому обучиться наукамъ или художествамъ много дороже, чѣмъ ремеслу. И вотъ изъ этихъ то людей лѣлаются ученые, писатели, художники. Почти ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни способностей, ни любви къ своему дѣлу. Они занимаются имъ только потому, что оно даетъ рубли, а ремесло — гроши.

При работницкомъ порядкѣ науками и искусствами будутъ заниматься только тѣ, кто любитъ ихъ, кто къ нимъ способенъ, потому отъ нихъ не будетъ никакой выгоды. Не будетъ тупоголовыхъ ученыхъ, бездарныхъ писателей и художниковъ. Но за то будутъ такіе ученые, такіе писатели, такіе художники, какихъ міръ, быть можетъ, не видитъ и разъ въ столѣтіе.

Мало родится людей, великихъ умомъ и талантомъ, какъ мало попадается въ землѣ крупныхъ самородковъ золота. Много тысячъ пудовъ песку надо промыть прежде, чѣмъ попадется крупный самородокъ. Точно также и съ великимъ умомъ и талантомъ.

Теперь наука и искусство доступны почти только самымъ богатымъ, которыхъ очень мало. Вотъ почему такъ рѣдки при теперешнемъ порядкѣ великіе умы и таланты. На цѣлое столѣтіе ихъ попадается нѣсколько.

Но это не все. Мало золота получишь въ одной горсточки песку даже въ самой богатой розсыпи. Ну, а что, если и самого золота почти не осталось въ ней?

Умъ и способности сохраняются только при работѣ также точно, какъ и сила. Теперешнимъ же богачамъ не на чемъ развивать своего ума и способностей. Богатые не охотники до этого. Все время они предпочитаютъ проводить въ лѣни, обжорствѣ и развратѣ. Зачѣмъ имъ заниматься наукой? Зачѣмъ имъ писать книжки? Развѣ для того, чтобы народъ обучился на ихъ погибель?

Теперешніе богачи — это отупѣлые, оплывшіе жиромъ кабоны, у которыхъ иногда и мысли никакой въ головѣ не бываетъ. Отъ отупѣлыхъ отцовъ родятся такія же тупыя дѣти. Вотъ почему почти всѣ люди, великіе умомъ и талантомъ, выходятъ изъ дѣтей народа, когда этимъ бѣднякамъ коимъ-нибудь чудомъ удалось пробить своей головой толстый слой льду, который держитъ ихъ во мракѣ и не даетъ выглянуть на свѣтъ божій. Ну, а много-ли такихъ счастливцевъ? Сколько головъ разбилось объ этотъ ледъ? А сколько такихъ, которые и не пробовали выпырнуть, потому что помнили, что не перешибить плетью обуха, либо вовсе не думали пробиться наверхъ, потому что не чуяли они своихъ великихъ дарованій!

Вотъ почему такъ рѣдки великіе умы, вотъ почему они стоятъ одинокіе, какъ колодцы въ безлюдной степи.

Не то будетъ при работницкомъ порядкѣ: тогда всѣ будутъ учеными. Значитъ, не пропадетъ безъ пользы для людей ни одного великаго ума или таланта.

Легче счесть песокъ морской, чѣмъ вычислить, какое счастье дастъ это людямъ.

Велика сила человѣческаго ума, велики чудеса, которыя онъ создалъ. Развѣ желѣзныя дороги, телеграфы, машины не великія чудеса? Что-же

будетъ, когда сила человѣческаго ума увеличится во сто разъ, когда вмѣсто одного ученаго ихъ будетъ сотня?

Какъ скала въ безводной пустынѣ раскрыла грудь свою и напоила жаждущихъ евреевъ, когда Моисей ударилъ въ нее жезломъ, такъ природа раскроетъ сосцы свои и потекутъ изъ нея рѣки изобилія, когда столько великихъ умовъ воззовутъ къ ней.

Велико богатство, которое даетъ народу работницкій порядокъ самъ по себѣ, но то, что даетъ онъ чрезъ науку тоже предъ нимъ, что Волга-матушка передъ дождевой струей. Выдумана новая машина, и каждый человѣкъ дѣлаетъ столько, какъ прежде сто. Выдумано новое удобреніе, и тотъ-же клочекъ земли родитъ въ десятеро.

Но не объ одной пользѣ думаетъ и не къ одной пользѣ стремится человѣкъ.

Много услады даетъ человѣку богатство, обладаніе всѣми богатствами земными. Но что они предъ тѣмъ, что даетъ человѣку прониканіе въ тайны природы, наслажденіе тѣмъ, что только лучшаго создалъ человѣкъ, наукой и искусствомъ? Припомни: развѣ не разгоняла твою тоску-кручину задушевная пѣсня? Развѣ не заслушивался ты ея и не забывалъ на минуту всѣхъ невзгодъ и печалей своей сѣрой жизни!

А есть нѣчто, чего еще не извѣдалъ ты, отчего еще сильнѣе бьется сердце, еще глубже дышетъ грудь. Это — наука и искусство.

Теперь всѣми этими удовольствіями пользуются одни богатые; при работницкомъ порядкѣ всѣ эти радости будутъ доступны всякому.

Вотъ толпа возвращается съ работы, но ни на чьемъ лицѣ не видно усталости: работа непродолжительна, да и ту почти всю дѣлаютъ машины. Всѣ веселы и говорливы, точно вернулись съ праздника. Не видно между ними ни хилыхъ, ни больныхъ, потому никто не надрывается надъ работой, никто не задыхается въ тѣсныхъ комнатахъ. Нѣтъ между ними тупыхъ и безсмысленныхъ лицъ, потому нѣтъ ни одного, кто не былъ бы развитѣе теперешнихъ ученыхъ. Вотъ они садятся обѣдать, и пища ихъ вкусна и здорова. Ихъ обѣдъ приправленъ веселой рѣчью и братской любовью.

А вечеромъ одни разсыпаются по зеленымъ полямъ водить хороводы и играть въ разныя игры. Другіе собрались около своихъ товарищей, внимаютъ они словамъ ихъ и восторгъ выражается на ихъ лицахъ, ибо великія и сокровенныя тайны природы открываютъ имъ мудрые товарищи. И проясняется взоръ слушателей, и видятъ они великія чудеса природы тамъ гдѣ вчера ничего не видѣли, и высокая радость охватываетъ ихъ душу, и восторженные крики вырываются изъ ихъ груди.

А въ другомъ мѣстѣ безмолвная толпа внимаетъ, затаивши дыханіе, дивнымъ звукамъ, которые льются, какъ серебрянныя волны, изъ устъ великаго пѣвца.

Тамъ рабочіе восхищаются невиданной картиной, которую создалъ ихъ товарищъ въ часы досуга, чтобы усладить зрѣніе друзей своихъ.

А тамъ стоитъ человѣкъ и читаетъ какой-то свертокъ. Кругомъ него толпа бо́льшая, чѣмъ вокругъ всѣхъ прочихъ вмѣстѣ, и слушаютъ они, боясь проронить одинъ звукъ изъ его чудныхъ

словъ. Какъ живыя, проходятъ передъ ихъ взоромъ дивныя картины, и дыханіе спирается у нихъ въ груди, и нѣтъ конца ихъ восторженнымъ крикамъ, когда кончилъ чтецъ и опустилъ свертокъ, который держалъ въ рукѣ своей.

Велико счастье этихъ людей. А вѣдь я показалъ тебѣ только малую долю того счатья, которое дастъ людямъ будущій порядокъ!

Будущій порядокъ, это — дивный храмъ, какого не видало ни одно человѣческое око. Ступени его это — богатство, которое наступитъ при немъ. Ты взошелъ уже по этимъ ступенямъ, ты видѣлъ уже притворъ этого храма; но алтаря его ты не видѣлъ еще. Такъ притаи-же дыханіе свое! Теперь я поведу тебя къ самому алтарю, попытаюсь поднять край завѣсы его, чтобы показать тебѣ высочайшее счастье, какое дастъ будущій порядокъ роду человѣческому.

IV.

Когда ты поплывешь по теченію великой рѣки, то ты увидишь, что чѣмъ дальше плывешь ты, тѣмъ она дѣлается всс шире и шире, все глубже и глубже, пока не впадетъ наконецъ въ безконечное море.

Таково же и будущее царство.

Велико счастіе, которое оно даетъ черезъ богатство. Еще больше то, которое дадутъ людямъ искусства, художества и науки. Но это только верховья великой рѣки. Глубоки они, но пичтожна ихъ глубина предъ глубиной того безконечнаго моря, въ которое впадаетъ она.

Это море — то счастье, которое даетъ человѣку самъ человѣкъ. Ибо истинно говорю тебѣ, что придетъ время, когда сами люди переродятся, когда очистятся они отъ всѣхъ пороковъ, которые оскверняютъ ихъ теперь и не будетъ уже на землѣ ни лжи, ни обмана, ни обиды, ни насиліа, ни корысти, ни зависти, ни злобы, ни вражды! Любовь и правда воцарятся на ней и царствію ихъ не будетъ ни предѣла, ни конца.

Страшное зрѣлище представляетъ родъ человѣческій теперь. Небольшая кучка людей стоитъ надъ народомъ и захватила себѣ все, что есть лучшаго на землѣ — богатство, волю, наслажденіе науками и искусствами. А весь народъ томится въ страшномъ рабствѣ и въ вѣчной пищетѣ. Какъ стаѣ голодныхъ собакъ, богатые бросаютъ народу объѣдки со своего стола, и вотъ, какъ голодныя собаки, люди кидаются другъ на друга, чтобы вырвать эти жалкіе объѣдки. Всѣ душатъ, терзаютъ другъ друга, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ, потому что отъ этого зависитъ жизнь и смерть каждаго. Если я не вырву у тебя куска изо рта, то самъ долженъ буду умеретъ съ голоду.

И вотъ пропадаетъ правда между всѣми людьми. Люди становятся злѣе хищныхъ волковъ потому что другъ друга не терзаютъ и хищные волки.

Но погоди оплакивать гибель рода человѣческаго!

Когда другъ твой упалъ въ пучину морскую и вытащенъ на берегъ неподвижный и бездыханный, то погоди рыдать надъ нимъ: приложи ухо къ сердцу его, и если бьется оно, то утри слезы свои, ибо истинно говорю тебѣ: воскреснетъ другъ твой!

Такъ же точно и родъ человѣческій. Истинно говорю тебѣ: не погибъ онъ, потому не застыло сердце его. Неугасимымъ пламенемъ горитъ въ немъ любовь и всѣмъ морямъ въ мірѣ не залить этого пламени!

Весь теперешній порядокъ держится на борьбѣ, на враждѣ. Кто не хочетъ умирать съ голоду, а хочетъ жить въ довольствѣ; кто хочетъ быть свободнымъ, а не рабомъ другихъ людей, тотъ долженъ быть безчувственъ къ страданьямъ братьевъ своихъ, долженъ вырывать у голоднаго послѣдній кусокъ хлѣба. Враждой люди рождены, враждой вскормлены, враждой повиты. Все силится задушить любовь въ сердцѣ человѣческомъ, но ничто не могло этого сдѣлать, ибо легче вырвать каменную гору изъ нѣдръ земли и бросить ее подъ облака, чѣмъ искоренить любовь изъ сердца человѣческаго.

У одного царя было трое дѣтей — два сына и одна дочь. Всѣхъ ихъ любилъ онъ, потому что всѣ они были его родныя дѣти. Но старшіе сыновья измѣнили отцу и соединились они съ врагами его. И свергли они его съ престола и заковали въ цѣпи и бросили въ черную тюрьму. — Одна дочь не измѣнила ему. Соединила она всѣхъ друзей его, прогнала враговъ его и свергнула съ престола братьевъ своихъ. Освободила она изъ тюрьмы отца своего, но преклонился онъ передъ своею дочерью. И гордые братья преклонились передъ ней и увѣнчали они ее вѣнками изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и дали въ руки зеленую вѣтвь и посадили ее на престолъ славы.

— Царь — это родъ человѣческій.

— Дочь — это любовь.

Все измѣнило народу: сила и храбрость измѣнили ему и продали себя врагамъ его. И стали они защищать не слабыхъ и обиженныхъ а сильныхъ и обидчиковъ.

Умъ и наука измѣнили ему и продали себя врагамъ его. И стали они защищать не правду и добро, а ложь и несправедливость.

Одну любовь не могли купить всѣ сокровища міра. Она одна осталась вѣрна народу и она одна спасетъ его отъ погибели.

Искони вѣковъ враги народа только и думали, чтобъ затемнить умъ народа. Они держали его въ вѣчной нищетѣ, чтобъ онъ всю жизнь работалъ какъ рабочая скотина, и не могъ ни о чемъ думать кромѣ куска хлѣба.

Они подкупали поповъ, чтобы они говорили народу, будто Богъ повелѣлъ ему быть рабочей скотиной богатыхъ, и что страшныя муки ждутъ на томъ свѣтѣ всякого, кто задумаетъ освободиться отъ рабства.

Они грозили страшными казнями всякому, кто посмѣетъ открыть народу правду, потому знали злодѣи, что когда прозрѣетъ народъ, тогда наступитъ конецъ ихъ владычеству.

Но напрасны были всѣ ихъ усилія.

Во всѣ времена, и во всѣхъ странахъ, изъ среды народа, и даже изъ среды утѣснителей и враговъ его, поднимались люди, сильные умомъ и волею, которые возвышали свой могучій голосъ, чтобъ открыть правду братьямъ своимъ.

Враги народа говорили имъ: идите въ наши ряды, и мы осыплемъ васъ богатствомъ и славою. Мы построимъ вамъ каменныя палаты, и вѣтеръ не коснется лица вашего. Все, что есть лучшаго и драгоцѣннаго на землѣ, мы соберемъ и поверг-

немъ къ ногамъ вашимъ, ибо видимъ мы, что свѣтъ проникаетъ въ умы народа, и намъ нужны люди сильные умомъ и словомъ, чтобы задавить въ народѣ все враждебное намъ.

Но они плевали въ лицо своимъ коварнымъ обольстителямъ, они бросали свои дорогія одежды и надѣвали рубища; они покидали свои роскошныя палаты и уходили скитаться безъ крова и пристанища, чтобъ открыть народу причину его страданій и поднять его противъ злодѣевъ его.

И хватали ихъ враги народа, и не было предѣла ярости ихъ, ибо чувствовали, они, какъ отъ могучаго голоса этихъ людей дрожатъ до основанія и готовы обрушиться на ихъ головы каменныя стѣны ихъ палатъ.

И жгли ихъ враги народа медленнымъ огнемъ, и сдирали съ нихъ съ живыхъ кожу, и рвали ихъ тѣло раскаленными щипцами.

Но гибли мученики, а по ихъ слѣдамъ шли новыя толпы учениковъ ихъ, которые знали, на что они идутъ, знали, что покидаютъ. И напрасно свирѣпствовали враги народа, напрасно писали они страшные законы! Ничто не могло удержать этихъ людей, ибо велика сила любви въ сердцѣ человѣческомъ.

Если такова сила любви, когда все силится подавить ее, то что же будетъ, когда все будетъ укрѣплять ее?

Когда ты запрудишь потокъ высокою плотиною, то вода соберется позади плотины, потому что плотина не будетъ пускать ее. Но все таки тонкая струя будетъ протекать черезъ плотину и будетъ течь свѣтлый ручеекъ по полямъ, орошая берега свои и покрывая ихъ яркою зеленью.

Но что такое этотъ ручеекъ передъ тѣмъ могучимъ потокомъ который хлынетъ, когда ты разрушишь самую плотину?

Сердце человѣческое — это родникъ безконечной любви. Только теперешній порядокъ мѣшаетъ ей вылиться. Еслибъ не онъ, то полилась бы она широкимъ потокомъ и весь міръ наполнила бы собою.

Человѣкъ жаждетъ любви, потому что любовь даетъ ему величайшее счастье, какое только есть на землѣ.

Почему человѣкъ ѣстъ и пьетъ вкусно, когда можетъ? Почему онъ слушаетъ пѣніе, занимается науками, когда можетъ? Потому, что вкусно ѣсть, слушать пѣніе и заниматься науками — пріятно.

А развѣ можетъ все это сравниться съ тѣмъ безпредѣльнымъ счастіемъ, которое даетъ человѣку любовь? Одна любовь даетъ человѣку величайшее счастіе. Все остальное даетъ не счастіе, а только удовольствіе. Но и удовольствіе это кратковременно: не можетъ человѣкъ весь день ѣсть, хотя бы самыя вкусныя блюда. Поѣвши, онъ говоритъ: довольно! и прошло удовольствіе его. Не можетъ онъ цѣлый день смотрѣть на картину или слушать пѣніе. Посмотрѣвши и послушавши, онъ говоритъ: довольно! и прошло удовольствіе его. Любовь же вѣчна и безконечна. Не скажетъ человѣкъ другу своему: ты уже достаточно сильно любишь меня — перестань! Не скажетъ онъ товарищамъ своимъ: у меня довольно друзей между вами, я не хочу, чтобъ у меня ихъ было больше. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ и чѣмъ больше его любятъ, тѣмъ больше счастіе его. И глубже этого счастія нѣтъ на землѣ!

Если человѣкъ обладаетъ всѣми благами земными, если онъ ѣстъ на серебрѣ, одѣвается въ золото, но не знаетъ любви, то онъ несчастнѣйшій изъ людей.

Любовь для человѣка то же, что вода для цвѣтка: есть вода — цвѣтокъ свѣжъ и душистъ; нѣтъ ея — онъ вянетъ и сохнетъ, какъ бы хороша ни была земля, на которой онъ растетъ.

Вотъ почему человѣкъ жаждетъ любви больше, чѣмъ всѣхъ благъ земныхъ.

Но при теперешнемъ порядкѣ люди должны дѣлать другъ другу зло, грабить, обманывать другъ друга, чтобы самимъ отбиться отъ голода, холода и рабства. Вотъ почему между людьми нѣтъ любви.

Но и при теперешнемъ парядкѣ любовь рвется изъ сердца человѣческаго, если только ей есть какой нибудь выходъ.

Почему человѣкъ любитъ родныхъ своихъ? Потому, что они не дѣлаютъ ему зла, а гдѣ могутъ, помогаютъ ему. И вотъ льется на нихъ любовь изъ сердца человѣческаго, потому что разрыта въ этомъ мѣстѣ плотина, которая не пускаетъ ее.

Когда будетъ разрушенъ теперешній порядокъ, тогда совсѣмъ уничтожится это плотина, потому людямъ не нужно будетъ терзать другъ друга, чтобы самимъ прожить; всего имъ будетъ вдоволь. Тогда всѣ будутъ жить, какъ теперь братья живутъ, и всѣ будутъ любить другъ друга, какъ братья!

Какъ братья? Нѣтъ, больше чѣмъ братья, ибо теперь братъ долженъ вырывать хлѣбъ изо рта брата, чтобы самому не умирать съ голоду!

И новое солнце взойдетъ тогда надъ родомъ человѣческимъ, и новое небо спустится на землю.

Не будетъ тогда на землѣ ни обиды, ни насилія, ибо не подымется рука твоя на брата твоего, котораго ты любишь больше себя!

Не будетъ ни лжи, ни обмана, ибо не повернется языкъ твой солгать брату своему, котораго ты любишь больше самого себя!

Ни зависти, ни корысти, ни злобы, ни вражды не будетъ на землѣ, потому не можетъ она быть тамъ, гдѣ люди любятъ другъ друга больше, чѣмъ родные братья.

И не узнаютъ люди самихъ себя, когда имъ разскажутъ, какъ дѣды ихъ терзали, душили, грабили другъ друга. Не повѣрятъ они, когда разскажутъ имъ, какъ братъ отнималъ хлѣбъ у брата, отецъ у сына, чтобы взять себѣ. Потому забудутъ они самыя слова „мое“ и „чужое“; потому всякій съ радостью будетъ отдавать другому все, что есть у него, и не будетъ ему бо́льшей радости, какъ сдѣлать что-нибудь пріятное брату своему.

Не повѣрятъ они, что люди хватали другъ друга, какъ бѣшеныхъ звѣрей, заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрьмы и остроги. А другіе люди говорили: мы мудрѣе и справедливѣе ихъ; и приказывали привести ихъ предъ лицо свое и судили ихъ. Не будетъ тогда на землѣ ни палачей, ни судей, ибо самыхъ преступленій не будетъ тогда на землѣ.

И не будетъ тогда на землѣ никакой власти человѣка надъ человѣкомъ. Не только кровожадныхъ царей и вельможъ и ихъ подлыхъ слугъ, чиновниковъ, не будетъ, но не будетъ на землѣ никакой власти, никакихъ законовъ не будетъ,

потому не для кого будетъ писать ихъ, когда люди будутъ любить другъ друга больше, чѣмъ родные братья. Зачѣмъ тогда законы, которые заставляютъ человѣка дѣлать то и то, когда каждый скорѣе отдастъ себя на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, чѣмъ однимъ словомъ обидѣть брата своего.

Вотъ земля обѣтованная, которая уготована всѣмъ народамъ земнымъ. Блаженны дѣти наши, которыя войдутъ въ нее!

Блаженъ и тотъ, кто, какъ Моисей, издали увидитъ ее съ высокой горы! Ибо спокойно сомкнетъ онъ очи свои съ вѣрой и надеждой на счастіе рода человѣческаго.

Но трикратъ блаженъ ты, если трудами своими ты помогалъ народу приблизиться къ этой землѣ; если ты отрекся отъ себя и пошелъ открывать всю правду братьямъ своимъ. Вѣчный миръ снизойдетъ въ душу твою, ибо будешь знать ты, что трудишься и страдаешь за счастіе рода человѣческаго! Люди, развращенные теперешнимъ порядкомъ, люди съ окаменѣлымъ сердцемъ, глухіе къ стонамъ братьевъ своихъ, скажутъ тебѣ: безумецъ, опомнись! что тебѣ до другихъ? думай о себѣ самомъ; вѣдь ты можешь добиться счастія, а ты идешь на вѣчныя лишенія! Ты отказываешься отъ всѣхъ радостей семейной жизни, отказываешься отъ почестей и богатства, которыя, быть можетъ, ждутъ тебя впереди!

Да, ты отказываешься отъ всего этого. Не на миръ среди умирающихъ съ голоду братьевъ зовемъ мы тебя. Зовемъ мы тебя на великое служеніе имъ.

Не будешь ты имѣть семьи, не будешь знать ни крова, ни пристанища, и враги народа будутъ гнать тебя голоднаго и холоднаго изъ города въ городъ,

изъ села въ село. И горшее постигнетъ тебя: изъ братьевъ твоихъ, за которыхъ ты душу радъ положить, выйдутъ враги тебѣ, потому возьмутъ ихъ злодѣи и опутаютъ ихъ умъ ложью и заставятъ служить себѣ. Но когда будутъ травить тебя, какъ дикаго звѣря, враги твои, — и ты, босой и голодный, будешь убѣгать отъ нихъ, и не будешь ты имѣть, гдѣ преклонить голову, то и тогда не позавидуешь ты всѣмъ лицемѣрамъ, спокойно живущимъ потомъ и кровью братьевъ своихъ, ибо истинно говорю тебѣ — ты будешь счастливѣе ихъ.

Когда враги твои схватятъ тебя и закуютъ тебя и бросятъ тебя безъ пищи и питья въ черную тюрьму, то и тогда ты не позавидуешь имъ, ибо истинно говорю тебѣ, — ты будешь счастливѣе ихъ.

Когда осудятъ тебя на смерть, привяжутъ тебя къ столбу и подъ ногами твоими выроютъ могилу твою и убійцы твои направятъ на грудь твою дула ружей своихъ и взглянешь ты въ лицо ихъ, то истинно, истинно говорю тебѣ, — ты будешь счастливѣе ихъ, ибо нѣтъ бо́льшаго счастья, какъ погибнуть за братьевъ своихъ!

И убьютъ тебя!... Замолкнетъ голосъ твой! Безсильно опустятся руки и выпадетъ изъ нихъ знамя освобожденія рода человѣческаго, которое держалъ ты! Но тѣнь твоя подниметъ его! Заговорятъ кровавыя раны на груди твоей! И бодрость и отвага польются въ ряды друзей твоихъ, и ужасъ и смятеніе — въ среду враговъ!

Конецъ.

16